

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
НА 1973 ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1976

Редакционная коллегия:

*М. П. Алексеев, В. Н. Баскаков, Н. В. Измайлов,
В. И. Малышев, К. Д. Муратова*

Ответственный редактор *К. Д. Муратова*

Е $\frac{70202-507}{042 (02)-76}$ 279-75

© Издательство «Наука», 1976

И. М. Юдина

АРХИВ А. И. ИВАНЧИНА-ПИСАРЕВА

1

Архив Александра Ивановича Иванчина-Писарева (1849 (?)—1916), активного деятеля народнического движения, критика и публициста, не только отражает его общественно-литературную деятельность 1890—1910-х годов, но и содержит богатый материал для истории периодической печати этих лет. Архив (фонд 114) обширен, в нем свыше 700 единиц хранения.

Еще будучи студентом Московского университета, Иванчин-Писарев сблизился с революционно-народнической группой чайковцев, принимавшей участие в «хождении в народ». Позднее имение Иванчина-Писарева в Ярославской губернии стало одним из центров такого «хождения» в Поволжье. В 1874 г. начались массовые аресты чайковцев. В 1875 г. Иванчин-Писарев был вынужден уехать за границу. Здесь он начинает сотрудничать в революционных изданиях «Вперед» и «Работник» и писать пропагандистские брошюры. В 1877—1879 гг., вернувшись в Россию, он вошел в группу, связанную с «Землей и волей», а в конце 1879 г., приехав в Петербург, сблизился с народовольцами. В 1880 г. он один из редакторов газеты «Народная воля». В 1881 г. Иванчин-Писарев был сослан в Сибирь, но и там продолжал активную общественную и литературную деятельность. Так, он принимал участие в «Сибирской газете», издававшейся в Томске, сначала как сотрудник, а затем, в 1887—1889 гг., как член ее редакции.

Революционная деятельность Иванчина-Писарева не нашла отражения в его архиве. К периоду сибирской ссылки относится лишь письмо А. И. Эртеля (1886), характеризующее настроения интеллигенции начала 1880-х годов. 16 ноября 1886 г. он писал Иванчину-Писареву (ф. 114, оп. 2, № 490): «Вы, верно, удивитесь, Александр Иванович, что вступаю с Вами в переписку, но мы ведь „знакомые незнакомцы“ в некотором роде, а потому и не удивляйтесь». Далее Эртель делится с адресатом — человеком, «живущим за 4000 верст», своими мыслями о современной действительности и интеллигенции, ушедшей в «малые дела»: «Мне все думается, что у вас там более свежести, менее шаблонов <...> У нас же по части серьезности плохо... Стоит мрачное, унылое, бесцветное время; нечего делать, некуда деться *настоящему* интеллигентному человеку; хаос мнений; хаос понятий; нет верований; нет надежд; есть только оклады и ... скука. Сквозь некоторый мрак можно еще различить одно смутно уловимое течение — оно примыкает к Л. Н. Толстому, обнаруживая, однако, в своей среде огромное разнообразие оттенков и толкований; да есть еще какое-то плохо сознаваемое стремление к деревне — к агрономии, хотел я сказать... Помимо этих двух тенденций, правда, живут и прежние, но живут переживая себя, живут не дирижируя более общественным сознанием, живут изо дня в день разлагаясь или уходя в сухую

разработк̄у подробностей, в статистику, в финансовую политику, в так называемое деловое направление. И, говоря о „тенденциях“, я подразумеваю соль земли. Но что же с массой? Что же совершается с материалом, нуждающимся в соли? Несомненно одно, что „материал“ прибывает изобильно и настойчиво. Университеты, академии, институты, семинарии, женские курсы, специальные школы, гимназии ежегодно извергают на распутья российской действительности множество юных сил, как и всегда жаждущих веры и дела. И на распутьях одних берет и ведет за собою пресловутый „дух века“ — нажива, погоня за деньгой и за удовольствиями; других принижает пошлость житейская, сытое существование, приличный оклад; третьи — и это, может быть, большинство — мечутся из угла в угол, бьются как рыба об лед, ищут переписки (вот спасительная панацея!), ищут уроков, ищут „хоть каких-нибудь занятий, и здесь и в отъезд, куда угодно“, толкаются во все двери, туда и сюда, голодают, мучаются и, что важнее-то всего, не только не видят цели своего существования, но и отвыкают о сем любопытствовать... Вот дела.

Бок о бок с формальным развитием знания (куда теперь до нас «наивным» шестидесятым годам!), бок о бок с широким заимствованием „последних слов науки“ из неисчерпаемого европейского склада, бок о бок с электричеством, телефонами, со всей этой обстановкой „совершенно как в Европе“, мы достигли такого внутреннего убожества, такой душевной пустоты, такого принижения характеров, что дальше в этом направлении, кажется, и идти некуда. Самая литература наша — это литература, вчерашний день которой, говорят, изумляет теперь задним числом Европу своим пышным расцветом, — обратилась в поприще жалких, надтреснутых, ноющих звуков вроде патологической поэзии гг. Надсона, Минского и других, либо сделалась убогим сколком французской буржуазной беллетристики, либо и еще того хуже — насаждает бульварные обычаи и нравы, спекулирует на инстинкты улицы. Это — изящная литература. А публицистика! Посмотрите, во что выродилась эта публицистика — преемница широких обобщений, руководивших, бывало, так ли иначе общественным сознанием. Если не считать подспудной публицистики — тут надо разуместь исключительно одного только Л. Толстого — да часто непоследовательной, но всегда глубоко искренней и хватающей за живое публицистики Глеба Успенского, — хоть ты шаром покати! Да как ей и быть, когда действительность, о которой она трактует, разбилась на множество так называемых „вопросов“ — питейный вопрос, переселенческий, вопрос об элеваторах, о нормировке сахара, паспортный вопрос, тарифный и так далее без конца, вплоть до последнего — болгарского...¹ И за всеми этими вопросами самая суть действительности, ее смысл, ее коренные, определяющие начала исчезают из понимания».

Эртель приходил к выводу, что сейчас «нужен человек большого синтеза, большой искренности и большого творческого таланта, чтобы ясно и твердо определить чаяние и спасение эпохи». «Я как ни высоко ставлю Толстого, — заявлял он Иванчину-Писареву, — но вижу теперь, что не от него ждать этого, и уж во всяком случае не от Михайловского, который слишком „жрец“ для этого. Это, впрочем, вопрос времени. Кажется, редко бывало, чтобы брожение эпохи не находило в конце концов своего выразителя — и если не находило одного выразителя, так называемого гениального человека, то все-таки оно выражалось в массовом творчестве. Но не может так идти дальше; не должно так идти дальше, ибо — идти некуда».

¹ На Берлинском конгрессе 1878 г. из состава Болгарии была выделена ее южная часть — Восточная Румелия. В 1885 г. произошло объединение страны, послужившее поводом к сербско-болгарской войне 1885—1886 гг. Бухарестский мирный договор закрепил границы воссозданной Болгарии. А. И. Эртель, видимо, имеет в виду сложное положение Болгарии в связи с ее внешней политикой.

После сибирской ссылки Иванчин-Писарев поселился в 1889 г. в Казани, где стал сотрудничать в «Волжском вестнике». Он уже обладал опытом редакторской работы, и издатель Н. В. Рейнгардт вскоре привлек его к редактированию газеты (с осени 1890 до лета 1892 г.), дела которой оказались запущенными. В архиве хранятся доверенность, выданная Иванчину-Писареву Рейнгардтом на открытие в Нижнем Новгороде отделения конторы «Волжского вестника», и договор об открытии этого отделения (с 1891 г.). В письме к В. Г. Короленко от 1 декабря 1891 г. (оп. 1, № 3) Иванчин-Писарев говорит о своей работе в газете и фактическом редактировании ее, о своих отношениях с Рейнгардтом, о предполагавшемся сотрудничестве Короленко («От Вас я хотел бы получить обещание насчет рассказа к новому году за Вашей подписью, и настолько прочного обещания, чтобы можно было напечатать „Будет рассказ Вл. Короленко“. Ради поддержки „Волжского Вестника“ и меня Вы, конечно, отдадите его за построчную плату в 40 к. По рукам — что ли? Думаю еще обратиться к Эртелю, который читается здесь нарасхват, и к Станюковичу. От Вас я вообще жду всяких указаний, советов»).

Финансовые затруднения в газете были столь сильны, что новый редактор урезал свое жалованье и уменьшил гонорары сотрудникам, а некоторые из них отменил. «Рейнгардт платил за театральные рецензии М. И. Попову,² — сообщает Иванчин-Писарев Короленко в том же письме. — Я нашел это совершенно излишним в университетском городе, где масса интеллигентных лиц может писать рецензии лишь за кресло, в уплату за удовольствие посидеть даром в театре. „Миша“ согласился и теперь чередуется с Перцовым,³ очень симпатичным молодым человеком, посаженным на ампулу „Маленького фельетониста“, под псевдонимом „Посторонний“».

Большую трудность в ведении газеты создавала цензура. В цитированном письме к Короленко говорилось: «У нас нельзя писать „царствует“, а нужно — „господствует“, нельзя ни одной строчки пропустить о голоде в Казанской губ. без разрешения губернатора <...> нельзя писать „Петр I“, а нужно „Император Петр I“; нельзя касаться учебного ведомства до директора включительно, полиции — до урядника, духовенства — до дьякона; нельзя „сомневаться в целесообразности мер“ нач^{альников} губ^{ернии}, полиции, зем^{ских} нач^{альников} и т. д. и т. д. без конца. Познакомившись лично с цензором, я позволяю себе то и дело торговаться с ним по телефону. Иногда уступает, — и за то спасибо!».

Рассказав о своей редакционной работе, Иванчин-Писарев признавался, что не может выдержать долго такой нагрузки и уже пригласил в «Волжский вестник» Д. А. Клеменца: «Если Клеменц откажется, придется остановиться на Ев. Н. Чирикове,⁴ беллетристе, работавшем в Астраханской газете».

С Д. А. Клеменцем Иванчин-Писарев был связан по революционной работе. Оба были чайковцами, а затем народовольцами. Оба в ссылке жили в Минусинске. В Сибири Клеменц начал свою научно-исследовательскую работу. Экспедиции 1880—1890-х годов, в которых он принимал участие, внесли большой вклад в изучение географии, геологии, археологии и этнографии Сибири, Центральной Азии и Восточного Туркестана. Клеменц обладал опытом издательской работы. В конце 1878—начале 1879 г. он был одним из редакторов журнала «Земля и воля», а позднее сотрудничал в «Сибирской газете» и «Восточном обозрении». Однако он

² Попов М. И. (ум. 1892) — журналист, фельетонист, сотрудник «Волжского вестника».

³ Перцов П. П. (1868—1947) — критик и публицист (см. описание его архива в настоящем «Ежегоднике»).

⁴ Чириков Евгений Николаевич (1864—1932) — прозаик и драматург. Иванчин-Писарев имеет в виду газету «Астраханский вестник».

не мог принять предложение Иванчина-Писарева работать в «Волжском вестнике», так как собирался в это время в экспедицию в Монголию. В архиве сохранилось 18 писем Клеменца (1891—1911), в которых он говорит о своих экспедициях, об организации Минусинского и Иркутского музеев, об истреблении промыслового зверя в Сибири и необходимости борьбы с этим, о своей работе в Музее антропологии и этнографии Академии наук и в этнографическом отделе Русского музея.

Особый интерес представляет письмо Клеменца от 16 апреля 1894 г. (оп. 2, № 204), в котором дана резкая оценка учения Льва Толстого. «Если все худо от того, что люди худы, — заключал Клеменц, — то дела не поправишь, так как поправлять натуру людей и народа можно только веками. Если б каким-либо чудом люди сделались хотя на 2% лучше, нежели теперь, то сам Толстой решил бы, что ему лучше всего молчать, так как учить таких людей ему было бы не под силу. Мы можем говорить об учреждениях и изменять только их. По-моему, любви и всяких добродетелей в людях довольно, только обстоятельства мешают им проявиться. Я болею от сырой квартиры, а мне болтун, ничего не смыслящий в гигиене, говорит: Вам нужно закалить свое здоровье так, чтобы простуда на Вас не действовала, превратиться в тунгуса. Между тем мне нужно только купить дров».

Материалы о «Волжском вестнике» можно найти также в письмах к Иванчину-Писареву А. В. Погожева (1891), А. И. Богдановича (3 п., 1892) и др.

Переехав в Петербург и став одним из активнейших деятелей журнала «Русское богатство», Иванчин-Писарев продолжал интересоваться положением провинциальной прессы и не терял связей с журналистами Поволжья. В его архиве сохранилось 10 писем Н. П. Загоскина (1892—1895) и 9 писем Е. Н. Чирикова (1894—1896). Письма последнего относятся ко времени его сотрудничества в «Самарской газете». 10 августа 1894 г. (оп. 2, № 476) Чириков писал: «Работаю пока в „Самарской Газете“; состав нашей редакции весь под надзором, и газета, кажется, не хуже „Волжского Вестника“. Я веду только два отдела: „Заграничная жизнь“ и „Очерки русской жизни“ под псевдонимом Валина». В другом письме, от начала января 1895 г., Чириков просит Иванчина-Писарева ознакомить В. Г. Короленко, Н. Г. Гарина-Михайловского и ряд других лиц с «инцидентом» между «Самарской газетой» и семьей сотрудниками ее, вышедшими «всем составом» из газеты. Излагая суть дела, Чириков замечает: «<...> причины эти кроются вовсе не в свойствах характеров, а в разногласиях, возникших на почве взглядов на газету и ее задачи».

В одном из писем 1894 г. Чириков говорит об успехе статьи Н. К. Михайловского «Литература и жизнь», опубликованной в январском номере «Русского богатства»: она «читается просто нарасхват, комментируется и т. д. Вероятно, Ник^олай Конст^антинович получит и из Самары письма „марксистов“...».

2

В 1891 г. группа народников — публицистов и беллетристов — купила у Л. Е. Оболенского журнал «Русское богатство». Во главе его встал Н. К. Михайловский. Большую помощь в приобретении журнала, в формировании его редакции, в привлечении пайщиков оказал молодой писатель Н. Г. Гарин-Михайловский.⁵

⁵ О роли Н. Г. Гарина-Михайловского в истории журнала «Русское богатство» см. в статье В. Я. Гречнева (Литературный архив, т. 5. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, с. 9—12) и в книгах: Миронов Г. М. Поэт нетерпеливого созидания. М., «Наука», 1965, с. 71—84; Юдина И. М. Н. Г. Гарин-Михайловский. Жизнь и литературная деятельность. Л., «Наука», 1969, с. 36—63.

Журнал «Русское богатство» давно уже привлекает внимание исследователей,⁶ однако история его еще не написана. В воссоздании этой истории немалую помощь окажут хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР архивные фонды Н. К. Михайловского, А. И. Иванчина-Писарева и журнала «Русское богатство».

Как следует из неопубликованной статьи Н. Ф. Анненского «Краткий исторический очерк товарищества по изданию журнала „Русское богатство“» (ф. 266, оп. 1, № 1), покупка журнала была сначала совершена на имя Е. М. Гаршина (по «домашнему условию» его с Л. Е. Оболенским от 7 января 1892 г.), а позднее (по «домашнему условию» от 8 ноября) издательское право на журнал перешло к жене Н. Г. Гарина-Михайловского — Н. В. Михайловской. Но в действительности журнал составлял коллективную собственность пайщиков-писателей, которые должны были «отработать» пай своими произведениями.

26 апреля 1893 г. соглашения между участниками впервые были облечены в форму письменного договора. В архиве Иванчина-Писарева хранится отрывок договора (черновой текст рукой Иванчина-Писарева — ф. 114, оп. 1-а, № 3), а в архиве Н. К. Михайловского — полный текст его (ф. 181, оп. 3, № 271). Литературная сторона дела была предоставлена договором редакционному комитету в составе Н. К. Михайловского, Н. С. Кривенко и А. И. Иванчина-Писарева, учрежденному наряду с официальными редакторами — П. В. Быковым и С. И. Поповым. Вскоре Иванчину-Писареву были переданы Н. В. Михайловской и возложенные на нее хозяйственные дела.

По данным «Краткого исторического очерка» Н. Ф. Анненского, в апреле 1894 г. литературно-хозяйственный комитет состоял из следующих лиц: Н. К. Михайловского (председатель), С. Н. Кривенко, Н. Г. Гарина-Михайловского, С. Н. Южакова, Н. А. Карышева, А. И. Иванчина-Писарева, Н. В. Михайловской и О. Н. Поповой; позднее в него вошел и Н. Ф. Анненский.

В состав редакции входил также К. М. Станюкович, который оставался там, однако, недолго. В декабре 1894 г. после конфликта, завершившегося полным разрывом между Н. К. Михайловским и Кривенко, последний отошел от журнала, и редакционный комитет стал состоять из Михайловского и Короленко, начавшего сотрудничать в «Русском богатстве» с октября 1892 г. В мае 1895 г., в связи с требованием О. Н. Поповой снять ее имя как издателя, Короленко был утвержден одним (наряду с Н. В. Михайловской) из официальных издателей журнала; июньская книжка вышла уже с его именем.

В 1897 г. (с № 4) вместо Н. В. Михайловской в соиздательство с Короленко вступил Н. К. Михайловский. Таким образом, фактические редакторы журнала сделались и его официальными издателями. В мае 1900 г. издатели журнала Михайловский и Короленко были утверждены ответственными редакторами «Русского богатства» вместо числившихся ранее П. В. Быкова и С. И. Попова. После смерти Михайловского (28 января 1904) редактором и издателем журнала стал Короленко. В апреле—мае 1904 г. в состав редакции вошли П. Ф. Якубович, А. Г. Горнфельд и А. В. Пешехонов.

⁶ См.: Евгенийев-Максимов В. Е. Из истории «Русского богатства». — «Русское богатство», 1917, № 11—12; Никольский Б. Дело «Русского богатства». Из материалов архива бывшего Департамента полиции. — Там же, 1918, № 1—3; Летов Б. Д. В. Г. Короленко-редактор. Л., Изд. ЛГУ, 1961. См. также ряд работ о выступлениях отдельных писателей и критических отзывах о них на страницах «Русского богатства»: Березовская Ж. И. Максим Горький в оценке журнала «Русское богатство» 1890—1900-х годов. — Ученые записки Стерлитамакского педагогического института, 1962, вып. 8; Тимохина Н. В. Д. Н. Мамин-Сибиряк в журнале «Русское богатство» в 90-е годы XIX века. — Доклады высшей школы. Филологические науки, 1963, № 2, и др.

Перейдя в начале 1890-х годов в руки народнической редакции во главе с Н. К. Михайловским, «Русское богатство» скоро выдвинулось в ряды наиболее популярных журналов того времени. Этому способствовали как произведения В. Г. Короленко, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. И. Куприна, К. М. Станюковича и других писателей-реалистов, так и критические и публицистические статьи самого Михайловского, который, по словам Ленина, «был одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии» в разночинный период революционного движения. Ленин писал, что Михайловский «энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к „подполью“, где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью».⁷

В журнале хорошо были поставлены не только литературный и публицистический отделы, но и отделы внутреннего и зарубежного обозрений. Последний, хотя и освещал события зарубежной общественной жизни с точки зрения либерально-народнического восприятия, являлся тем не менее «единственным в 90-х годах источником, по которому широкие круги демократической интеллигенции могли знакомиться с иностранной жизнью и с деятельностью социалистических партий».⁸

Прогрессивное направление «Русского богатства» не замедлило привлечь внимание Цензурного комитета, поднявшего тревогу сразу же после выхода первых номеров обновленного журнала. Цензуру беспокоили и общая идейная направленность журнала, и отдельные материалы его. Он постоянно подвергался гонениям цензоров. Упомянутая выше статья В. Е. Евгеньева-Максимова «Из истории „Русского богатства“» ярко освещает эту сторону существования органа народников. Архив Иванчина-Писарева дает немало дополнений к изучению этого вопроса.

Однако, будучи в начале 1890-х годов наиболее передовым из существующих журналов, «Русское богатство» вскоре стало идейным центром народничества, выродившегося в мещанский оппортунизм.

Говоря об эволюции революционного народничества, Ленин уже в 1894 г. писал: «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества* — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы *заплатить*, „улучшить“ положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*».⁹

Критикуя взгляды народников, и особенно их лидера Михайловского, Ленин определял теоретические воззрения «Русского богатства» середины 1890-х годов как «жалкую попытку склеить обрывки народнического учения с признанием капиталистического развития России».¹⁰

Начиная с 1893 г. на страницах этого журнала развернулась полемика с русскими марксистами по коренному для того времени вопросу — о путях развития России и движущих силах его. Ленин резко осудил публицистов «Русского богатства», в первую очередь Михайловского, за выступление против марксизма, за утопичность общественных взглядов и несомненные тяготения к либерализму.

Нежизненность и схематизм народнических теорий, отрыв «Русского богатства» от насущных вопросов современности и открытая на его страницах полемика с марксистами — все это не могло не подорвать авторитета бывшего властителя дум русской молодежи — Михайловского и возглавляемого им журнала.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 333—334.

⁸ Заславский Д. И. Журналистика 90-х—начала 900-х годов. Стенограмма лекции, прочитанной в Высшей партийной школе ЦК ВКП(б). М., 1948, с. 8.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 272.

¹⁰ Там же, с. 282.

Пристрастные суждения народников были явно неприемлемы для Короленко. Он писал В. Н. Григорьеву 27 января 1898 г.: «У нас в редакции я и Николай Федорович (Анненский, — И. Ю.) составляем некоторый оттенок, стоящий ближе к марксизму».¹¹ После революции 1905 г. «Русское богатство» стало органом «народных социалистов» — группы, занявшей промежуточное положение между эсерами и кадетами.

Материалы архивов А. И. Иванчина-Писарева и Н. К. Михайловского помогают проследить идейную эволюцию «Русского богатства».

В связи с цензурными преследованиями «Русское богатство» выходило в 1906 г. под заглавием «Современные записки» (январь) и «Современность» (март—апрель), а с ноября 1914 до марта 1917 г. под заглавием «Русские записки». В 1918 г. журнал прекратил свое существование.

3

Иванчин-Писарев был членом редакции «Русского богатства» свыше 20 лет (1892—1913). Заведая конторой и материальной частью журнала, он вел обширную переписку с авторами, производил расчеты с ними и с типографией. Но это была только часть его работы. Ему нередко приходилось читать и править рукописи и корректуры, он был причастен к составлению очередных номеров «Русского богатства». Все эти многообразные стороны деятельности Иванчина-Писарева получили отражение в письмах к нему, а также в его письмах, адресованных В. Г. Короленко как руководителю беллетристического отдела журнала и человеку, с которым его связывала многолетняя дружба; всего таких писем 34 (1891—1906) (оп. 1, № 3).¹²

Письма 1892 г. говорят о перестройке «Русского богатства». 12 октября Иванчин-Писарев сообщает Короленко о намерении Н. Г. Гарина-Михайловского дать деньги на журнал: «Теперь я верю, что „Русское Б^огатство“ пойдет. Гарин так поставил вопрос, что он вместе с своей женой решил пожертвовать всем своим состоянием для журнала, если издание попадет в условия, обещающие успех. Такими условиями он считает образование редакции из Николая Константиновича Михайловского, Кривенки и меня — на должность распорядителя по хозяйственной части. Николай Константинович согласился, принял на себя редакторство, но с условием, что до нового года будет действовать под спудом, а там — судя по настроению Главного управления по делам печати».

В этом же письме Иванчин-Писарев просит Короленко прислать «Очерки по Нижегородскому краю» для приложения к «Русскому богатству» и «новый рассказец для декабрьской книжки», для которой и Михайловский «приготовит что-нибудь. Тогда объявление о приеме подписки будет весьма соблазнительным для публики».

В письмах 1893—1894 гг. речь идет о произведениях Короленко, публикуемых в «Русском богатстве» и выходящих отдельными книгами. 4 ноября 1893 г. Иванчин-Писарев сообщает автору: «Достаточно было появиться в „Правительственном вестнике“ извещению, что Цензурным

¹¹ Короленко В. Г. Собрание сочинений, т. 10. М., Гослитиздат, 1956, с. 275

¹² Письма эти были отосланы самим В. Г. Короленко вдове А. И. Иванчина-Писарева. В Рукописном отделе ИРЛИ хранится семь писем Короленко к Иванчину-Писареву: 5 (1893)—1902) в архиве Н. К. Михайловского (ф. 181, оп. 3, № 308) и 2 (1904, 1906) в архиве «Русского богатства» (ф. 266, оп. 3, № 67), 31 письмо Короленко к Иванчину-Писареву (1892—1904) находится в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ, ф. 135). Исследователь жизни и творчества Короленко — А. В. Храбровицкий сообщил нам о судьбе остальных писем: в неизданной работе историка П. А. Садикова (1890—1942) «Письма В. Г. Короленко к А. И. Иванчину-Писареву» (архив Ленингр. отделения Института истории АН СССР — ф. 263, № 60) говорится, что в начале 1920-х годов письма Короленко попали в Центральный государственный исторический архив в Ленинграде. Здесь они сильно пострадали от наводнения 23 сентября 1924 г. Однако Садикову удалось скопировать тексты 102 писем. В настоящее время судьба подлинников неизвестна — видимо, они погибли.

комитетом допущена в продажу книга Вл. Короленко „В голодный год“, как ее стали требовать не только здешние магазины, но и Ваши провинциальные поклонники. Дольше задерживать продажу стало немыслимым, и сегодня я уже напечатал объявление о выходе Вашей книги в газете „Русская жизнь“, завтра будет в „Новом времени“ и „Русских ведомостях“, а в воскресенье — в „Неделе“ — везде по три раза с промежутком в одну неделю <...> Крайне сожалею, что выпустили только 1000 экз.».

Интересно письмо от 9 июля 1896 г., в котором Иванчин-Писарев говорит о «свирепствах» цензуры: «Я не знаю, что предпринять для обуздания г. Елагина. Что ни день, то все ужаснее его взмахи. Сегодня уничтожил 320 строк, т. е. 7 страниц, в корреспонденции из Германии <...> В „Новых книгах“ вырезал (буквально, ножницами) рецензию Н. К. <Михайловского> о книге Маркса <...> Но что всего неприятнее — это его просьба присылать ему корректуры в двойном экземпляре... Невольно приходит на ум полученное мною известие, что он не только калечит статьи, а еще своими выкидками характеризует где следует авторов и редакцию». Письмо заканчивается просьбой к Короленко-издателю съездить к А. А. Елагину и «обуздать» его.

В письмах к Короленко 1901 г. Иванчин-Писарев сообщает о редакционных делах, о поездке Н. К. Михайловского в Кострому в связи с задуманной работой по социологическим вопросам, о работе последнего над статьями для отдела «Литература и жизнь», о полученных редакцией произведений для очередных номеров журнала, о товарищах по работе и т. д. «Все мы очень рады, — сказано в письме от 16 сентября 1901 г., — что в октябре будет в „Русском Богатстве“ Вл. Короленко, и все шлем ему горячий привет». В письме от 24 октября того же года имеются любопытные строки о «четвергах» журнала: „Четверги“ несколько изменили свой прежний характер. Гости являются с своей провизией и питьями, и на мой вкус гораздо занятнее за простым чайным столом, чем в гостиной, где почему-то не слышишь общих разговоров. Наибольшее число посетителей было в прошлый четверг, когда собралось 15 человек. Может быть, впоследствии наши сборища станут содержательнее, а пока скучновато».

Письма 1902 г. также посвящены многообразным редакционным делам. В них идет речь об очерках и рассказах Короленко, предназначенных для «Русского богатства», о цензоре Вержбицком, который не только «совершенно уничтожил» «Мытарства» Подъячего, раздел «хроники» и исказил смысл статьи «Из Англии», но и покусился даже на воспоминания Короленко о Г. Успенском. В них он «уничтожил несколько строк и, между прочим, такие слова, как „по некоторым причинам“, „очень сложные причины“...» (письмо от 28 мая).

Несколько писем 1902 г. посвящено третьему тому «Очерков и рассказов» Короленко. Сетую на то, что работа по изданию этого тома слишком затянулась, Иванчин-Писарев сообщает автору 27 ноября 1902 г.: «Теперь, когда уже дело кончено, я должен покаяться в нашем коллективном прегрешении: вопреки Вашему желанию, мы отпечатали „Без языка“ 5000 экз. и 6000 экз. третьего тома очерков. Действительность покажет, что и эти цифры весьма скромны по сравнению с запросом на Ваше творчество. И почему это Вы смущали себя какими-то цензурными соображениями?!».

Письма 1903—1906 гг. к Короленко связаны с общественно-политическими событиями того времени. «Как мне горько было узнать за границей, — писал Иванчин-Писарев 3 сентября 1903 г., — что Ваш „Дом № 13“ так жестоко пострадал в цензуре, и эта горечь еще увеличилась, когда я прочел самый очерк. Недаром я писал Вам в свое время, что хорошо бы именно Вам отозваться на жгучий вопрос,¹³ и действительно, только Вы

¹³ Речь идет о провоцируемых реакционными кругами еврейских погромах.

один сумели затронуть все струны сердца. Я видел, как один очень сильный человек целый день ходил подавленным впечатлением Вашего рассказа. Слух о Вашем очерке, очевидно, широко распространился, потому что редкий день не спрашивают частные лица и книжные магазины новый рассказ В. Короленко „Дом № 13“».

«В то время как разные издатели жалуются на застой в торговле,— пишет Иванчин-Писарев 22 марта 1905 г.,— только две фирмы находятся в привилегированном положении, это — товарищество „Знание“ по отношению к своим „Сборникам“ и „Русское Богатство“, где не слышно заявлений, чтобы книги залеживались в складе.

Удивительный пример зависимости распространения книги от содержания представляет „В защиту слова“:¹⁴ первое издание разошлось в три дня, второе — в пять дней, и спрос не только не ослабевает, а, напротив, все растет, — и это без всяких публикаций. Один раз только пришлось напечатать в „Руси“, „Сыне Отечества“ и „Русских Ведомостях“, что „на днях выйдет 2-е издание“, дабы прекратить эксплуатацию книготорговцев, продававших сборник от 5 до 10 рублей за экземпляр в период приготовления 2-го издания.

Думаю, что и Подъячев не залежится, благодаря репутации фирмы „Русского Богатства“ и цене 75 коп. за томик.

Я несколько изменил заглавие книжек Подъячева. Первый том имеет обложку: Мытарства.

1. Московский рабочий дом.

2. По этапу.

Второй: Среди рабочих.

Мне кажется, это лучше, чем „Очерки и рассказы. Книга первая и книга вторая“».

Последнее письмо к Короленко, от 10 октября 1906 г., написано Иванчиным-Писаревым по поводу невозвращения Главным управлением по делам печати конфискованных номеров «Русского богатства».

4

В архиве А. И. Иванчина-Писарева хранятся письма редакторов «Русского богатства» и лиц, непосредственно связанных с его изданием.

Н. К. Михайловский и Иванчин-Писарев часто встречались в редакции журнала, и поэтому переписка не отражает многих волнующих их вопросов: последние решались при личных встречах.¹⁵ Письма Михайловского (242 п., 1892—1903 и б. д.), носящие деловой характер, говорят о текущих журнальных делах, состоянии беллетристического отдела, рукописях отдельных авторов, о взаимоотношениях с Н. Г. Гариним-Михайловским и т. д.

Письма Н. Г. Гарина-Михайловского (54 п., 1892—1904) к Иванчину-Писареву освещают его взаимоотношения с журналом и историю публикации ряда его произведений.¹⁶

С историей обновления «Русского богатства» в 1890-е годы связаны письма его официальной издательницы Н. В. Михайловской (10 п., 1892—1902). «Журнал, в котором соединенными усилиями будут работать лучшие по талантливости и по чистоте направления литераторы,—

¹⁴ В защиту слова. Сборник, вып. 1. СПб., 1905. В сборник вошли статьи и заметки, посвященные цензуре и свободе слова. Среди них часть статей сотрудников «Русского богатства».

¹⁵ Из писем А. И. Иванчина-Писарева в архиве Н. К. Михайловского сохранилось только 2 (1893, 1894). На письме от 16 июня 1893 г. набросан ответ Михайловского (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 825).

¹⁶ 32 письма (1892—1904) Н. Г. Гарина-Михайловского к А. И. Иванчину-Писареву опубликованы в кн.: Литературный архив, т. 5. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960. Там же опубликованы 10 писем (1892—1897) Н. Г. Гарина-Михайловского к Н. К. Михайловскому.

писала она 7 октября 1892 г. (оп. 2, № 287), — да ведь это возрождение нашей литературы!

Мне кажется, что и наше общество уже устало от сбродной беспринципной публицистики и обрадуется такому органу, как наше будущее возрожденное и улучшенное „Русское богатство“.

Письма Михайловской содержат также данные о творческой работе Н. Г. Гарина-Михайловского, о его деятельности в деревне Гундуровке, о голоде и холере в Самарской губернии.

Письма Н. Ф. Анненского (70 п., 1894—1910 и б. д.) посвящены в основном разделам «Хроника» и «Новые книги», которые он вел; в них содержатся отзывы о редактируемых им статьях, замечания о составе очередных номеров журнала и т. п.

Письма А. Г. Горнфельда (7 п., 1902—1906) также касаются редакционных дел, в частности заказов переводов для журнала; в некоторых из писем приводятся отзывы на полученные рукописи.

Редакционным делам посвящены и письма С. Н. Кривенко (7 п., 1892—1893) и С. Н. Южакова (11 п., 1893—1904).

Письма Л. В. Костровой (112 п., 1897—1915), секретаря конторы и редакции «Русского богатства», ранее работавшей в «Сибирской газете» и «Волжском вестнике», содержат разносторонний материал для истории журнала. В них отражены работа над очередными номерами «Русского богатства», его цензурные мытарства, его денежные дела. В них приводятся также сведения о сотрудниках журнала. Письма Костровой порой не ограничивались только делами редакции: она высказывала свои суждения о современной литературе и публицистике. Так, 6 июля 1904 г. (оп. 2, № 224) она писала: «Как жалко Чехова... Чуть ли не накануне были телеграммы, что он совсем поправился и возвращается в Россию. Не будь это больной, искалеченный человек, что бы мог он дать, обладая таким совершенным, таким поразительным стилем. Что такое Тургенев с его жеманным языком, вычурными описаниями красот природы, прилизанный и холодный, все эти его „чернолесья“ и „краснолесья“, фальшивые и тусклые, как вышитый шерстями экран. Если у кого надо учиться языку, так это у Чехова. Какая яркость, какая сила!».

Помимо писем, связанных непосредственно с изданием «Русского богатства» и адресованных Иванчину-Писареву, в его архиве хранятся дела конторы журнала, рукописи неопубликованных статей и заметок.

Сохранились также письма к Л. В. Костровой: Н. Г. Гарина-Михайловского 2 (1893, 1895), С. Н. Кривенко 30 (1893—1894), Д. Н. Мамина-Сибиряка (б. д.), П. Ф. Якубовича (1898). Кроме того, имеется письмо С. И. Попова к Н. В. Михайловской (1894).

В архиве хранятся письма к В. Г. Короленко: политических заключенных одесской тюрьмы (б. д.), С. Бланка (после 1904 г.), Н. В. Лебедева (1904), А. М. Митяншевой 2 (1904), В. И. Шенрока (б. д.), П. Ф. Якубовича (1897).

Здесь же находятся письма Н. К. Михайловского: к Н. Ф. Анненскому (б. д.), М. Бинасику (<1902>), Н. П. Дружинину (1902), П. Захарянцу, с копией и примечаниями В. Г. Короленко (<1901>), А. М. Митяншевой 7 (1886—1896 и б. д.), М. А. Протопопову (б. д.), В. И. Шенроку 4 (1892—1899) и др.

5

Письма писателей к Иванчину-Писареву связаны в основном с публикацией их произведений в «Русском богатстве». Таковы письма Д. Я. Айзмана 13 (1902—1905), Ю. И. Безродной 9 (1894 и б. д.), И. А. Бунина 2 (1894, 1895), В. И. Дмитриева 3 (1900—1903), С. Я. Елпатьевского 6 (1893—1896), Ф. Д. Крюкова 6 (1906—1907), А. И. Куприна 8 (1893—<1903>), Д. Н. Мамина-Сибиряка 6 (1893—1900), С. П. По-

дьячего 2 (1907), К. М. Станюковича 3 (1894—1898), Н. И. Тимковского (1899), Т. Л. Щепкиной-Куперник 3 (1897) и др.

В сентябре 1900 г. Иванчин-Писарев обратился к В. В. Вересаеву с предложением опубликовать в «Русском богатстве» его «Записки врача». Тот ответил ему 8 сентября (оп. 2, № 70): «Мне еще предстоит работы на месяц-полтора, и до окончания ее я решительно не могу дать Вам сколько-нибудь определенного ответа. Во всяком случае могу только предупредить, что запрошу я за „Записки“ *очень* дорого: помимо материальных затрат, которые мне пришлось на них сделать, мне приходится дорожить с ними, потому что непосредственным результатом опубликования „Записок“ очень легко может оказаться мое немедленное увольнение из больницы и т^аким образом лишение источников существования».

11 октября 1900 г. Н. К. Михайловский уже писал автору: «Я с величайшим интересом прочитал Ваши „Записки“ и просил бы у Вас разрешения начать их печатание с января».¹⁷ Однако статья Михайловского в ноябрьском номере «Русского богатства» с выпадами против марксизма вызвала отказ Вересаева напечатать свое произведение в журнале. Расхождение же с журналом «Жизнь», руководимым В. А. Поссе, в оценке идейной позиции критика Е. Соловьева (Андреевича) вызвало отказ Вересаева от публикации «Записок врача» и в этом журнале.¹⁸ Они появились в «Мире божьем» (1901, №№ 1—5).

Содержательны письма П. Ф. Якубовича (103 п., 1896—1907 и б. д.), близко стоявшего к журналу «Русское богатство» и пристально следившего за работой всех его отделов. Якубович писал о своей поэзии и книге «В мире отверженных», о критических статьях и издании сборников своих стихотворений.¹⁹ В то же время его интересует общая позиция журнала по отношению к поэзии. 29 июля 1896 г. он пишет Иванчину-Писареву (оп. 2, № 499): «Любопытно бы мне вообще знать отношение редакции к стихам. С одной стороны, она печатает их много (неужели все «на затычку»?), а с другой, большинство их кажется читателям очень слабыми. Цензурой ли следует объяснять это? Или тем, что редакция не придает никакой ценности стихам? В последнем случае, мне думается, всего бы благоразумнее — совсем изгнать стихи из журнала (оставив исключение для выходящих из ряда вон вещей, очень редких), а для „затычек“ употреблять ... объявления о книгах».

В письме от 20 декабря 1896 г. Якубович выражает беспокойство за беллетристический отдел журнала в целом в связи с цензурными гонениями. «Знаю уже о несчастьи, постигшем повесть Короленко. Хочу надеяться, что в январе месяце она все же появится у Вас, хотя и с некоторыми изменениями <...> Хлопочите еще и еще о снятии цензуры! Ведь есть же и в высших сферах поклонники таланта Влад^амира Гал^актионовича — через них надо действовать». Имя Короленко часто упоминается в письмах Якубовича, часто касается он и вопросов цензуры.

Якубовича беспокоило отсутствие постоянного сотрудничества крупных беллетристов в «Русском богатстве». «Публике, — говорится в письме от 10 февраля 1897 г., — мало нравится, что у Вас что ни книжка, то все новые и новые имена звучат, никому неведомые до сего дня, и, мелькнув, опять бесследно скрываются обыкновенно с горизонта. . . Гарин, очевидно, ушел от Вас? А жаль! При всех своих недостатках он обладает незаурядным талантом, и, например, последний рассказ его в „Мире Божьем“, право, недурен (если бы только не наскучившая до чертиков модная нотка экономического материализма в конце). А какого Вы мнения

¹⁷ См.: Бровман Г. В. В. Вересаев. Жизнь и творчество. М., «Советский писатель», 1959, с. 91.

¹⁸ См.: Муратова К. Д. Сопутники. В. Вересаев и М. Горький. — В кн.: М. Горький и его современники. Л., «Наука», 1968, с. 55—58.

¹⁹ Письма А. И. Иванчина-Писарева к П. Ф. Якубовичу (27 п., 1896—1904) хранятся в ИРЛИ (ф. 648, № 42).

о Серошевском? Какая прелесть его „На краю лесов“, и как мало оценила эту вещь наша причудливая критика! По-видимому, Серошевский тоже укочевал из „Русского Богатства“, — не сошлись Вы с ним как с человеком (сам я совсем не знаю его) или другая какая причина? <...> Одно из преимуществ „Отечественных Записок“ составляло, по-моему, то, что там и в беллетристическом отделе работали главным образом одни и те же писатели — Успенский, Салтыков, Гаршин, Новодворский, Златовратский, Надсон и проч. и пр. Я рассчитывал, что Вы сумеете и теперь составить такого же рода основное ядро (понятно, не того же качества) из таких писателей, как Короленко, Гарин, Серошевский, Мамин, Вересаев, — чтоб все они печатались только и только у Вас. Но, очевидно, это невозможно, хотя я и не понимаю почему. Почему в серьезном отделе возможно такое основное ядро, а в беллетристике нет?».

4 декабря 1898 г. Якубович пишет: «Мне думается, что так же сурово не в меру относитесь Вы и к молодым беллетристам: от второй вещи каждого начинающего писателя Вы требуете большего, чем от первой, и если такого быстрого успеха не замечаете, то предпочитаете ему новое имя, хотя бы оно и не лучше было».

Якубович указывал также на недостаточное внимание журнала к переводной литературе. В письме от 21 ноября 1898 г. говорится: «<...> знаете ли, дорогой Александр Иванович, чем берет, мне кажется, „Мир Божий“? Между прочим тем же, чем и „Русская мысль“: обилием переводной беллетристики, и очень нередко удачно выбираемой. В прошлом году, например, с захватывающим интересом читался трогательный роман „Овод“, нынче — „Борьба миров“ <Г. Уэллса>. В „Русском Богатстве“ переводная беллетристика (очень важная для провинциальной публики) как будто в некотором загоне находится...».

В письме от 23 мая 1899 г. Якубович пишет: «Наконец-то надумались Вы привлечь к „Русскому Богатству“ и Чехова — давно бы пора, а то чего ему киснуть в „Русской Могиле“».

В письмах Якубовича широкое отражение получила возглавляемая Михайловским борьба народников с марксистами. Поэт приветствовал эту борьбу. В литературной полемике, разгоревшейся в 1899—1900 гг. между Михайловским и критиком журнала «Жизнь» Е. А. Соловьевым (Андреевичем), Якубович занял сторону Михайловского и сам принял участие в этой полемике.

Якубович с большим интересом следил за возникавшими марксистскими журналами, видя в их лице опасных соперников «Русского богатства». Так, в письме от 10 января 1899 г. он сообщает Иванчину-Писареву: «Марксистская „Жизнь“, говорят, имеет уже огромный успех, и — сказать Вам по совести — я вижу в ней опасного соперника „Русскому Богатству“. А Вы? ..». 14 февраля он пишет: «Однако и объявления зажариваете Вы в нынешнем году, — очень уж разбогатели, что ли? Или „Начала“ испугались?! „Жизнь“, вероятно, будет убита и собственным собратом, и цензурой <...> Какой-то плод даст „Начало“, обещающее смешать марксизм с декадентством (роман Мережковского²⁰ и пр.)?». Успех марксистских журналов Якубович справедливо видел в том, что они идут в ногу с жизнью и освещают рабочий вопрос.

Письма публицистов к Иванчину-Писареву не только посвящены вопросам, связанным с сотрудничеством в «Русском богатстве», но и затрагивают явления текущей общественной и политической жизни России и Запада. Раскрывается в этих письмах и общественная позиция самих корреспондентов.

²⁰ В журнале легальных марксистов «Начало» (1899) было начато печатание романа Д. С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи». Журнал был закрыт, и дальнейшее печатание романа было осуществлено в «Мире божьем» (1900).

Ценные данные содержатся, например, в 58 письмах Дионео (псевдоним И. В. Шкловского) (1897—1907), жившего за рубежом (оп. 2, № 138). Так, интересны его сообщения об откликах зарубежной прессы на события 1905 г.: «Ужасные сообщения из России совершенно безумят. Английские газеты извещают о целом ряде варфоломеевых ночей, кровавых бань и красных вечеров на юге, на западе, всюду. К ужасу этих вестей нужно прибавить, что мы здесь совершенно без писем, без газет и сообщений из России» (письмо от 6 ноября 1905 г.).

В ряде писем Дионео рекомендует произведения зарубежных авторов для публикации в «Русском богатстве». В письме от 29 октября 1903 г. он пишет: «На днях вышлю Вам автобиографический роман Вильяма О'Брайена. Это — история революционного движения в Ирландии в семидесятых годах. Роман вполне цензурный, так что в этом отношении затруднений не будет. Вышлю Вам еще один или два романа Гарди. Мне кажется, что роман О'Брайена будет иметь большой успех в России, если принять во внимание, что слабый, в сущности, „Овод“ (Войнич) так понравился публике».

В письме от 25 декабря 1903 г. рекомендуется роман Г. Уэлса: «Роман Уэлса „Пища богов“ обещает быть очень интересным. В нем — широкий размах фантазии, и в то же время в романе хорошая мысль».

В. А. Мякотин в своих письмах (53 п., 1899—1915) говорил главным образом о «Хронике», поставляемой им в каждый номер «Русского богатства».

Интересны письма профессора М. А. Рейснера (42 п., 1903—1906 и б. д.), приславшего из Германии корреспонденции о немецкой социал-демократии и рабочих союзах. Корреспонденции эти вызывали, с одной стороны, недовольство цензуры, а с другой — редакции «Русского богатства», считавшей, что автор слишком увлекается данными вопросами. Это привело к полемике, а затем к уходу Рейснера из журнала. Письмо жены профессора, Е. А. Рейснер, достаточно ясно освещает возникший инцидент. «В Вашем письме от 1 ноября, — пишет она 23 марта 1906 г. (оп. 2, № 388) Иванчину-Писареву, — редакция „Русского Б^огатства“ возвращает статью М^ихаила А^ндреевича и находит, что в ней „слишком выпячиваются симпатии к немецкой социал-демократии“, а затем Вы от имени редакции предлагаете мужу: „берите, пожалуйста, на будущее время безразличные темы“. Эти два условия, поставленные редакцией человеку, который четыре года работал в „Русском Б^огатстве“ и за все это время не менял ни на йоту своих симпатий к немецкой социал-демократии, — насколько мне известно — произвели на М^ихаила А^ндреевича удручающее впечатление».

Помимо П. Ф. Якубовича, из сотрудников «Русского богатства» наиболее часто Иванчину-Писареву писал бывший народоволец, видный публицист Н. С. Русанов (148 п., 1896—1915), находившийся с ним в дружеских отношениях. Письма эти (оп. 2, № 399), показывающие восприятие Русановым многих явлений русской и зарубежной жизни (он жил во Франции) и постоянный интерес его к развитию социалистической мысли, позволяют раскрыть эволюцию его мировоззрения. Они отображают в то же время работу Русанова над корреспонденциями и статьями, посылаемыми в журнал. Так, например, несколько писем 1898—1899 гг. посвящены Русановым делу Дрейфуса и своей статье о нем.

В связи с выступлениями журнала против марксизма Русанов не раз запрашивал Иванчина-Писарева о возможности присылки в журнал статей, касающихся рабочего вопроса. Так, в письме от 18 декабря 1899 г. (оп. 2, № 399) он обращается с просьбой: «<...> напишите, пожалуйста, поскорее, можно ли дать к февральской книжке (к январской я уже готовлю статью о крестьянстве во Франции и его экономической и политической эволюции), — можно ли дать этюд о развитии рабочего движения во Франции по поводу последнего социалистического конг-

ресса». «Я, — говорится в письме, — конечно, постараюсь придать этому эпизоду возможно цензурный вид, но меня интересует вопрос, можно ли вообще писать о рабочем вопросе в „Русском Богатстве“. Если можно, то уведоьте, ибо теперь социализм переживает, по моему мнению, крайне интересный период, и некоторые явления дают мне повод надеяться, что и здесь русские 70-е годы были замечательной эпохой в смысле предвидения некоторых существенных задач».

В письме от 29 сентября 1902 г. публицист сообщает о желании дать «рецензию иностранную» о трех вышедших томах ранних сочинений Маркса, Энгельса и Лассалья. 2 февраля 1907 г. он пишет: «Скажите „товарищам“, интересуют ли их статьи из области „иностранной литературы“: 1) переписка Маркса, Энгельса, Зорге, Беккера и т. д., о которой я Вам уже говорил (местами очень интересно, даже в приложении к нашим, русским делам)».²¹

Русанов писал в «Русском богатстве» и о художественной литературе. «Умер Золя, — говорится в одном из его писем (19 сентября 1902 г.), — и в октябрьскую книжку я сготовлю, насколько могу, добросовестную статью об умершем». «Теперь же, — сообщается в письме от 20 января 1904 г., — я готовлюсь (для февраля) ко второму портрету моей „галереи“, Анатолю Франсу, и хочу подробно объяснить его эволюцию от эпикурейца к человеку, страстно интересующемуся общественными вопросами».²²

В письме от 11 февраля 1905 г. речь идет о статье Русанова о Чернышевском,²³ «смысл которой — взгляд этого замечательного человека на современное ему положение в России («Письма без адреса», «Пролог к прологу») и сближение с нашим теперешним положением».

Большое место в письмах Русанова уделено Н. К. Михайловскому, которому он, по его словам, был «столь многим обязан в своем развитии» (4 июля 1900 г.). После смерти своего учителя Русанов писал Иванчину-Писареву 20 февраля 1904 г.: «Мы должны сделать все, что нас завящает, чтобы познать личность и идеями этого замечательного человека по возможности широкие слои читателей <...> теперь ничто не мешает нам, выясняя историческую роль Николая Константиновича, поставить его фигуру во весь рост, как она и была головой выше современников».

Говоря о работе над «Социологическими очерками», посвященными Михайловскому, Русанов писал 8 марта 1904 г.: «Я убежден, что по крайней мере некоторыми частями своего мировоззрения Михайловский стоит наряду с великими умами вроде Дарвина, Маркса и т. п.». «Мне хотелось бы, например, — говорится далее в письме, — работая над „завещанными“, как Вы выражаетесь, Николаем Константиновичем мне социологическими очерками, — мне хотелось бы, говорю я, привести в связь научные результаты, добытые нашим социологом-философом, с результатами современной европейской мысли, хотя теми же Дарвином, Марксом, отчасти Авенариусом, и т. п. <...> Словом, мне хотелось бы устранить в „Социологических очерках“ те недоразумения, которые воз-

²¹ В «Русском богатстве» были опубликованы статьи Н. Русанова (псевдоним — Н. Кудрин) «Маркс, Энгельс, Лассалья. (К биографии и развитию учения основателей научного социализма)» («Современность», 1906, № 1, март) и «Тридцать лет рабочего движения и социализма. (Письма и извлечения из писем Беккера, Дипгена, Энгельса, Маркса и других к Зорге и другим)» («Русское богатство», 1907, № 5) («Русское богатство» в марте—апреле 1906 г. выходило под названием «Современность»).

²² В «Русском богатстве» были опубликованы статьи Н. Русанова (Н. Кудрина) «Эмиль Золя. Литературно-биографический очерк» (1902, № 10) и «Галерея современных французских знаменитостей, II. Анатолий Франс» (1904, № 2).

²³ См.: Кудрин Н. (Русанов Н. С.). Н. Г. Чернышевский и Россия 60-х годов. — «Русское богатство», 1905, № 3, с. 166—207.

ники в части русской публики в последний период деятельности Михайловского и вызвали то несправедливое охлаждение к замечательному человеку, какое лишило Н<иколая> К<онстантиновича> исключительной роли властвовать над всеми прогрессивными умами эпохи, как он властвовал в 70—80-х годах».

Продолжая работу над «Социологическими очерками» в 1905 г., Русанов сообщил Иванчину-Писареву о своем намерении предпринять попытку «сближения между марксизмом, разумно понимаемым, и учением Михайловского». Попытка эта, ложная в своей основе, не вызвала одобрения членов редакции «Русского богатства». Их пугал даже «разумно понимаемый» марксизм, т. е. лишенный своей революционной силы. В связи с этим 12 марта 1905 г. Русанов высказывает опасение за судьбу своих очерков: «<...> припомните, — пишет он, — что я долго говорил с Вами об этой теме, напирал на ее щекотливость в виду традиций борьбы с марксистами, установившихся в „Русском Б<огатстве“», списывался с Николаем Федоровичем <Анненским>. И лишь получив от всех вас обнадеживающий ответ, взялся за тему». В письме от 16 марта 1905 г. он уже приходит к выводу, что его «попытка взять среднее геометрическое между Марксом и Михайловским, очевидно, не может состояться на страницах „Русского Богатства“».

В письмах к Иванчину-Писареву Русанов говорил о Михайловском не только как социологе, но и как критике. 17 марта 1902 г. он писал: «Прочитал я с величайшим интересом Н<иколая> К<онстантиновича> о Горьком и Чехове. Но, грешный человек, по совести не могу признать, что Чехов так существенно изменился, как представляется Н. К. Я еще недавно залпом перечитал всего Чехова, и самое большее могу отметить лишь некоторую тенденцию в этом направлении, да и то приходится припоминать хронологию этих разных вещей».

В письме от 24 мая 1902 г. Русанов сообщал о впечатлении, произведенном статьями Михайловского на читателей-эмигрантов: «Публика была очень заинтересована статьями Николая Константиновича об Успенском и в большом восторге от них, даже и во враждебном лагере... Я, конечно, сугубо разделяю этот восторг».

Со смертью Михайловского Русанов был сильно озабочен предстоящими переменами в судьбе журпала. Он опасался, что, лишившись своего руководителя, «Русское богатство» не сможет удержаться на прежней высоте. Когда встал вопрос о дальнейшем составе редакции и тем самым о лице журнала, Русанов, обменявшись с Иванчиным-Писаревым мыслями по этому поводу, в письме от 28 августа 1904 г. производит как бы смотр наличных сил редакции, чтобы выяснить, способны ли ее члены внести новую струю в журнал и придать ему новое направление. «„Русское богатство“, — как убежден Русанов, — должно сохранить основные черты своей физиономии, которые получило при незабвенном Н<иколае> К<онстантиновиче>, и в то же время удовлетворять повым запросам жизни, которые будут поставляться общественному русскому сознанию по мере того, как будет двигаться жизнь». Кандидатуру А. В. Пешехонова он считает неподходящей для дальнейшего ведения журнала, так как боится, что люди типа Пешехонова будут стоять на позициях «деревенщины». «<...> если хотите знать мое откровенное мнение, — пишет Русанов, — я бы считал для себя более желательным не союз, конечно, а параллельное действие с активно настроенными марксистами последних двух-трех лет, чем с деревенщицкими элементами, которые не понимают, что политические судьбы России будут еще долго решаться в городах. Чем больше я вдумываюсь в это, тем более я озабочен ближайшими перипетиями нашей общественной жизни и ее отражениями в нашей литературе».

По мнению Русанова, только Н. Ф. Анненский и Иванчин-Писарев могут быть ответственными редакторами публицистического отдела:

«О Южакове говорить нечего: у него нет ни чутья, ни понимания общественных условий, которые становятся все сложнее и сложнее».

Русанова беспокоит не только публицистика, определяющая направление журнала, но и беллетристический отдел. Он боится, что Короленко вместе с Горнфельдом, человеком «чистейшего культурничества», превратят журнал в культуртрегерский.

Наметившиеся еще в период работы над «Социологическими очерками» расхождения Русанова с «Русским богатством» все более углублялись и вели к разрыву. В письмах 1907 г. он прямо говорит об этой возможности: «Если „русские богачи“ будут вести себя так, как ведут, то, вероятно, придется с ними разорвать. Я вот посмотрю еще, да попрошу не рассчитывать больше на мое сотрудничество. Авось как-нибудь проживем и без них» (13 января 1907 г.).

Письма Русанова характеризуют судьбы народнической интеллигенции в ту переломную эпоху, когда определенная ее часть, более чуткая к запросам и требованиям времени, порывала с народничеством и в той или иной мере отдавала свои симпатии марксизму. Верный ученик Михайловского, Русанов сначала пытался соединить его учение с марксизмом, а потом, когда это не удалось осуществить на страницах «Русского богатства», едва не порвал с эпигонами народничества и журналом, прервавшимся после 1905 г. в орган «народных социалистов». 24 января 1907 г. Русанов писал: «У меня гвоздем засела мысль о трудности, почти невозможности дальнейшего сотрудничества в „Русском Богатстве“. „Народные социалисты“ — социал-кадеты, как я уже называю их с прошлого года, и больше ничего <...> Для меня ясно одно: „Русское Богатство“ долго не проживет, или оно будет другим „Русским Богатством“, а не станом покойного Михайловского». В августе 1906 г. он отмечал: «Россия идет к совершенно новому политическому режиму. Стало быть, хныкать и вздыхать не о чем».

Говоря о том, что русская мысль будет революционизироваться и дальше, Русанов придавал большое значение ознакомлению читателей с переводами работ Маркса, Энгельса и других социалистических деятелей, которые в эпоху 1905 г. получили широкое распространение. «С нашим свежим, сильным, логически-бесстрашным умом мы сделали много, — писал он 3 февраля 1907 г., — нам недоставало только настоящего приобщения к европейской цивилизации; а когда наш интеллект работает над материалом, уже доставленным Европой, да с дополнениями и заострениями, которые будет вносить сама наша русская действительность с ее задачами, то наступит у нас эра истинного расцвета мысли, и теоретической, и практической».

Полагая, что новой России понадобится, с одной стороны, ежедневная газета, а с другой — руководящий ежемесячный журнал, Русанов в письме от 24 января 1907 г. говорит о необходимости издания органа «объединенного революционного социализма», где могут найти место не только социал-революционеры, к которым он принадлежал, но и «боевые социал-демократы».

В дальнейшем Русанов оказался неспособным понять основные тенденции развития русской жизни и после Октября стал эмигрантом.

6

В 1909 г. А. И. Иванчип-Писарев стал редактором журнала «Сибирские вопросы». Журнал этот (вначале сборник), издаваемый В. П. Сукачевым, редактировался в 1905—1908 гг. П. М. Головачевым, далеким от современных интересов Сибири.

Появление в журнале Иванчипа-Писарева, связанного ранее, как мы видели, с сибирской прессой, значительно оживило журнал. Об этом писали многие его корреспонденты. Кроме того, журнал, издававшийся

в Петербурге, мог порою помещать материалы, которые не пропустила бы сибирская цензура. И все же журнал не смог удовлетворить запросы сибирских читателей тех лет, и это стало сильно сказываться на его подписке. В конце 1912 г. на журнал вместо обычных 500 подписчиков подписалось всего 348 человек. В связи с этим издание «Сибирских вопросов» в 1913 г. было прекращено на первом номере. По этому поводу один из основных сотрудников его — А. В. Адрианов писал Иванчину-Писареву в конце января 1913 г. (оп. 2, № 2): «Очевидно, жизнь требует чего-то иного, и „Сиб<ирские> Вопр<осы>“ ее требований не удовлетворяют. Но чего она требует? <...> Страпа стала вдруг взрослой и ходить без штанов стыдится. Она до такой степени твердо требует признания ее не ребенком, а взрослым человеком, что пойдет на все. Страх исчез совершенно. И мы, пишущая братия, не допихоты, сражающиеся с ветряными мельницами. Обыск, арест, тюрьма, петля — какие это пустяки по сравнению с той ценностью, какая сознана и добывается. Цепя отдельной жизни — пустяковая перед этой ценностью. И как в сущности близко ее достижение, как пичтожны люди, которые не дают ее взять, несмотря на всю большую физическую силу, какой они располагают. Вот это сознание стало теперь общим, проявляясь в самых разнообразных формах. Теперь нет шага администрации, пичтожная или вредная сущность которого не была бы ясна всем.

И вот величайший интерес переживаемого момента и толкает журналиста с головой окунуться в самую свалку жизненной борьбы. Конечно, для этого нужен орган, у которого аудитория готова и ждет, но не „Сиб<ирские> Вопр<осы>“, от которых аудитория отходит.

Сукачев, сидя в Петербурге, не знает современной Сибири, не подозревает ее роста не по дням, а по часам, и если он думает издавать журнал, свободный от радикализма, то его пужно предупредить, что это будет бесполезной, пенужной тратой денег <...> Гибель „Сиб<ирских> Вопр<осов>“ для меня не подлежит никакому сомнению, а смерть в забвении, по-моему, самая скверная смерть».

«И все же <...>, — писал В. М. Крутовский 17 февраля 1913 г. (оп. 2, № 240), — журнал был очень полезен, и пужно быть здесь, чтобы оценить его значение для наших мест. В библиотеке журнал никогда не стоял на полках (даже старые №№), и его всегда брали, читали, делали справки и пр. Кто обрадуется закрытию журнала — это местная сибирская администрация. Не любила она его и боялась.

Если бы я был в Петербурге, то я все свое влияние, все свое краспоречие употребил бы на то, чтоб и Вас заставить взять свой отказ обратно, и Сукачева, чтоб продолжал издавать.

Для того чтоб иметь больше подписчиков, пужно было, как я Вам как-то и говорил, сделать журнал более подвижным».

В связи с изданием «Сибирских вопросов» корреспондентами Иванчина-Писарева были: А. В. Адрианов 36 (1910—1915), В. Г. Верещинский (1912), П. В. Вологодский (1910), Г. Д. Гребенщikov 4 (1910—1912 и б. д.), В. М. Крутовский 27 (1908—1915 и б. д.), Э. К. Пекарский 5 (1908—1911), Я. Я. Полферов 10 (1909—1910), Г. Н. Потанин 2 (1910, 1912), М. А. Рыбаков 9 (1910—1913), Я. Стефанович 7 (1912), В. П. Сукачев 24 (1908—1912), А. П. Таловский 12 (1911—1914), А. Е. Хохряков 24 (1911—1915) и др. Письма их говорили о жизни в Сибири, о состоянии сибирской периодической печати, об областничестве, об отдельных сибиряках, о преследованиях, чинимых сибирской администрацией. Они содержали оценку журнала «Сибирские вопросы» и советы, как улучшить его издание.

В архиве сохранился также ряд статей и корреспонденций на сибирские темы. Кроме того, в архиве Иванчина-Писарева хранятся письма к В. П. Сукачеву: Г. Д. Гребенщикова (1910), И. Емельяниченко (1911),

Д. А. Клеменца (б. д.), Н. Л. Скалозубова (1909) и др., а также письма к Н. Л. Скалозубову: В. И. Голошубина (б. д.), В. М. Егорова 2 (1910 и б. д.), Н. А. Емельянова (1910), С. Новолоцкого (1910), К. Сализова (Павлова) (1911, с приложением стихотворения «Голод»), И. С. Тарасова (1910), М. Шкулева (1911) и др.

7

В апреле 1912 г. в Петербурге вышел первый номер литературно-политического журнала «Заветы». В связи с его выходом секретарь журнала С. П. Постников писал одному из его редакторов — В. С. Миролюбову: «„Русские богачи“ страшно сердятся на нас, как на конкурентов. Короленко заявил, что поднимет вопрос на собрании пайщиков о том, имел ли право дать нам свое имя Ал. И. Ивапчин-Писарев. Последний во избежание личного разрыва с „Русским Богатством“ хочет заменить свое имя именем жены — Соф(ьи) Абр(амовны) Ивапчиной-Писаревой <...> Вообще „богачи“ к нам недоброжелательны» (письмо от 27 марта 1912 г., см.: ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 951). Таким образом, издательницей журнала стала жена Ивапчина-Писарева.

В редакцию журнала вошли лидер эсеров В. М. Чернов, В. С. Миролюбов и Ивапчин-Писарев, отвечающий за материальную часть журнала. Затем в редакцию были включены Р. В. Ивапов-Разумник и С. Д. Мстиславский.

Бывший редактор «Журнала для всех» В. С. Миролюбов был опытным литературным редактором, с его мнением и советами считались многие писатели,²⁴ однако в «Заветах» его замечания часто игнорировались. Кроме того, Миролюбов не мог примириться с тем, что Иванов-Разумник публиковал в журнале свои статьи, не согласуя их с другими членами редакции.²⁵ Все это привело к тому, что в первой половине 1913 г. Миролюбов ушел из журнала.

В литературном отделе «Заветов» сотрудничали И. А. Бунин, И. Вольнов, М. М. Пришвин, К. А. Тренев, Е. И. Замятин и др. В первом номере журнала (1912) было опубликовано «Рождение человека» М. Горького, но затем он покинул «Заветы», так как там стал печататься роман Б. Савинкова «То, чего не было». Публикация этого произведения с одновременным появлением в «Заветах» возмущенного протеста народников (М. Натансона и др.) и заявления редакции о терпимости к различным мнениям вызвала язвительное замечание Горького. Он писал: «<...> стремление редакции „Заветов“ устроить из своего журнала универсальный магазин всякой беллетристики и всяких мнений — именно это свободолобие заставило меня уйти из „Заветов“».²⁶

Позиция журнала вызвала следующий отклик В. И. Ленина: «Ведь это хуже всякого ликвидаторства, — ренегатство запутанное, трусливое, увертливое и тем не менее систематическое!».²⁷

В архивах Ивапчина-Писарева и В. С. Миролюбова (ф. 185) хранятся письма, позволяющие частично восстановить историю журнала, главным образом разделов литературы и критики. Журнал делал ставку на писательскую молодежь. Желая закрепить за ним определенных авторов, В. М. Чернов писал Ивапчину-Писареву в январе 1914 г. (оп. 2, № 471): «Превосходна вещьца Замятина „Уездное“, помещенная в по-

²⁴ Переписка писателей с В. С. Миролюбовым опубликована частично в кн.: Литературный архив, т. 5. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960.

²⁵ См. письмо В. С. Миролюбова к В. М. Чернову от 31 марта 1913 г.: ф. 185, оп. 1, № 173 (здесь же хранятся и другие письма Миролюбова (7 п., 1913) к Чернову).

²⁶ Муратова К. Д. М. Горький на Капри. 1911—1913. Л., «Наука», 1971, с. 48.

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 137.

следпей книжке. Этого человека надо непременно приласкать, приблизить, ободрить: нам пужно создавать из молодежи, из „будущих величин“, как Замятин и Ивап Вольный,²⁸ *своих* писателей, которые бы с „Заветами“ были связаны так же иптимпо-близко, как когда-то *toutes proportions gardées* — Глеб Успенский и Щедрин с „Отечественными> записками“».

Цензура зорко следила за журналом, часть номеров смогла выйти лишь после удаления из пих ряда материалов. В 1914 г. на седьмом номере журнал был закрыт.

Переписка в связи с журналом «Заветы» в архиве Ивапчина-Писарева невелика и посвящена в основном публикации отдельных произведений. Среди его корреспондептов были: Н. Л. Геккер 11 (1900—1913), В. А. Гильченко 17 (1893—1915), В. С. Миролюбов (1913), С. П. Постников 21 (1913—1914), Н. И. Ракитшков 4 (б. д.), В. Г. Тап-Богораз (1914) и др.

Из писем к Ивапчину-Писареву особенно иптересны 4 письма В. Н. Фигнер (1904—1913). Ивапчин-Писарев просил дать в «Заветы» что-либо из ее воспоминаний. 1 октября 1913 г. (оп. 2, № 457) Фигнер ответила, что не будет более печатать их по кускам, «враздробь», и одповременно сообщила о своем отношении к воспоминаниям народпиков, появившимся в те годы: «<...> в протпвпость твоему мнению, думаю, что теперь совсем не сезон для наших воспоминаний. Ах, трудны эти воспоминания!

Все уже так известно и, можно сказать, затаскано, и воды-то, воды сколько с той поры протекло, и, протекая, столько новых наслоепий отложило!».

Фигнер говорит, что, читая воспоминания Ивапчина-Писарева, она «удивлялась» — «таким далеким, вытщепным на свет анахронизмом они казались», и что ей было скучно читать воспоминания Н. А. Морозова. «Ипой раз содрогаюсь и о себе; и думаешь порой: не сжечь ли это все, мной уже написанное? Стоит ли обо всем этом писать и увеличивать кипы печатной бумаги, ни для кого не нужной? Если написать книгу, которая сохранится, книгу, хотя бы подобную воспоминаниям> г-жи Ролан,²⁹ над кот<орыми> я плакала в Шлиссельбурге, — есть мечта каждого писателя, но написать и выпустить шаблонное, ведаемое, ненужное — прямо ужасно!».

Как известно, книга В. Н. Фигнер «Запечатленный труд» вошла в основной фонд воспоминаний народпиков.

Невелика в архиве Ивапчина-Писарева и переписка с редакторами «Заветов» — Р. В. Иваповым-Разумпком (14 п., 1910—1916) и В. М. Черновым (7 п., 1900—1914 и б. д.); последний с некоторым скептицизмом высказался в отношении статей Иванова-Разумника. В цитированном выше письме Чернов сетует по поводу отсутствия у критика «надлежащей меры в языке при полемике». «Я сам, быть может, не безгрешен в этом деле, — говорит Чернов, — сам полемист, и умею, когда захочу, поднять человека на дыбы и довести до белого каления хотя бы парой „мимоходных“ замечаний. Но, думается мне, Раз<умник> Вас<ильевич> как раз поднимает на дыбы людей вовсе без всякого специального памерения и, быть может, даже вопреки намерению. Так к юбилею Бунина он проронил совсем ненужные слова о „дво-

²⁸ В «Заветах» (1912—1914) были напечатаны повести И. Вольнова «Повесть о днях моей жизни, радостях моих и злоключениях» и «Юпость». Письма И. Вольнова к В. С. Миролюбову (3 п., 1913) опубликованы в журнале «Русская литература» (1974, № 1).

²⁹ Ролан де Ла Платьер (Roland de la Platière) Мавон Жанна (1754—1793) — деятельница Великой французской революции, в салоне которой встречались лидеры Жиронды. После падения жирондистов она пять месяцев провела в тюрьме, где написала свои «Mémoires», а затем была казнена.

рянском околыше“, так он поднял на дыбы Айхспвальда, так, совсем напрасно, он столкнулся с Гиппиус и Философовым на вопросе о *словах, произнесенных* Карташевым в *закрытом собрании* <...> так, наконец, в последней книжке „Заветов“, как мне кажется, он неумерен в выражениях и по поводу акмеистов; ведь то же самое по существу можно сказать гораздо мягче по форме; да и в мимоходном его упоминании о Куприне есть тот же грешок. Пишу все это не к тому, чтобы ставить товарищу по работе „всякое лыко в строку“, а исключительно к тому, чтобы в будущем избегать пепужьих инцидентов. Иногда полемизировать надо, иные литературные фигуры только того и заслуживают, чтобы преследовать их по пятам и литературно *уничтожить*. Но большая разница между такой полемикой „с заранее обдуманном намерением“ и между непредвиденными полемическими эпизодами, вызванными случайными пеловкостями. Ведь Раз<умник> Вас<ильевич> по природе, по темпераменту совсем не полемист; так лучше ему и держаться своего жанра, а то опять наживет лишь таких же неожиданных-негаданных неприятностей».

В архиве хранятся и некоторые деловые бумаги, связанные с журналом «Заветы», переписка с подписчиками и т. д.

8

Среди корреспондентов А. И. Иванчина-Писарева немало лиц, которые не были непосредственно связаны с его издательско-редакторской деятельностью, но и в этих письмах можно встретить оценки редактируемых им журналов или же отдельных произведений, опубликованных в них. Так, издательница журнала «Мир божий» А. А. Давыдова (11 п., 1893 и б. д.) сообщала о большом интересе в обществе к «Русскому богатству» и о противниках его.

Помимо упомянутых ранее, корреспондентами Иванчина-Писарева (всего их более 400) были: Я. В. Абрамов 3 (б. д.), А. Н. Александровский 10 (1905—1908 и б. д.), К. К. Арсеньев 4 (1902—1903), Г. Б. Байтов 5 (1911—1912 и б. д.), Ф. Д. Батюшков (1902), Е. Г. Бекетова (рожд. Корелина) (1900), В. В. Беренштам 3 (1902—1903), А. М. Бобринцев-Пушкин 5 (1902 и б. д.), А. И. Богданович 3 (1892 и б. д.), В. Я. Богучарский (наст. фам. Яковлев) (1906), В. В. Брусянин (1902), С. А. Венгеров (1902), А. А. Вербицкая (рожд. Зяблова) (б. д.), И. В. Гессен 3 (1903—1904), А. А. Гизетти (1894), И. Я. Гипцбург (1904), Б. Б. Глинский 2 (1904, 1914), Д. И. Голенищев-Кутузов (1911), В. А. Гольцев 3 (б. д.), О. О. Грузенберг 2 (1914), А. И. Гурковский 21 (1904—1912), П. И. Добротворский 2 (1892), П. В. Засодимский 3 (1893—1894), Н. Н. Златовратский (1893), А. В. Игельстром 19 (1893—1894), баронесса В. И. Иксуль-фон-Гилленбад (рожд. Лутковская, в первом браке Глипка-Маврина) 64 (1895—1909 и б. д.), В. М. Иопов 5 (1900—1911), А. М. Калмыкова (рожд. Черпова) 2 (1896, 1898), Н. А. Карышев 4 (1894 и б. д.), А. Е. Кауфман 2 (1893 и б. д.), И. Н. Кашищев 3 (1900), В. А. Келтуяла 7 (1904), А. М. Кипеп 2 (1904 и б. д.), Н. А. Котляревский (б. д.), В. В. Лесевич 9 (1893—1897), Е. Н. Линева 4 (<1897>), А. А. Луговой (Тихонов) (1903), Е. А. Ляцкий 2 (1899), Л. Ф. Маклакова (рожд. Королева) 18 (1894—1911), А. А. Мануйлов 9 (1895—1900), С. В. Мартынов 21 (1902—1915 и б. д.), С. Н. Миловский (псевдоним — С. Елеонский) (б. д.), М. Н. Михайловский 6 (1901—1904 и б. д.), Н. А. Морозов (1913), А. Д. Мысовская (рожд. Краснопольская) 6 (1891—1893 и б. д.), М. Натансон (1902), Е. С. Некрасова 3 (1892—1893), А. О. Немировский 23 (1896—1904 и б. д.), М. В. Новорусский 3 (1913), Н. Ф. Олигер 7 (1910—1911), Н. Н. Павлов-Сильванский (1905), А. М. Пазухин 2 (1910), А. А. Панов 2 (1904, 1905), А. В. Панов 2

19.
XII.

Дорогой Александр!

Мне пришлось много прождать, ты собиравшись по мне
приехать, но не добравшись к тебе перемыш, издохло
мнею думать тебе перемыш. Хорошо! Я тебе скажу, что
всего и, пожалуй, единственно лучшее и лучшее — это в
ранней, во время, а ни одна из них не для России
и добрая культура, как и на западе, что я думаю
рада, что ты не согласишься со всеми и что, как-то-то,
ты не хочешь, когда это все равно что уехать, ты
уезжаешь. Много раз думаю о тебе в эти
мази, но боюсь как судить тебе свои теоретические
или почитать маючку в записках твоих покровитель.
Спрашиваю себя, когда в Копенгагене, когда
когда, которую ты купил, прома, как ты подвиги
из Сибири через Казань и Нижний и столько, столько у
большого друга, как друг твой. Ты, конечно, остался
в Москве этого друга твоего, твоего друга
и друга — не знаю и не знаю... И мне кажется, что
ты знаешь в своем для меня, как и в
другому тою, что добрыми для его друзей и друзей
Василию-де ты не писал-еще, дорогой Александр, в том
роде, как писал по возвращении из деревни? Или, отор-

Письмо В. Н. Фигнер к А. И. Иванчину-Писареву. 19 декабря 1904 г. >.

(1900), Л. Ф. Пантелеев 44 (1902—1914), М. И. Писарев 3 (1904 и б. д.), В. В. Письменная 6 (1912—1913), А. Н. Плещеев 3 (1892—1893), А. В. Погожев (1891), М. А. Протопопов 28 (1892—1902 и б. д.), С. Д. Протопопов 8 (1895—1900), С. А. Раппопорт 6 (1902—1904), А. М. Редько (б. д.), И. Е. Репин (б. д.), В. А. Розенберг 2 (1903), С. Я. Рысс 4 (1903—1904), М. П. Сажин 2 (1901, 1911), В. И. Семейский 4 (<1892>—1905), С. С. Синегуб (1906), Н. Л. Скалозубов 34 (1909—1913), М. Н. Слепцова 5 (1913—1914 и б. д.), Е. П. Султанова (рожд. Леткова) 22 (1900—1906 и б. д.), А. С. Суханов 8 (1897—1912), А. С. Толочина (рожд. Монтвид, псевдоним — А. Шабельская) 12 (1894—1896 и б. д.), А. М. Федоров 4 (1899—1903 и б. д.), А. П. Философова (б. д.), С. Л. Чудновский 2 (1894 и б. д.), В. Я. Шишков (1915), И. И. Янжул 2 (1912) и др.

Кроме того, в архиве сохранились письма, адресованные не Иванчину-Писареву, а другим лицам.

Письма к С. А. Иванчиной-Писаревой: баронессы В. И. Иксульффон-Гилленбанд (1906), Е. Н. Клеменц (1910), А. И. Потапова (1912), С. П. Постникова (1913), Н. Л. Скалозубова 4 (1911—1912), Е. П. Султановой (б. д.).

Письма разных лиц: М. И. Королев — М. М. Пришвину (б. д.), П. О. Морозов — А. Г. Горнфельду (1902), В. В. Розанов — А. В. Руманову (1918), В. Я. Шишков — Р. В. Иванову-Разумнику (1914), П. Ф. Якубович — Н. Ф. Анненскому (1900) и др.

А. В. Лавров

АРХИВ П. П. ПЕРЦОВА

1

Петр Петрович Пёрцов (1868—1947) — литературный критик и публицист, деятельность которого была связана с зарождением и становлением русского символизма.¹ Печататься Перцов начал в 1890 г., еще будучи студентом юридического факультета Казанского университета; по окончании его в 1892 г. он избрал журналистское поприще.

Первые корреспонденции Перцова появились в казанских газетах — «Волжском вестнике», «Казанском биржевом листке», «Казанских вестях» (часть их под псевдонимом «Посторонний»). В молодости Перцов придерживался типичных для русской интеллигенции 80-х годов радикально-народнических убеждений, усвоив и характерные для этого поколения воззрения на предмет и задачи художественного творчества.

Критический талант молодого Перцова поддержал публицист-народник А. И. Иванчин-Писарев, бывший участник народольческого движения, который осенью 1891 г. стал фактическим редактором «Волжского вестника». «В его лице я впервые встретил того „идейного“ человека, о котором мечтает (т. е. мечтал тогда) всякий не вовсе обыкновенных наклонностей юноша, и дружба с ним, сохранившаяся до самой смерти Александра Ивановича (в 1916 г.), была первой моей литературной дружбой», — вспоминал Перцов.² В июне 1892 г. Иванчин-Писарев познакомил Перцова с Н. К. Михайловским, в ведение которого через несколько месяцев перешел журнал «Русское богатство». Переехав одновременно с Иванчиным-Писаревым в сентябре 1892 г. в Петербург, Перцов превратился из провинциального журналиста в сотрудника «толстого» столичного журнала. В «Русском богатстве» Перцов опубликовал 33 рецензии (ЛВ, с. 63) и большую статью о творчестве Чехова, названную им «Беллетристическая nature morte» и переименованную Михайловским в «Изъяны творчества».³ В ней развивается оценка творчества Чехова, данная Михайловским в статье «Об отцах и детях и о г. Чехове» (1890).

Вместе с тем в статье о Чехове проявилось внимание Перцова к собственно художественному значению произведений, независимо от «общественной окраски», за которую ратовало «Русское богатство». Усиление этого внимания отчасти обусловлено знакомством Перцова с А. А. Фетом, А. Н. Майковым и Я. П. Полонским, с их художественными идеалами 40-х годов; сказывались и сближение с Д. С. Мережковским, уже выступавшим с ранними символистскими опытами и манифестами, и изначальные поэтические устремления самого Перцова. Общественная направленность и литературно-критическая позиция «Русского богатства» становились Перцову все более чуждыми, и в се-

¹ Выражаем признательность Д. Е. Максимова за предоставление материалов П. П. Перцова из своего архива и Л. Н. Черткову за сообщение некоторых сведений о Перцове, использованных в настоящем обзоре.

² Перцов П. Литературные воспоминания. М.—Л., «Academia», 1933, с. 10—11 (далее: ЛВ; ссылки на это издание приводятся в тексте).

³ «Русское богатство», 1893, № 1, отд. II, с. 39—71.

редине 1893 г. он принял решение покинуть журнал Михайловского. Перцов вернулся в казанский «Волжский вестник», где «отвел себе душу за весь великий пост „Русского богатства“ и настойчиво внушал казанскому обывателю уважение к поэтическому творчеству и его независимости от злободневных потребностей» (ЛВ, с. 96). Статьи о поэзии, опубликованные в «Волжском вестнике» в 1893—1894 гг., Перцов объединил затем в книгу «Письма о поэзии». В ней он с удовлетворением отмечал, что «за последнее время мутная волна тенденции начинает спадать» и «начинает все более и более выясняться в сознании общества роль поэзии, как одного из изящных искусств».⁴

В 1895 г. Перцов (вместе с двоюродным братом Владимиром Владимировичем Перцовым) издал сборник «Молодая поэзия»; во вступительной заметке говорилось: «Чуждые всякой партийности и тенденциозности, издатели руководились в своем выборе единственно правилом Тургенева: „в деле поэзии важна только одна поэзия“».⁵ В сборнике были представлены 42 поэта, большинство которых не пережило своего времени. В избранных Перцовым стихотворениях прежде всего должны были найти отражение «вечные истины» (так, Надсона, поэта гражданской скорби, «нарочно подобрали так, чтобы обернуть его к публике лирической, действительно художественной и обычно пренебрегаемой стороной» — ЛВ, с. 178—179). Сам Перцов видел значение своей антологии в том, что она дала обобщенное представление об «особой полосе русского стихотворчества» — «между надсоновским моментом (1883—1887 гг.) и моментом ясного выявления символического течения (1895 г.)».⁶ «Письма о поэзии» и «Молодая поэзия» вызвали ироническую отповедь Михайловского, в которой статьи Перцова («большого поклонника и защитника „красоты“») объявлялись собранием глупостей и «полной чашей вздора».⁷ Перцов воспринял выступление Михайловского как сведение счетов за партийную «измену».⁸

Эволюция эстетических и общественных идеалов неизбежно вела Перцова навстречу начинавшему осознавать себя русскому символизму. В середине 90-х годов происходит сближение Перцова с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус. «Перцов был наш „содеятель“. Сам как писатель не очень яркий, но человек с большим вкусом и большим умом», — вспоминала Гиппиус.⁹ В 1894 г. завязалось знакомство Перцова с В. Я. Брюсовым, которое переросло потом в дружбу, также содействовавшую его приобщению к символистскому движению. 16 сентября 1895 г. Перцов писал Брюсову: «Вы знаете, что я отнюдь не противник символизма — напротив, вместе с Вами я жду и надеюсь, что русская поэзия вступит на этот новый, неизбежный для нее и плодотворный путь (хотя в лице Тютчева, Фета и Влад. Соловьева мы имеем уже крупных символистов). Вместе с Вами я не выношу „поэзии“ Коринфского,¹⁰ Величко¹¹ etc., не столько вследствие их малота-

⁴ Перцов П. Письма о поэзии. СПб., 1895, с. 42.

⁵ Молодая поэзия. Сборник избранных стихотворений молодых русских поэтов. Составили П. и В. Перцовы. СПб., 1895, с. 1.

⁶ Перцов П. П. Русская поэзия тридцать лет назад. Из литературных воспоминаний. — «Свиток», № 4, М., «Никитинские субботники», 1926, с. 252.

⁷ Михайловский Н. К. Литература и жизнь. — «Русское богатство», 1895, № 6, отд. II, с. 47—67. Аналогичную оценку получили у Михайловского и представители «молодой поэзии», в чем, впрочем, он не был одинок (см., например, рецензию: «Новое слово», 1895, № 2, ноябрь, отд. III, с. 76—79).

⁸ Перцов П. П. Русская поэзия тридцать лет назад, с. 268—269.

⁹ Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951, с. 87.

¹⁰ Коринфский Аполлон Аполлонович (1868—1937) — поэт, выпустивший в 90-е годы несколько поэтических сборников и снискавший у современников недолгую популярность.

¹¹ Величко Василий Львович (1860—1903) — второстепенный поэт и публицист, пользовавшийся некоторой известностью в 90-е годы. Письма Брюсова к Перцову полны скептических отзывов об эпигонском творчестве Величко.

лаптливости, сколько вследствие их рутинности». «Но непроторенный путь требует крепких ног и острого глаза», — добавляет Перцов, высказывая критические замечания о первых поэтических опытах русских символистов.¹² Вся переписка Перцова и Брюсова 1895—1896 гг. представляет собой увлеченную беседу о символизме в современной поэзии.¹³

Стремление видеть в художественном творчестве прежде всего отражение вечных вопросов бытия и осмысливать их преломление в мирозерцании и художественном сознании писателя проявилось в составленном Перцовым сборнике «Философские течения русской поэзии», вышедшем в свет в марте 1896 г. Были отобраны произведения двенадцати русских поэтов, которые сопровождались критическими статьями.¹⁴

Во второй половине 90-х годов Перцов сотрудничал в журналах «Вопросы философии и психологии» и «Мир искусства», в «Торгово-промышленной газете» и в газете А. С. Суворина «Новое время», в которой он выступал вплоть до 1917 г.

Выработавшаяся к началу века литературно-публицистическая позиция Перцова свидетельствовала о нем как писателе, придерживавшемся консервативного мышления. Это сказывалось и в постоянном скептическом отношении к радикальным и либеральным направлениям общественной мысли своего времени, и в приверженности к своим позднеславянофильским убеждениям. При всем этом Перцов был разносторонним, плодовитым и темпераментным критиком. Все эти качества нашли воплощение в книге статей и рецензий Перцова 1898—1901 гг.¹⁵

В 1902 г. Перцов вместе с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус приступил к организации религиозно-философского и литературного журнала «Новый путь». Основные материалы архива Перцова связаны с изданием этого журнала.

Архив П. П. Перцова в Пушкинском Доме (р. III, оп. 2, №№ 1204—1508) содержит исключительно письма к Перцову разных лиц: А. А. Александрова (1913), А. В. Алехина 3 (1902), С. А. Андреевского 2 (1895, 1902), Е. И. Арсеньевой (1903), Л. С. Бакста (1903), К. Д. Бальмонта 2 (1903), С. Ф. Бельского 2 (1910), А. Н. Бенуа (1902), П. И. Бирюкова (1894), барона В. А. Бревского (1914), В. П. Гайдебурова 2 (1904), П. А. Гайдебурова 3 (1890—1893), А. А. Герцена (1899), З. Н. Гиппиус 49 (1897—1905), М. М. Дмитриева 3 (1913—1916), Е. А. Егорова 24 (1903—1904), А. И. Иванчина-Писарева 2 (1892, 1893), В. Л. Кигна (псевдоним — Дедлов) 4 (1903), И. И. Кольшко (б. д.), А. М. Коноплянцева 4 (1911—1912), В. Г. Короленко 3 (1899), А. И. Косоротова (1904), К. В. Лаврского (1895), А. Н. Майкова (1897), И. Б. Мельника (1902), М. О. Меньшикова 6 (1894—1899), Д. С. Мережковского 52 (1890—1910), Н. М. Минского 6 (1902—1903), Н. К. Михайловского (б. д.), П. П. Муратова (б. д.), П. Е. Накрохина (б. д.), М. В. Нестерова 8 (1903—1916),¹⁶ Б. В. Никольского 11 (1897—1899), М. А. Новоселова 8 (1902—1905), А. В. Панова 3 (б. д.),

¹² Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ), ф. 386, картон 98, № 5.

¹³ См.: Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову. 1894—1896 гг. (К истории раннего символизма). М., 1927; «Печать и революция», 1926, кн. 7, с. 36—50 (10 писем Брюсова к Перцову); «Красная газета», веч. вып., 1924, № 295, 27 декабря (письмо Брюсова к Перцову от 10 декабря 1904 г.); Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 276—298 (15 писем Брюсова к Перцову).

¹⁴ Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения с критическими статьями С. А. Андреевского, Д. С. Мережковского, Б. В. Никольского, П. П. Перцова и Вл. С. Соловьева. Составил П. Перцов. СПб., 1896.

¹⁵ Перцов П. Первый сборник (Славянофильство. — Литература и театр. — Путевые очерки). СПб., 1902.

¹⁶ Три письма Нестерова к Перцову из числа хранящихся в Пушкинском Доме опубликованы: Нестеров М. В. Из писем. Вступительная статья, составление, комментарий А. А. Русаковой. Л., «Искусство», 1968, с. 166—167, 211.

Е. Н. Погожева (псевдоним — Поселянин) 5 (1916), Я. П. Полонского 3 (1891—1896), Д. М. Ратгауза 3 (1895), И. Е. Репина (1903), И. А. Реутова (псевдоним — Молотов) 2 (1913), А. С. Рождествина (1913), И. Ф. Романова (псевдоним — Рцы) 22 (1902—1906), М. В. Сабашникова 6 (1921—1922), П. М. Сивкова (1893), К. К. Случевского (1902), А. А. Стаховича (1908), барона А. Э. Страусина 3 (1903), П. Б. Струве (1899), А. С. Суворина 4 (1900—1901), А. А. Фета 3 (1891), А. Ф. Филиппова (1899), Д. В. Философова 13 (1900—1909), А. Л. Флексера (псевдоним — Волынский) 11 (1895—1903), К. М. Фофанова (1904), И. И. Фуделя 3 (1902—1911), Д. П. Шестакова 5 (1900—1910), Ф. Э. Шперка (1897).¹⁷ Все письма были систематизированы самим Перцовым, на многих сохранились его пометы о корреспондентах, пояснения некоторых упоминаемых реалий и т. п.

2

Письма Павла Александровича Гайдебурова (р. III, оп. 2, №№ 1219—1221) относятся к первым шагам литературной деятельности Перцова. Известный журналист, Гайдебуров издавал в Петербурге еженедельную газету «Неделя» (орган «провинциального народничества полутолстовского типа», по словам Перцова, — ЛВ, с. 82) и, как приложение к ней, ежемесячный литературный журнал «Книжки Недели». В газете Гайдебурова Перцов напечатал 10 апреля 1890 г. свою первую критическую заметку, а в журнале в сентябре того же года дебютировал как поэт стихотворением «Я иду по тропинке тенистой» (за подписью «П. П.—в»). В связи с публикацией стихотворения Гайдебуров писал Перцову 21 августа 1890 г. (№ 1219): «Ваше стихотворение очень поэтично, но несколько растянуто. Я позволил себе сократить одну строфу (или, вернее, из двух сделать одну), и в таком виде оно появится в сентябрьской книжке. Жду дальнейших».

На стихотворение Перцова обратили внимание А. Фет и Я. Полонский (ЛВ, с. 103, 119). В дальнейшем Гайдебуров с меньшей охотой публиковал стихотворения Перцова. В письме от 23 апреля 1891 г. (№ 1220) он сообщил ему: «Стихотворения Ваши, полученные мною после напечатанного, не настолько удовлетворительны, чтобы их стоило помещать; но мне жаль, что я не посоветовал Вам не смущаться этим и продолжать Ваши поэтические опыты. Позвольте сделать это хоть теперь, и вместе с тем уверить Вас, что я очень внимательно слежу за Вашими работами и почти убежден, что если Вы будете продолжать их с настойчивостью и старанием, то они не пропадут бесследно». Позднее в «Книжках Недели» было опубликовано еще несколько стихотворений Перцова.¹⁸

¹⁷ В «Литературных воспоминаниях» Перцов опубликовал часть письма К. Д. Бальмонта от 7 декабря 1903 г. (с. 261), письмо А. И. Иванчина-Писарева от 16 августа 1893 г. (с. 92—93), отрывки из писем К. В. Лаврского, А. В. Панова, П. М. Сивкова (с. 148—149, 16—18), письмо Н. М. Минского от 25 июня 1902 г. (с. 269), 3 письма Я. П. Полонского (с. 118—119, 127—131), письмо Д. М. Ратгауза от 24 октября 1895 г. (с. 184—185), 3 письма А. А. Фета (с. 102—106), 2 письма А. Волынского (с. 208, 212—213), письмо К. М. Фофанова от 1 мая 1904 г. (с. 188—189). Материалы архива П. П. Перцова хранятся также в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ) (ф. 1796, 5 ед. хр.) и в Институте мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ) (ф. 122, 51 ед. хр.), где сосредоточена другая часть писем к Перцову, в том числе письма М. А. Волошина (1903), Э. Ф. Голлербаха (5 п., 1924—1925), Б. А. Грифцова (8 п., 1911—1920), В. М. Жирмунского (1913), Ф. Сологуба (4 п., 1904—1906) и др. В ИМЛИ хранятся также 175 писем Брюсова к Перцову (ф. 13, оп. 3, №№ 15—27).

¹⁸ «На рассвете» («Книжки Недели», 1892, № 6, с. 125; подпись «П. П.—в»), «Он, полон жизни откровений...», «Синее небо и синее море» (1893, № 10, с. 151), «Вопрос прозвучал без ответа» (1893, № 11, с. 102), «Тихая ночь на земле» (1895, № 2, с. 147).

В архиве хранятся также два письма поэта Василия Павловича Гайдебурова, сына издателя «Недели» (№№ 1222, 1223), и 6 писем секретаря «Недели» журналиста Михаила Осиповича Меньшикова, связанные с сотрудничеством Перцова в изданиях Гайдебурова (№№ 1319—1324).

Письма журналиста Александра Васильевича Панова, сотрудника «Волжского вестника» (№№ 1413—1415), и писателя Павла Михайловича Сивкова (№ 1459) характеризуют жалкое положение, в каком находились провинциальные литераторы в пору сотрудничества Перцова в казанской прессе (ЛВ, с. 16—18). Интересно также письмо журналиста Константина Викторовича Лаврского, сочетавшего толстовский моральный пафос и проповедь личного самосовершенствования с церковно-православными убеждениями. В письме к Перцову от 18 марта 1895 г. (№ 1316) он описал свою поездку к Толстому и разговор с ним.¹⁹

В конце 90-х годов Перцов хотел приступить к изданию собрания сочинений А. И. Герцена, которому он отводил в истории русской общественной мысли исключительное по значимости место. В статье 1900 г. «А. И. Герцен», написанной в связи с тридцатилетием со дня кончины писателя, Перцов утверждал, что «Герцен далеко оставляет за собой всю группу людей, среди которой он выступил на сцену и к которой „приписан“ своей общественной ролью», и настаивал на немедленном издании его сочинений, дабы у русского читателя оказались «сотни страниц яркой художественности и превосходной мысли».²⁰ В ответ на просьбу помочь задуманному изданию Александр Александрович Герцен ответил 18 ноября 1899 г. (№ 1224): «Милостивый Государь Петр Петрович. Издание сочинений моего отца в России всегда было одной из моих самых дорогих надежд, — но до сих пор, по причинам не зависящим не только от моей воли, но и от воли крупных издателей, она не могла осуществиться. Почему Вы думаете, что при теперешней свирепой цензуре можно надеяться на разрешение, я не знаю; но как бы тому ни было, я ни в чем не могу Вам способствовать в этом предприятии, ибо мы, наследники А. И. Г., уже несколько лет тому назад уступили все свои права известному петербургскому издателю Фл. Фед. Павленкову. Он один может, по своему усмотрению, уступить свои права другим. С глубоким уважением А. А. Герцен».²¹

Особое место в архиве Перцова занимают письма трех крупнейших поэтов старшего поколения — А. Н. Майкова (№ 1317), Я. П. Полонского (№№ 1421—1423) и А. А. Фета (№№ 1470—1472), «триады 40-х годов», по определению самого Перцова. В своих воспоминаниях Перцов подробно рассказал о встречах с ними в 90-е годы (глава «Три поэта») и опубликовал письма Фета и Полонского.

К 90-м годам в основном относятся и письма поэтов — современников Перцова. В письме от 29 марта 1895 г. (№ 1208) Сергей Аркадьевич Андреевский выражал согласие перепечатать свои критические этюды о Баратынском и Лермонтове в подготовляемом Перцовым сборнике «Философские течения русской поэзии». Перцов высоко ценил эти статьи, отмечая, в частности, что очерк о Баратынском был в свое время «unicum в нашей литературе по своему новаторскому воззрению на Баратынского, как крупного и своеобразного поэта-мыслителя» (ЛВ, с. 194). Во втором письме, от 26 октября 1902 г. (№ 1209), Андреевский благодарил Перцова за книгу «Первый сборник»: «Убеждаюсь, что у нас с Вами действительно много общих „литературных симпатий“». К 1895 г.

¹⁹ Сохранилось также письмо к Перцову от 2 октября 1894 г., написанное П. И. Бирюковым, другом и биографом Толстого, одним из основателей издательства «Посредник».

²⁰ Перцов П. Первый сборник, с. 38, 42.

²¹ Сочинения А. И. Герцена в семи томах вышли в издательстве Павленкова, после длительной цензурной волокиты, только в 1905 г.

относятся три письма (№№ 1424—1426) популярного в конце века поэта Даниила Максимовича Ратгауза, стихотворения которого Перцов включил в антологию «Молодая поэзия». С этим фактом связаны первые два письма Ратгауза, в третьем он обращался с предложением организовать «специальный журнал молодых поэтов».

К более поздним годам (1900—1910) относятся письма другого заметного в 90-е годы поэта — Дмитрия Петровича Шестакова, профессора классической филологии Казанского университета; Перцов издал сборник его стихотворений.²² В письмах Шестакова (№№ 1502—1507) содержатся отклики на статьи Перцова; в письме от марта 1902 г. (№ 1504) он дает развернутый отзыв о втором помере издаваемого Перцовым журнала «Новый путь». Дружбу с Шестаковым Перцов сохранил на долгие годы. В конце 1930-х годов он составил сборник позднейших стихотворений Шестакова, оставшийся неопубликованным.²³

Из писем, хранящихся в архиве Перцова, наибольший интерес представляют письма, отражающие его отношение к литературным явлениям, связанным с символизмом. Так, письма редактора журнала «Северный вестник» А. Волинского (псевдоним Акима Львовича Флексера) (№№ 1487—1497) показывают, что он считал Перцова своим единомышленником и сторонником в идейно-литературной борьбе.

Письма Дмитрия Сергеевича Мережковского (№№ 1325—1376) содержат богатый материал для исследования его творческой деятельности и для выяснения влияния его на эволюцию мировоззрения Перцова. Творческий путь самого Мережковского был сложным и неоднозначным. Начав литературную деятельность в эпоху «безвременья» приверженцем народнических идеалов и последователем Надсона, Мережковский в начале 1890-х годов пережил идейный перелом и воплотил в своем творчестве индивидуалистические, «декадентские» веяния, явившись одним из зачинателей символистской эстетики. Его общественная позиция тогда не была еще достаточно оформлена, и к исканиям Мережковского с вниманием относились многие видные литераторы; так, например, М. Горький был «глубоко заинтересован» проблематикой романа Мережковского «Отверженный» («Юлиан Отступник»).²⁴

Мережковский, отмечал Перцов, был «самым первым столичным литератором», с которым ему «довелось соприкоснуться» (ЛВ, с. 45). Прочитав поэму Мережковского «Вера», вышедшую в 1890 г., Перцов-студент отправил автору восторженное письмо, на которое тот ответил 15 июля 1890 г. письмом (№ 1325), полным искренней благодарности и сочувствия (ЛВ, с. 47). На поэму Мережковского Перцов откликнулся также заметкой в «Казанском биржевом листке», в которой говорилось, что «автор этим произведением окончательно завоевал себе среди наших молодых поэтов первое место после Надсона». В дальнейшем большое впечатление оказали на Перцова литературно-эстетические взгляды Мережковского. И если в ноябре 1892 г. в рецензии на сборник стихотворений Мережковского «Символы» Перцов еще говорил об отсутствии у героев этих поэм «законченного мировоззрения и определенных убеждений», а у их автора «ясных и твердых идеалов»,²⁵ то в декабре того же года «самым сильным впечатлением» Перцова стала лекция Мережковского «О причинах упадка русской литературы», задевшая в нем «созвучные струны, которые не находили себе отклика среди тенденций и

²² Шестаков Д. П. Стихотворения. СПб., 1900.

²³ См. вступительную заметку Л. К. Долгополова к стихотворениям Д. П. Шестакова в кн.: Поэты 1880—1890-х годов. Л., «Сов. писатель», 1972 (Библиотека поэта. Большая серия), с. 585. Перцову посвящено стихотворение Шестакова 1929 г. «Старому другу» («Дальний Восток», 1970, № 7, с. 143).

²⁴ Письма М. Горького к А. Л. Волинскому. 1897. — В кн.: Литературно-эстетические концепции в России конца XIX—начала XX в. М., «Наука», 1975, с. 359—360.

²⁵ «Русское богатство», 1892, № 11, отд. II, с. 68.

традиций утилитарной критики». «Впервые <...> я встретил здесь, — вспоминал Перцов, — признание автономности искусства, признание примата в его области эстетического начала и проповедь свободы творчества» (ЛВ, с. 86). Вышедшая же в январе 1893 г. книга Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», своего рода манифест зарождавшегося русского символизма, оповестивший о возрождении «художественного идеализма» в искусстве, оказала определяющее влияние на последующий путь Перцова. Осенью того же года, находясь в Петербурге, Перцов направил Мережковскому исповедальное письмо: «<...> в нем, рассказав мою идейную эволюцию, я признавал его своим „ересиархом“» (ЛВ, с. 94).

7 октября 1893 г. Мережковский ответил Перцову (№ 1326): «Петр Петрович, милый друг — позвольте мне Вас так назвать, потому что я <в> самом деле это чувствую после Вашего умного и сердечного письма, — как бы мне хотелось с Вами увидеться до Вашего отъезда. Софокл говорит:

Отвергнуть друга все равно, что *жизнь* —
Сладчайший дар богов отвергнуть.²⁶

Может быть, Вы завтра, в пятницу, будете свободны между 7 и 10 часами вечера, приходите ко мне. Вы должны знать и чувствовать, что я буду Вам рад. То, что Вы так глубоко и проникновенно поняли мои слова про Новую Церковь — меня тронуло — да все, все в Вашем письме благородно и умно».

Предложенная встреча состоялась. «Наше свидание было свиданием двух нашедших друг друга друзей», — свидетельствовал Перцов (ЛВ, с. 195). В дальнейшем этот союз все более укреплялся. Именно у Перцова Мережковский нашел ту чуткость к своему творчеству и то понимание смысла своей деятельности, которых долго не мог найти у современников. В середине 90-х годов Перцов, как уже говорилось, развернул книгоиздательскую деятельность, способствуя опубликованию произведений Мережковского. В подготовленный Перцовым сборник «Философские течения русской поэзии» (1896) вошли обстоятельный этюд Мережковского о Пушкине, его же статья об А. Н. Майкове и этюд о Кольцове, дополненный Перцовым; в 1897 г. Перцовым была издана книга литературных очерков Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы».

Одной из центральных тем писем Мережковского к Перцову стала Италия, которую он часто посещал в те годы. В 1896 г. это посещение было связано с замыслом романа о Леонардо да Винчи. 6 апреля 1896 г. Мережковский писал Перцову из Флоренции (№ 1329): «Вчера я был в селении Винчи, где родился и провел детство Леонардо да Винчи. Я посетил его домик, который принадлежит теперь бедным поселянам. Я ходил по окрестным горам, где в первый раз увидел Божий мир. Если <бы> Вы знали, как все это прекрасно, близко нам, русским, просто и нужно. Как это все освежает и очищает душу от Петербургской мерзости. Я поеду еще по многим чудесным странам и местам, где был Винчи. Отчего бы Вам не присоединиться к нам? <...> И какое здесь солнце, какое вино, какое небо! Все Ваше мирозерцание переменится, и Вы приедете в Петербург новым человеком. А с осени мы будем издавать „Современник“²⁷ — здесь все обдумаем и решим».

²⁶ Цитата из трагедии Софокла «Эдип царь» в переводе Д. С. Мережковского («Вестник иностранной литературы», 1894, январь, с. 28; перевод Мережковского в дальнейшем многократно перепечатывался).

²⁷ В 90-е годы замысел издания журнала совместно с Перцовым не был реализован.

Следующим летом в путешествие по Италии отправился Перцов; Мережковский в это время упорно работал над романом о Леонардо. 20 сентября 1897 г. он писал Перцову (№ 1337): «Не только мне хочется, но мне и *нужно бы* приехать во Флоренцию, чтобы еще раз увидеть селение Винчи. В случае если мне это не удастся — то я Вас прошу побывать в *Vinci* (близ *Empoli* — в 3 часах от Флоренции) — и подробно мне описать с естествоиспытательскою точностью *осенний* пейзаж гор и холмов Винчи и также Албано. Вы на меня не возропщете, — это бесконечно прекрасная архи-тосканская прогулка <...> Я ни о чем думать не могу, как с Флоренции. Я в нее теперь влюблен, как в женщину, да разве она и не женщина, не Мона Лиза! <...> Я знаю, что Венеция пленительнее, но я больше люблю Флоренцию, за то, что она *кажется* менее прекрасной. Она — серая, темная и очень простая и необходимая. Венеция могла бы и не быть. А что с нами было бы, если бы не было Флоренции!». О любви к Флоренции Мережковский говорил и в письмах конца 1897 г., в частности в письме от 14 декабря (№ 1344).

Первоначально Мережковский предполагал печатать роман о Леонардо «Воскресшие боги» в журнале «Северный вестник», во главе которого стояли А. Л. Волинский (Флексер) и Л. Я. Гуревич, но весной 1897 г. отношения Мережковского и Э. Н. Гиппиус с Волинским ухудшились, а вскоре последовал и полный разрыв между ними.²⁸ 6 июля Мережковский сообщал Перцову в Женеву (№ 1331): «Роман подвигается медленно. Теперь я начинаю IX главу. До окончания первой части (I половины всего) осталось еще 3 главы, т. е. месяца три работы <...> Не знаю, где я буду печатать Леонардо, и это меня очень беспокоит. Неужели такой громадный труд не даст мне материального покоя и отдыха хоть на несколько времени?».

Мережковский воспринимал Перцова в это время как наиболее близкого себе человека, интимного собеседника и «сочувственника» в литературных и философских исканиях. В письме от 3 августа 1897 г. он признавался ему (№ 1332): «Вы в самом деле чуть ли не единственный человек среди русских литераторов, с которым я сердечно близок, и я полагаю, что Вы поймете, что эти слова имеют цену в устах такого нелюбимого и отнюдь не склонного к чувствительности человека, как я». Здесь же он сообщал о своей писательской работе: «Мой Леонардо подвигается, и я сегодня только кончил IX главу; когда кончу следующую, то будет готова первая половина всего или даже побольше. Как бы мне хотелось кое-что из него Вам прочесть <...> Да неужели же Вы в самом деле, не шутя думаете пробыть за границей всю зиму. Берегитесь, совсем превратитесь в западника и по-русски говорить разучитесь. А ведь мы с Вами знаем, что такое настоящая русская литература и настоящая родина». 5 сентября 1897 г. Мережковский вновь писал Перцову (№ 1334): «Неужели Вы так-таки и не вернетесь в Россию всю зиму. Мне это будет очень горько, ибо в сущности, кроме Вас и Розанова, нет у меня вовсе людей духовно-близких в Петербурге. Я, значит, буду в полном одиночестве, — ибо на Розанова я, признаться, мало рассчитываю <...> Да полагаю, и Вы соскучитесь без русского языка. Ведь в самом деле наша единственная, последняя и все же великая родина теперь — Русский язык. И без него не обойдешься. Видите, я уж из эгоизма готов Вас уговаривать, чтобы Вы приехали <...> Леонардо мой подвигается — пишу уже X главу — всего будет XVIII глав — значит, больше половины уже кончено. Но надежда видеть его напечатанным в русском журнале (что, конечно, имеет значение только для гонорара) у меня все уменьшается... Живу здесь отшельником... Вы за границей, а я, кажется, в недрах самой России отучусь говорить по-русски!..».

²⁸ См. об этом: Максимов Д. Журналы раннего символизма. — В кн.: Евгеньев-Максимов В. и Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930, с. 119—120, 123—124.

Работой над романом были целиком заняты и последние месяцы 1897 г. «Раньше будущей осени не кончу, — писал Мережковский в ноябре 1897 г. — Мне иногда кажется, что никогда не кончу, если все вокруг будет так тяжело и скверно, как теперь» (№ 1340). 10 декабря он извещал Перцова (№ 1341): «Леонардо двигается. Скоро начну XI главу. Только это будет странная вещь — не роман, а бог знает что такое. „*Hostineito rigore*“ — Упрямая Суровость — это девиз Леонардо, и я пишу его с „упрямою суровостью“. В другом декабрьском письме (№ 1342) читаем: «О, как бы я хотел отдохнуть! Чувствую себя страшно усталым. Но едва ли удастся отдохнуть — пока не кончу Леонардо. Кончил уже X глав. Надеюсь здесь кончить XI главу. Тогда останется еще V глав. Роман будет громадный. Пожалуй, больше 30 печатных листов. Печатать его совершенно *негде*...».

Работа затянулась до осени следующего года. В 1898 г. Мережковский по-прежнему подробно информировал Перцова о предпринятом труде. 7 сентября 1898 г. он наряду с сообщением о ходе работы писал и об организации художественно-символистского журнала «Мир искусства» (№ 1347): «В Петербурге с ноября выходит новый декадентно-символистский иллюстрированный журнал — „Мир Искусства“ — редактор Дягилев, помощник Философов. Издатели — кн. Тенишева и Мамонтов. Говорят, есть деньги, и журнал будет издаваться роскошно. Они очень меня зовут, но пока не разделяю с Леонардо — не пойду никуда».

Роман Мережковского (под названием «Возрождение») начал печататься в только что возникшем журнале легальных марксистов «Начало» (1899, №№ 1—4), но на четвертом номере журнал был запрещен. Целиком роман впервые был опубликован (уже под названием «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи») в журнале «Мир божий» (1900, №№ 1—12).²⁹ Печатание романа в этих журналах было вызвано отнюдь не идейными симпатиями к ним Мережковского, а лишь необходимостью опубликовать свое произведение. 4 августа 1899 г. он писал Перцову (№ 1348): «„Начало“ погребено с шумом и Воскресавшие боги не воскресали-таки, однако начнут, кажется, снова воскресать с января в „Мире Божьем“ у г. Давыдовой и Ангела Богдановича, — веселенькое местечко для богов! В *Жизнь*³⁰ не отдал, потому что она тоже колеблется, а „Мир Божий“ хоть противен, да прочен». 18 марта 1900 г., когда роман уже публиковался в «Мире божьем», Мережковский писал (№ 1355): «Читаете ли Вы моих „Воскресших богов“?.. Кажется, их никто не читает — никому это в сущности не нужно, — не ко двору. И вообще, как Свидригайлов говорит Раскольникову: „Откровенно вам скажу: *очень скучно*“».

В письмах Мережковского к Перцову 1897—1898 гг. затрагиваются бытовые обстоятельства, приводятся отзывы о книгах и статьях, о встречах с людьми и т. д. Представляют интерес, например, суждения Мережковского о В. В. Розанове³¹ и А. Л. Волынском в письме от 6 ноября 1897 г. (№ 1335): «Были я у Розанова, еще раз убедился, что это необычайно умный и „проникновенный человек“. Но чего-то страшно важного ему не хватает, какой-то внутренней чистоты и свободы. Перед Флексером он на задних лапках ходит, все надеется и даже прямо эту надежду мне высказывал — печататься в „Сев<ерпом> Вестн<ике>“. Какой беспо-

²⁹ «Мир божий» — ежемесячный литературный, политический и научно-популярный журнал (1892—1906) либерального направления; с середины 90-х годов его фактическим руководителем был критик и публицист Ангел Иванович Богданович.

³⁰ «Жизнь» — литературно-политический журнал, издававшийся в Петербурге в 1897—1901 гг.; с конца 1898 г. — орган легальных марксистов.

³¹ Василий Васильевич Розанов был литератором, оказавшим, подобно Мережковскому, значительное влияние на Перцова. Перцов издал 4 сборника его статей: «Сумерки просвещения» (1899), «Литературные очерки» (1899), «Природа и история» (1900), «Религия и культура» (1901). Письма Розанова к Перцову (более 200) хранятся в частном собрании.

мощный маккиавеллизм! Кстати, Флексер, не спросив меня, не предупредив, исключил мое имя и Э. Н. «Гиппиус» из списка сотрудников „Северного Вестника“ на будущий год, это после того, как он воспользовался всем моим материалом для статей о Леонардо да Винчи.³² Смердяковская у него сущность». Сходные замечания содержатся и в письме Мережковского от 31 декабря 1897 г. (№ 1345).

После завершения «Воскресших богов» Мережковский предполагал вскоре приступить к реализации нового замысла — романа о Петре I и царевиче Алексее. 4 августа 1899 г. он писал Перцову (№ 1348): «Быть может, придется уехать на всю зиму куда-нибудь на юг, — конечно, тогда выберу Италию — Рим или Флоренцию, хотя, признаюсь, именно теперь не хотелось бы уезжать из Петербурга — он мне нужен для Петра. К Петру готовлюсь усердно». Однако Мережковский приступил сначала к работе над исследованием, знаменовавшим приход к последовательно христианскому самосознанию. Идеи христианской религии и церкви Мережковский воспринимал с точки зрения своего основного философского постулата о двойственности мира (плоть и дух, язычество и христианство, человекобожество и богочеловечество и т. д.). Эти противоположные начала он и прослеживает в исследовании «жизни, творчества и религии» Л. Толстого и Ф. Достоевского. Синтез этих начал, «охристианение земной плоти мира», Мережковский считал насущной задачей жизненного и религиозного «строительства» и художественных исканий. Исследование «Л. Толстой и Достоевский» было первым опытом воплощения религиозно-мистических построений Мережковского, разработанных им впоследствии во многих художественных и критико-публицистических произведениях. Концепция Мережковского приобрела определенную известность, вызывая одновременно и последовательную критику за безжизненность и предвзятый схематизм в самых различных общественных и писательских кругах.

В письме от 4 августа 1899 г. Мережковский, живший в Орлине (близ ст. Сиверская), сообщил Перцову (№ 1348): «Теперь живу на берегу унылого озера среди унылых полей и лесов, в совершенной тишине и уединении. Жизнь моя все больше становится похожа на *житие* <...> Здесь я занят Л. Толстым и Достоевским. Вот уж четыре месяца их штудирую. Хочу написать статью под заглавием *Человекобог и Богочеловек*, — иначе Христос и Антихрист в русской литературе, это отчасти продолжение статьи о Пушкине.³³

Завидую Вам — моя судьба Вам завидовать, — что столько видели именно того, что мне хотелось видеть, т. е. русского искусства. Влечет меня к нему, да и вообще к России. Довольно постранствовал! Итак, будущее лето поедемте вместе открывать Россию, ведь действительно открывать, потому что ни славянофилы, ни народники, ни толстовцы, ни птенцы гнезда Александра III (Васнецов, Нестеров) еще не были в России. А ведь и в самом деле без нее-то нет спасения. Достоевский, хотя и смутно и не совсем правильно, но все-таки удивительно это почувствовал. Кстати, были писатели в девятнадцатом веке более совершенные, чем Достоевский, были столь же сильные, но, кажется, не было такого *пророческого*. Это какое-то апокалиптическое чудовище, *Зверь*, вышедший из бездны. Как мало его ценят и даже как мало *знают*. Л. Толстой заслонил Достоевского — это приговор всему *не* нашему поколению, но наших отцов — или даже старших братьев».

Свое исследование Мережковский предполагал публиковать в «Мире искусства», хотя и относился критически к его эстетизму. Этого вопроса

³² Имеется в виду фундаментальное искусствоведческое исследование А. Волынского (Флексера) «Леонардо да Винчи» (СПб., 1899; первоначально печаталось в 1897—1898 гг. в журнале «Северный вестник»).

³³ См.: Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб., 1897, с. 443—552.

он коснулся в письме от 12 сентября 1899 г., одном из первых свидетельств о вырабатывавшейся у него религиозно-философской и общественной платформе (№ 1349): «<...> все еще живу в Орлине и в Петербурге бываю наездами. Здесь хорошо, потому что тихо, — тихий, милый дождь и золотые листья. <...> „Мир Искусства“, как, вероятно, Вам уже известно, отнюдь не погиб, и Вы напрасно злорадствовали. Серьезно, я Вашего крайнего презрения к Адонисам не разделяю. Что из того, что журнал смешон и глуповат. Не надо этого слишком бояться. Все-таки *что-нибудь*. Всего хуже „ничего“. „Ничего“ страшнее смешного и даже глуповатого. А если и „Мир Искусства“ погибнет, то ведь уж будет совершенное *ничего*. Ну, пусть он хоть для моего „Человекобога и Богочеловека“ еще годик проваландается <...> А статья (Чел<овекобог> и Богочеловек) меня так захватила, как давно ничто не захватывало, не меньше Леонардо. Я только теперь понял — окончательно и бесповоротно, что спасение всей Европы, всего мира (т. е. земного шара) в нас, русских, и *только* в нас, и может быть именно в *нас*, немногих (*до ужаса немногих!*) законных наследниках всемирной Русской Культуры <...>».

Осенью 1899 г. Перцов и Мережковский постоянно обсуждали проблемы религиозно-жизненного «строительства». Тогда же Перцов направил Мережковскому послание на философскую тему, в ответ на которое тот писал 22 сентября (№ 1351): «<...> для меня, конечно, Возрождение и Антихрист не по *сю*, а по *ту* сторону Евангелия, не в прошлой Элладе, и не в Парфеноне, и даже не константинопольск<ой>, а в еще не построенной Св. Софии, в которой, впрочем, будет и мрамор Парфенона, и страшные своды Софии. И Антихрист для меня — только еще непонятый и не открывшийся Христос, как я это, впрочем, сам же, помнится, говорил Вам, и в „Воскресших богах“ сказал. Нитче, однако, с которым я во многом, даже в главном, не согласен (у него древнее, *первое единство*, а у меня новое, *второе соединение*), гораздо глубже, чем Вы думаете. И ошибка его вовсе уж не так наивна, как Вы, кажется, предполагаете. Да, полно, хорошо ли Вы его знаете? Он очень многогранен, и у него есть такие соблазны, которых еще *никто* не преодолел. Представьте себе, мне кажется, что и Розанов отнюдь не „маленький“. В особом пристрастии к нему Вы меня заподозрить не можете, но я признаю в нем искры *гения*. А гений, где бы ни был он, — „на полях“ или в тексте, или даже в примечаниях, внушает мне род *суеверного* благоговения и суеверной осторожности. Лучше уж я преувеличу его значение, нежели умалю. Да и мало ли это — быть живым подлинным Сатиром в Петербурге около Литейной или где он там живет? <...> Кстати, знаете ли Вы, что значит „*умаление времени*“ — как выражается одна купчиха у Островского. Это значит камень летит в бездну и быстрота его падения увеличивается по закону геометрической прогрессии, и дух человечества летит в бездну и быстрота его полета увеличивается уже не по геометрической, а по никому еще неведомой *духовной* прогрессии. То, что до Рождества Христова происходило в т<ыс>ячелетия, после Рождества Христова до 1500 года стало умещаться в столетия, а от 1500 до XVIII века — в десятилетия, в XVIII веке — в годы, а в нашем страшном веке еще скорее и скорее, потому что бездна тянет. И величайшие перевороты совершаются невидимо и подходят, как тать в ночи. И что мне думать, совершится ли при моей жизни второе пришествие, когда я знаю, что оно уже во мне совершается? Петр, Пушкин, Достоевский — вот ступени — сводящие или поднимающие в бездну».

Зиму 1899—1900 г. Мережковский и З. Н. Гиппиус провели в Риме, весну 1900 г. — в Сицилии и Флоренции, лето — в Германии. Из-за границы Мережковский направил Перцову ряд писем, посвященных как личным делам, так и философским и художественным вопросам. Все это время он продолжал работать над исследованием «Л. Толстой и Достоевский», печатавшемся в журнале «Мир искусства». Одно из февральских

писем 1900 г. (№ 1354) касается неосуществленного Перцовым переиздания сборника «Молодая поэзия» с измененным составом поэтов и новой рубрикацией. Перцов собирался ввести в книгу четыре отдела: 1) поэты «старомодного» типа — К. Фофанов, И. Бунин, П. Порфи́ров, С. Сафо́нов, Ф. Червинский, Н. Энгельгардт и др.; 2) граф П. Бутурлин; 3) «декаденты» — Ф. Сологуб, З. Гиппиус, К. Бальмонт, В. Брюсов; 4) Н. Минский, Д. Мережковский (ЛВ, с. 183—184). В своем письме Мережковский изложил соображения по этому поводу: «Рад второму изданию *Молодой* Поэзии. Хорошо, что хотите сделать ее тенденциозной: тенденциозно — это значит остро. Ну, и заостряйте — чем острее, тем лучше. Вот мои соображения: нельзя ли назвать *Новая* Поэзия. Молодость проходит, а новизна, если она действительно есть, остается. Затем я бы исключил Коринфского — это сапог, а не поэт. С ним стыдно быть рядом. Да и Червинского я бы, пожалуй, исключил, и Энгельгардта (одно имя смердит!). IV группу я назвал бы в противоположность декадентам символистами. И в предисловии раз навсегда объяснил бы русской публике, что отличает декадентов (упадок) от символистов (возрождение). И сделал бы это резко, чем резче, тем лучше. К IV группе я причислил бы Гиппиус обязательно — она вовсе не декадентка. И, может быть, Сологуба перенес бы в IV группу. К своим стихам я прибавил бы *Леду* и *Stabat Mater* рядом поставил бы, — и в предисловии объяснил бы, что это *два края* одной бездны или ямы.³⁴ Но главное — предисловие: надо же воспользоваться случаем и серьезно и ясно поговорить о декадентстве и символизме. Я уверен, что Вы это можете сделать».

В феврале 1900 г. Перцов выступил в «Новом времени» со статьей «„Воскресение“ и толстовцы», в которой подверг критике «противоречие мистической догмы толстовства с реализмом его морали».³⁵ Вслед за Мережковским он указал в ней на принципиально иную постановку религиозных вопросов Достоевским. 18 марта 1900 г. Мережковский писал в этой связи (№ 1355): «Статью Вашу о „Воскресении“ и „Толстовцах“ я прочел с жадностью, и она мне очень понравилась, главным образом тем, что она проникновенно и талантливо и *просто, трезво* написана. Но она возбуждает столько соображений, что нет возможности говорить об этом в письме. Одно скажу: кажется, Вы не обратили достаточно внимания на то, что Л. Толстой-христианин — старец Аким уничтожается всего более самим же Л. Толстым — глубоко *религиозным* язычником (хотя и не сознательным). И затем Ваш намек на Достоевского так важен, что об этом, пожалуй, и не следовало бы говорить только в намеке, в двух, трех строках — лучше совсем молчать. Да и вообще чувствуется, что о самом важном и нужном нельзя, все-таки *нельзя* говорить в „Новом Времени“».

Письма Мережковского 1900 г. свидетельствуют об укреплении его религиозно-мессианских убеждений, о все более настойчивом ощущении ожидаемых в мире перемен, «исполнения сроков». Эти тенденции сближали Мережковского с эсхатологическими прозрениями позднего Вл. Соловьева и исканиями молодых соратников-символистов — Андрея Белого и Блока. 22 апреля 1900 г. Мережковский писал (№ 1361): «Я один в пустыне, и Бес меня искушает. Я у моря читаю книгу Нитче „Menschliches, allzumenschliches“ — „*Человеческое, слишком человеческое*“, где Нитче доказывает, что у человека нет и не должно быть потребности в потустороннем, где он борется не только с метафизикой, с религией, но и с искусством, борется со всем *божески-человеческим* — все-таки *слишком человеческим*. Какая судьба! Как всей своей судьбою, которая глубже того,

³⁴ Для Мережковского эти стихотворения — символы двух противоположных полюсов его мирозерцания («языческого» и «христианского»).

³⁵ «Новое время», № 8613, 1900, 18 февраля, с. 2—3; перепечатано в кн.: Перцов в П. Первый сборник, с. 58—77.

что он создал (хотя и это почти бездонно глубоко), он доказал, что именно теперь надо погибнуть или найти Бога. Нет, мы даже не будем „ступенями“, „мостом над бездною“, если не найдем и не передадим идущим после нас нашего Слова. А найти Его можно только *вместе*. Именно здесь, в пустыне, я чувствую, что нет нам всем спасения в одиночестве».

Письмо это — один из первых симптомов преодоления культа «декадентского» индивидуализма на религиозной основе. В мае 1900 г. Мережковский пишет (№ 1359) о необходимости пересоздания жизни; многие из поднятых им вопросов стали вскоре предметом обсуждения на Религиозно-философских собраниях в Петербурге. При этом он замечает: «И вот что еще надо бы узнать: нет ли в глубинах русского народа сил, отвечающих нам. Нам нужно по-новому, по-своему *„идти в народ“*. Не думайте, что я говорю это легкомысленно. Я чувствую, как это трудно, почти невозможно, труднее, чем нигилистам. Но, кажется, этого не избежать, кажется, современный культурный слой в России не может нам ответить — он весь или наивно-либерален, или наивно-декадентен, т. е. гнил до конца: недаром же литература нас не принимает и не может принять <...> Нам бы очень нужно было повидаться до осени. Ведь осенью так или иначе начнется наше *действие*. Как Вам кажется? Не должно ли начать с культурного слоя? Конечно — только опыт, только первое движение ощущую... Но несомненно, что что-то везде, *во всех* (даже в марксистах) совершается, зреет, и мы пойдем навстречу. И тогда переход к народу будет проще, естественнее — через сектантов».

В письме от 12 сентября 1901 г. (№ 1366) Мережковский сообщал о завершении работы над исследованием о Толстом и Достоевском и о новом своем замысле: «Собираю материалы для „Гоголя“. Это будет маленькая статейка, отделанная, отточенная, заостренная, в 2½ или 3 листа, — критический „сонет“ <...> Гоголь значительнее, чем Л. Т<олстой> и Достоевский, может быть, значительнее, чем Пушкин. Не верите? Надеюсь, что я уверю Вас. Не было человека столь близкого мне, как Гоголь. Я теперь в него *влюблен*. Это чудовище, которого еще пока никто не видит, — наша Медуза. Только страшно к нему подходить. Помните в Анне Карениной „старичок с взлохмаченной бородой, который делает свое страшное дело в *железе* над нею“ — в бреду Анны и Бронского. Это и есть железный *Вий!* Улавливаете связь? Разве не жутко?..».

Обостренный интерес к Гоголю, возникший у Мережковского летом 1901 г., вылился в философско-критическое исследование, которое впервые появилось на страницах журнала «Новый путь».³⁶

3

Большинство писем, хранящихся в архиве Перцова, относятся ко времени создания журнала «Новый путь» и Религиозно-философских собраний, которые мыслились инициатором их Мережковскому как собрания людей с разными идеалами для совместного обсуждения вопросов философии, религии и церкви, их значения и места в современном русском общественном сознании.³⁷ 8 октября 1901 г. пятеро «членов-учредителей» (Д. С. Мережковский, Д. В. Filosoфoв, В. В. Розанов, В. А. Тернавцев и В. С. Миролубов) посетили обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева и петербургского митрополита Антония, после чего вопрос об организации Религиозно-философских собраний был решен в положительном смысле. Перцов поначалу скептически отнесся к этому начинанию. 28 ноября 1901 г. он писал Брюсову из Петербурга: «А у нас... блины

³⁶ Мережковский Д. С. Судьба Гоголя. — «Новый путь», 1903, №№ 1—3. Отдельное издание вышло под заглавием «Гоголь и Черт» (СПб., 1906); переиздание: Гоголь. Творчество, жизнь и религия. СПб., «Пантеон», 1909.

³⁷ Ги п п и ус - М е р е ж к о в с к а я З. Дмитрий Мережковский, с. 89—90.

пекут, то бишь основывается „религиозно-философское общество“ с архиереями и декадентами во главе. Схождение крайностей — вероятно, по программе З. Н. Гиппиус:

Концы соприкоснутся,
И «да» и «нет» сольются,
И смерть их будет Свет.

Поживем — увидим». ³⁸

Первое собрание, состоявшееся 29 ноября 1901 г. в малом зале Географического общества на Фонтанке, было посвящено программному докладу В. А. Тернавцева «Русская церковь пред великою задачей». Тернавцев доказывал, что Россия находится в состоянии глубокого идейно-нравственного кризиса и что «возрождение России может совершиться на религиозной почве»; насущную задачу он видел в преодолении существующего разлада интеллигенции с церковью, в диалоге между ними с целью возвестить «новые пути» — «начало религиозно-общественного возрождения России». ³⁹ Последующие собрания были посвящены в основном полемике между ортодоксальным духовенством и представителями интеллигенции (Мережковский, Розанов, Минский и др.), стремившимися по-новому осмыслить идеи христианской религии и церкви и связать с ними насущные современные проблемы (свобода религиозной совести, брак, отношение христианства к культуре и государству и т. п.). ⁴⁰

Религиозно-философские собрания вызвали резкие отзывы многих видных литераторов той поры. В. Г. Короленко упрекал В. С. Миролюбова за установление диалога с церковниками: «Боюсь я, что в Вашем религиозном обществе много разных хороших вещей, только нет одной — правды. Вы разбираете разные тонкости, „оцениваете“ разных богословских мушек и не замечаете, какие реки слез и, прямо, крови льются от рук ваших елейных собеседников». Резко критически отнесся к Религиозно-философским собраниям и Л. Толстой: «Есть люди, которые пользуются религией для злых целей <...>, но есть и такие, которые пользуются ею для забавы, для игры: Мережковские и т. п.». ⁴¹ Не всегда они находили сочувствие и среди сторонников символизма. Так, 25 марта 1902 г. идеолог группы художников «Мира искусства» Александр Николаевич Бенуа писал Перцову (№ 1216) о своих впечатлениях от посещения Религиозно-философских собраний: «Ждем Вас сюда. Религиозно-философские продолжаютя. Толпа и духота возрастающие. Суесловие тоже. Солертинский ⁴² и прочие рысы наводят потоками риторикой. Вопросы запутываются, но, впрочем, с известной стороны и выясняются. Яснее становится свое внутреннее, душевное отношение к некоторым вещам. ⁴³ Вообще же, несмотря на взывания Дмитрия Сергеевича, совсем нет мистицизма.

Официальная религиозность, религиозная политика, схоластика, так называемая христианская мораль, на пять копеек Канта, на три Нитцше, немного либерализма, отрывки Дневника Писателя ⁴⁴ — вот и все. При

³⁸ ГБЛ, ф. 386, картон 98, № 7.

³⁹ «Новый путь», 1903, № 1, Записки Религиозно-философских собраний в Петербурге, с. 5—22.

⁴⁰ Подробнее см.: Максимов Д. «Новый путь». — В кн.: Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930, с. 139—143. Ср.: Кульбюс С. К вопросу о позиции «Нового пути» (1903—1904). — В кн.: Сборник студенческих научных работ. Краткие сообщения. Тарту, 1973, с. 29—30.

⁴¹ Письмо В. Г. Короленко от 12 февраля 1902 г. — В кн.: Литературный архив, т. 5. М.—Л., АН СССР, 1960, с. 68; Запись Л. Толстого от 2 декабря 1904 г. — В кн.: Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений, т. 55. М., ГИХЛ, 1937, с. 300.

⁴² Протоиерей С. А. Солертинский, активно участвовавший в дискуссиях.

⁴³ Перечитывая, усомнился и в этом. (Прим. А. Н. Бенуа).

⁴⁴ «Дневник писателя» — отдел Ф. М. Достоевского в журнале «Гражданин», печатавшийся также в виде самостоятельных выпусков; в нем Достоевский выступал с публицистическими размышлениями, литературно-критическими откликами, а также воспоминаниями и рассказами.

этом масса курьезного, почти занятого, и наши эстетические души радуются. Жалею, что не романист, материала гибель. Если Зинаида Николаевна <Гиппиус> не сумеет этим воспользоваться, то она просто бездарна.

Разумеется, есть кое-что и хорошего, но это хорошее никогда не выражается цельно, выпукло. Нет гения и слишком много ума. Немало также русского разгильдяйства мысли».

Свое отношение к проблематике собраний и религиозно-мистическому проповедничеству Мережковского Бенуа высказал также, хотя и в более мягкой форме, на страницах «Нового пути». В «Письме художника А. Б. к Д. С. Мережковскому» он назвал себя «сыном Запада», интуитивно и конкретно переживающим те жизненные ценности, которые Мережковский пытается обосновывать рассудочно и доктринерски.⁴⁵

Одновременно с открытием собраний возникла идея создать журнал, совмещающий литературный раздел с религиозно-философским и политическим, — журнал, который выявил бы суть нового направления. Название задуманного журнала — «Новый путь» — было предложено Перцовым, выдвинутым на пост редактора. Прошение об издании журнала было подано 21 января 1902 г.⁴⁶ Незадолго до этого (15 января) Перцов писал Брюсову: «Редакция состоит официально из меня (= редактор-издатель). Неофициально она трипостасна — я и двое Мережковских. *Если дело приобретет почву, я надеюсь на Ваше согласие (в начале того сезона) переехать сюда в качестве секретаря журнала <...> Далее (или, вернее, ранее) я уповаю еще на Вас, что Вы соблазните Леонида Андреева дать нам в первый выпуск хоть к<акой>-л<ибо> клочок (беллетристика — наше большое место!). Максима Горького мы решили единогласно отвергнуть, ради чистоты души <...> О Чехове мечтаем».⁴⁷*

«Трипостасность» редакции сохранялась до самого ухода Перцова из «Нового пути», хотя она не была оформлена юридически.⁴⁸ «Во главе дела стояли Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, а так как обстоятельства и выбор кружка сделали меня третьим (и внешне — «ответственным») соредактором, то и приходилось часто выдвигаться с первыми двумя на почве „злободневных“ редакционных вопросов»,⁴⁹ — вспоминал Перцов. Подготовка «Нового пути» и его издание стали основной темой писем к Перцову З. Н. Гиппиус, стоявшей в центре всех этих дел. В письмах 1902 г. отражены хлопоты о разрешении журнала, заботы о подготовке материала для первых номеров, деятельность по организации редакции и,

⁴⁵ Письмо А. Бенуа и «Ответ Д. С. Мережковского г. А. Б.» опубликованы в «Новом пути» (1903, № 2, с. 156—160). О спорах Бенуа с Мережковским и его кругом свидетельствует З. Н. Гиппиус в письме к Перцову от 8 марта 1902 г. (№ 1229): «Но Бенуа — черноморская медуза, амфибия проклятая, так и утекает из рук, боишься и сказать ему что-нибудь определеннее: „Ах, не давайте мне программы! Ах, я не знаю, как настроен! Ах, если бы меня обделили, а то я погас!“ Фу, просто какая-то соломка от Абрикосова, до рта не донесешь, в сахарную пыль сыплется. А вопрос этот — в каком отношении эстетика к религии — очень важный, на нем и сами мы, от неопределенной недодуманности, частенько срываемся. По крайней мере, я часто чувствую какую-то и у нас непоследовательность».

⁴⁶ См.: Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 776, оп. 8, д. 1542.

⁴⁷ ГБЛ, ф. 386, картон 98, № 8. Ни один из названных Перцовым писателей в «Новом пути» не участвовал. Дав предварительное согласие на секретарство, Брюсов писал о названии журнала 20 января 1902 г.: «„Новый Путь“ не очень правится — претенциозно, и двоесловие» (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, № 24). На это Перцов ответил ему 23 января: «Вы меня смутили неодобренным заглавием. Я пустился было в новые поиски, но Мережковские запротестовали весьма упорно, да и было поздно. Двоесловие меня не пугает (ведь все журналы таковы), но претенциозность...» (ГБЛ, ф. 386, картон 98, № 8).

⁴⁸ О причинах этого см.: Максимов Д. «Новый путь», с. 150—151. Там же (с. 151—153) опубликован отрывок из письма З. Н. Гиппиус к Перцову от 8 марта 1902 г., где утверждается «равное приближение» к делу, «равновесимость» членов «триумвирата» (№ 1229).

⁴⁹ Перцов П. Ранний Блок. М., «Костры», 1922, с. 7.

наконец, финансовые затруднения, оказавшиеся самым большим вопросом на протяжении всего издания.

Получить разрешение на журнал, в котором свободно обсуждались бы религиозные вопросы, непререкаемые с точки зрения православных ортодоксов, оказалось делом непростым. Кроме того, сыграло свою роль и возникшее недоразумение. Гиппиус писала 23 марта 1902 г. Перцову (находявшемуся в Казани) по этому поводу (№ 1231): «<...> из полиции Шаховскому⁵⁰ были доставлены между прочим сведения, что вы издавали и всячески распространяли книжки Льва Толстого!!! От этого и произошло „сумнение“. Хороша у нас полиция! Я так и застонала и стала головой ручаться, что это вздор. Впрочем, было уже поздно, Случевский⁵¹ дал Шаховскому мое письмо, и все более или менее обошлось, Ш<аховской> при Случевском велел заготовить доклад на субботу. Случевский велел вам передать, что „все шансы очень хороши“, задержка, если будет, то от министра, ибо кто его мол знает, но и того не предвидится».⁵² Вопрос был вновь направлен на пересмотр министру внутренних дел Д. С. Сипягину. Согласие было получено, но оформить разрешение не успели: Сипягин был убит. Начались новые хлопоты. Только в июне новый министр внутренних дел В. К. Плеве назначил Перцову аудиенцию, которая привела к положительному результату. 3 июля 1902 г. Перцов получил от Главного управления по делам печати разрешение «издавать в С.-Петербурге, с дозволения предварительной цензуры, под его редакторством, ежемесячный иллюстрированный журнал, под названием „Новый Путь“».⁵³ В этот же день Д. В. Философов ответил Перцову на его письмо «с приятной вестью»: «Сохраню его как исторический документ большой важности. Не буду распространяться в выражениях сочувствия, ведь Вы сами знаете, какое значение я придаю Вашему делу» (№ 1478). Перцов писал также Брюсову (6 июля 1902 г.): «И прежде всего приятнейшая новость: „Новый Путь“ разрешен — со всей программой (самой обширной из всех существующих). Итак победа — такая полная и решительная, к<акой> трудно было ожидать».⁵⁴

Перцов вошел в «Новый путь» как единомышленник Мережковских, давший деньги на издание журнала. Но он жил в основном в Казани, и это затрудняло ведение редакционных дел и вызывало необходимость интенсивной переписки с ним. Получив перцовский «дневник редактора», определявший позицию журнала,⁵⁵ Гиппиус писала 8 марта 1902 г. (№ 1229): «Со всеми вашими соображениями я в общем согласна. И даже сомнения у нас с вами одинаковые — относительно материала, например, хотя и денежная боль Д<митрия> С<ергееви>ча мне не чужда. Журнал, конечно, будет аристократический, — думаю только, что экзотизм ужасно полезет, и вот тут и есть опасность, мы можем незаметно перешагнуть

⁵⁰ Кн. Н. В. Шаховской — начальник Главного управления по делам печати.

⁵¹ Поэт К. К. Случевский, сочувствовавший «Новому пути», был главным редактором официальной газеты «Правительственный вестник» и состоял членом Совета министра внутренних дел.

⁵² По получении письма З. Н. Гиппиус Перцов писал Брюсову (28 марта 1902 г.): «Задержка с „Новым Путьем“ меня начинала уже смущать. Но что же оказывается? Милейший департамент полиции зачислил меня в толстовцы (меня — автора новоремской вылазки на «Воскресение» два года назад!). По сведениям одного учреждения, я „издавал и деятельно распространял Толстого!“» (ГБЛ, ф. 386, картон 98, № 8). Ср.: Брюсов В. Дневники 1891—1910. М., 1927, с. 121.

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, д. 1542, л. 14.

⁵⁴ ГБЛ, ф. 386, картон 98, № 8.

⁵⁵ В программной статье, открывающей первый номер, Перцов писал: «Мы стоим на почве нового религиозного миропонимания. Мы поняли, что осмеянный отцами „мистицизм“ есть единственный путь к твердому и светлому пониманию мира, жизни, себя <...> Мысль русской литературы уже не раз обращалась в эту сторону: Гоголь, Достоевский, Владимир Соловьев — вот наша родословная. Постепенное раскрытие и уяснение новой религиозной мысли в последовательности этих трех имен — вот основание наших надежд, залог нашего будущего» («Новый путь», 1903, № 1, с. 5—6).

тонкую линию, отделяющую нас от Сережи.⁵⁶ Это очень страшно, меня утешает только наш общий страх перед такой перспективой, сознание опасности. И не надо, по-моему, слишком откровенничать с аристократизмом, хотя бы перед Тернавцевыми, ведь они даже не понимают разницы между аристократизмом и экзотизмом, для них все это — ужас „барства“; и тотчас же просыпается самолюбие „бурсака“, уязвленного своим бурсачеством и потому кичащегося им. Это я каждый день наблюдаю. Так вот. Поменьше говорить об „аристократизме“ (неизбежном) журнала и побольше делать втихомолку, с кроткими и краткими объяснениями. Ибо, думаю, богословы нам все-таки очень и очень нужны, без них не перевернешься». Вместе с тем, противопоставляя намеченный облик «Нового пути» роскоши и эстетизму дягилевского «Мира искусства», Гиппиус писала 29 июля 1902 г. (№ 1237): «<...> нам „дворец с Тинтореттами“ прямо нежелателен был бы. Нам надо дозу демократичности. Это наш плюс. Устремите мысленный взор на Сережу, тогда будет понятно течение моих мыслей».

Нерешенной оставалась для редакторов проблема беллетристического отдела: Гиппиус опасалась уклона в «декадентство», считая его противоречащим программе журнала, интересных же «программных» произведений не было и невольно приходилось довольствоваться посредственными сочинениями, зачастую далекими от идейных исканий «Нового пути». Такая установка журнала вызывала резкое неприятие Брюсова, бывшего секретарем «Нового пути» до конца 1902 г.⁵⁷ Вопрос о художественной прозе довольно ярко отражен в письме Гиппиус к Перцову от 20 сентября 1902 г. (№ 1244): «Относительно беллетристики — почему это уж такой вопрос? Будем печатать, что будет. Без тенденции ежели — то можно сказать: какое отношение к нам? С тенденцией — ой, святости-то, святости-то! Слишком тенденциозно! Так что все равно выхода нет. Без беллетристики же, узаконенно без нее, — чем не программа Сережи? Нет, это надо оставить без внимания пока, сложится само собою со временем. Быть может, явится какая-нибудь новая форма, бель, но не летристика, или летристика, но не бель, — не знаю, но покажет сие лишь будущее <...>. Да для вылупления будущей новой формы, может быть, и нужна некоторая свобода исканий, без боязни и отвращения перед крайней, геометрической тенденциозностью. Вы забываете, что наш журнал не „Новое Достижение“, а лишь „Новый Путь“. Даже, может быть, лишь новые, чуть видные, колеи на старом пути. А посему да не смущается сердце ваше; побредем, как умеем, вперед с робкой надеждой, что когда-нибудь „себя, и друг друга, и живот наш одному предадим“».

Издание журнала было предпринято с минимумом необходимых для этого средств, и потому многие заинтересованные в нем сотрудники печат-

⁵⁶ Речь идет о Дягилеве Сергее Павловиче (1872—1929) — редакторе-издателе «Мира искусства».

⁵⁷ См.: Валерий Брюсов и «Новый путь». Публикация Д. Максимова. — В кн.: Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, с. 276—298. См. также письма Брюсова к Перцову 1903 г.: «Печать и революция», 1926, кн. 7, с. 40—41. Брюсов отказывался продолжать секретарскую работу, отчасти потому, что она требовала постоянного пребывания в Петербурге, что было для него невыполнимо. Перцов в связи с этим писал ему 2 января 1903 г.: «Лично для себя я не желал и не желаю никакого другого товарища по работе, чем Вы. Живи Вы здесь и будь Вы „надежнее“ — ничего не пужно бы желать. Но вот уж месяц, ккак! Вас нет. Когда Вы приедете — неизвестно. И главное, на сколько времени Вы приедете — неизвестно, или, пожалуй, известно, что не слишком надолго. Между тем секретарь *нужен* каждый день, каждый час, каждую минуту, и нужен до зареза, до невозможности вести дело правильно, до неловкости (что его нет) перед самим собой и другими» (ГБЛ, ф. 386, картон 98, № 10). Мережковский и Гиппиус относились к участию Брюсова в «Новом пути», вследствие его «декадентских» убеждений этого времени, с известной остороженностью. «Брюсовым не очень вы увлекайтесь, в нем есть какая-то пустышность, провалиться нельзя — а ногу завязать можно. Надежд особенно твердых на него не возлагайте», — писала Гиппиус Перцову 8 марта 1902 г. (№ 1229).

тались без гонорара. Так, К. Д. Бальмонт писал 12 декабря 1903 г. (№ 1212) по получении объяснительного письма Перцова о состоянии дел в журнале (написанного в связи с запросом Бальмонта о гонораре за свои стихи): «Вы слишком буквально поняли меня. Я вообще говорил о желании получать что-нибудь за свое сотрудничество; и не настаиваю на этом, раз Вы не можете платить. Не можете, так не можете. Я охотно и без денег буду присылать в „Новый Путь“ стихи и переводы. Не знаю, буду ли в состоянии присылать статьи, так как статьи отнимают у меня обыкновенно много времени, и с этим я должен считаться. Но стихи возникают без усилий. Итак, я возвращаю Вам стихи из Уольта Уитмана и посылаю, кроме того, три свои стихотворения. Я отнюдь не хочу порывать с „Новым Путем“ и очень рад сотрудничать в нем». Бесплатно предлагал напечатать свои стихи К. К. Случевский в письме от 3 ноября 1902 г. (№ 1460);⁵⁸ отказался от гонорара также В. Л. Кигн (Дедлов) (№ 1306).

Первый номер «Нового пути» вышел в конце 1902 г. Д. В. Философов, близко стоявший тогда к «Миру искусства», писал Перцову 23 декабря (№ 1480): «Получил сегодня „Новый Путь“. Поздравляю Вас и благодарю. Откровенное мнение скажу при свидании, а менее откровенное — пытаюсь изложить письменно, для „Мира Искусства“». Думаю написать статью о принципиальном значении журнала, а затем думаю вообще с Вами переключаться. Весело, незлобно, но и не давая спуску».⁵⁹

Издание «Нового пути» осуществлялось с большим трудом. Журнал был подчинен двойной цензуре — светской и духовной; резкой критике он подвергался в либерально-позитивистской и радикальной печати, с одной стороны, и в ортодоксально-церковной и правительственно-реакционной печати, — с другой. В ответ на сомнение Перцова — целесообразно ли продолжать издание журнала — Гиппиус писала 14 апреля 1903 г. (№ 1249): «<...> если вы твердо убеждены, что в <19>04 году журнала не надо, то не лучше ли, чтобы его теперь запретили? Нет ничего легче. И по крайней мере смерть с иллюзией чести. Я же думаю, что надо во что бы то ни стало сохранить журнал, тогда все будет, что нужно, и Собранья (если нужны), и Отчеты,⁶⁰ и т. д. Исчезнет журнал — все замрет на долгое время, и каждый вернется к „своим задачам“ (своим *прежде всего*). Невероятная шумиха, которую поднял журнал, и наши „общие“ задачи дают громадные надежды. Митрополит сказал: „да вы не знаете, не представляете себе, что еще делается в правительстве и высших сферах“». 20 апреля 1903 г. Гиппиус вновь пишет (№ 1252): «Наше желание было: *сохранить* журнал. Ваше желание: *прекращение* его».

В результате нападков реакционной и церковной печати Религиозно-философские собрания были запрещены 5 апреля 1903 г. Непосредственная угроза нависла и над журналом. В письме от 12 апреля Гиппиус сообщила Перцову (№ 1251): «Дела очень скверны <...> Запретят все. Д. С. <Мережковский> в состоянии даже не соляного, а чугунного столба,⁶¹ ни о чем слышать не хочет. Устал, и в тихой ярости. Желает уехать немедленно „куда глаза глядят“. Я делаю все почти машинально, очень это все сразу, и очень погано действительно». Несколькими днями спустя (20 апреля) Гиппиус извещала Перцова о подробностях кампании против «Нового пути», завершившейся запрещением Религиозно-философских собраний (№ 1252). Наряду с несколькими ортодоксально-церковными выступлениями против общего направления журнала раздался, как пишет Гиппиус, «одновременно гул ужаса», от того, что «новопутьцы»

⁵⁸ В «Новом пути» (1903, № 1) были опубликованы стихотворения К. К. Случевского «Быть ли песне?» и «Песня гидальго».

⁵⁹ Философов Д. «Новый путь». — «Хроника журнала „Мир искусства“», 1903, № 2, с. 18—19; № 3, с. 25—26.

⁶⁰ Речь идет о «Записках Религиозно-философских собраний в С.-Петербурге», печатавшихся в «Новом пути».

⁶¹ Соляной столп — ветхозаветный образ (Бытие, XIX, 26).

«„опозорили“ о. Иоанна Кронштадтского», злостно напечатав его письмо без замечаний».⁶² Об «антицерковном журнале», по слухам, донесли Николаю II, выразившему свое возмущение «Новым путем»; дело направили к Победоносцеву, после чего было вынесено решение о прекращении Религиозно-философских собраний. «Новый путь» не вызывал сочувствия и в радикальных кругах, отрицательно воспринимавших религиозную и общественную позицию журнала. В своем письме Гиппиус выражала особое возмущение позицией «либералов»: «<...> наши реверансы либералам утомительны и бесцельны. Наше „запрещение“ (журнала), т. е. слухи, они принимают с равнодушной радостью». Подробно обрисовав положение дел «Нового пути», Гиппиус заключала: «Не забывайте, что все это идет под непрерывающуюся шумиху прессы. Что делается в духовных журналах — трудно себе представить <...> Каждый день новые недоразумения и обвинения. Каждую минуту воздух тяжелее. Объясниться и в главном, в том, что мы не сатаны, а христиане, и монархисты, а не революционеры (на две разных стороны, на два разных взгляда), — и то нельзя, а где уж тонкости! Что ж, вам нравится погнубить молча, с ярлыками: 1) сатанисты, 2) просвирни, 3) крепостники, 4) потрясатели основ, 5) идолопоклонники (sic), 6) мракобесы и 7) развратники-декаденты во всяком случае? Эти двойные ярлыки облепят крепко, тяжело. Далеко не уйдешь, ничего не сделаешь между двух жерновов. Благо нам, что нас так гонят и поносят, однако нельзя же любить исключительно себя; хочется любить и правду, и спасти ее от перемолки. Мы не все для ее выяснения сделали, что могли».⁶³

Описанная Гиппиус травля «Нового пути» со временем утихла, но дела журнала не улучшились: подписчиков было мало, намечались и разногласия внутри редакции. В июле 1903 г. возник проект объединения двух журналов — «Нового пути» и «Мира искусства» — на принципиально новой основе. Инициатива принадлежала С. П. Дягилеву, который задумал издание «эстетико-литературного» журнала с рядом разделов, обладающих известной самостоятельностью. Этот эпизод безусловно интересен не только для истории «Нового пути», но и для выяснения отношения Чехова, которому Дягилев предложил стать во главе беллетристического отдела задуманного журнала, к новым литературно-эстетическим исканиям. Переписка Дягилева с Чеховым сохранилась не полностью. В связи с проектом создания нового журнала Дягилев отправил Чехову три письма,⁶⁴ из ответов же Чехова известен только один. Письма эти свидетельствуют, что Чехов отказался от сделанного ему предложения, в связи с тем что он не мог жить в Петербурге, где должен был издаваться журнал; к тому же он считал, что хорошо поставленный журнал должен редактироваться «только одним человеком». Неприемлемым было для Чехова и сотрудничество с Мережковским, как редактором критического отдела: «<...> как бы это я ужился под одной крышей с Д. С. Мережковским, который верует определенно, верует учительски, в то время как я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего. Я уважаю Д. С. и ценю его и как человека и как литературного деятеля, но ведь воз-то мы если и повезем, то в разные стороны».⁶⁵

⁶² См.: Отзыв о. Иоанна Кронштадтского о «Новом пути». — «Новый путь», 1903, № 3, с. 253. Перепечатка отзыва («это сатана открывает эти новые пути» и т. п.) была воспринята как издевательство над знаменитым проповедником. Первоначально отзыв появился в «Миссионерском обозрении» (1903, № 5).

⁶³ В этом же письме от 20 апреля 1903 г. Гиппиус сообщает Перцову о молодых «новопутейцах» — Евгении Германовиче Лундберге, Леониде Дмитриевиче Семенове (и его драме «Около тайны») и Александре Алексеевиче Кондратьеве, на которых она и Мережковский возлагали большие надежды.

⁶⁴ Из архива А. П. Чехова. Публикации. М., 1960, с. 212—215.

⁶⁵ Письмо к С. П. Дягилеву от 12 июля 1903 г., см.: Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем, т. 20. М., Гослитиздат, 1954, с. 149.

Письма, хранящиеся в архиве Перцова, позволяют более подробно осветить ход переговоров Чехова и Дягилева. Судя по ним, Чехов хотел содействовать появлению журнала, объединяющего талантливых молодых представителей искусства, но не носящего групповой характер. В письме от 12 июля 1903 г. (№ 1258) Гиппиус сообщает Перцову о беседе с Дягилевым, обнаруживая при этом стремление сохранить общественную позицию «Нового пути», в частности его направленность против демократического крыла в литературе.

«Десятого же вечером, в 6 часов, пришли к нам „мальчики“⁶⁶ и заговорили, — пишет З. Н. Гиппиус. — <...> Вот в чем дело и что заговорил Дягилев: У меня было 40° жару, я мирно лежал на кушетке, вдруг письмо от Чехова: пишет, что до него дошли слухи, будто „М<ир> Искусства“ прекращается, и упрасивает ни за что этого не делать. Что „М<ир> Искусства“ — это прелестная 20-летняя девушка, которую хотят убить за то, что она когда-нибудь состарится.⁶⁷ Письмо было такое, что мы вскоре же к Чехову и поехали. Произошел между нами разговор, и приблизительно вот наш план: мы уничтожим „Мир Искусства“, а вы уничтожите „Новый Путь“, и мы будем издавать один грандиозный журнал, я (Дягилев) буду главным редактором, а затем еще пять отделов и пять вице-редакторов, Дима⁶⁸ — театральный отдел, Чехов — беллетристический, Д. С. — критический. И т. д. Все редактора будут на жалованьи и опять „и т. д.“. Отдела „религиозно-философского“ не будет, но, конечно, Д. С. волен у себя что хочет печатать. Политики тоже не будут. Конечно, „талантливая“ политическая статья всегда может быть напечатана. Затем Чехов сказал нам, что один не пойдет, а только с Горьким, со всеми Горчатами и Чехятами, все московские „среды“.⁶⁹ Сюда же и Скорпионы...⁷⁰ Нам нужна громадная аудитория, и таким образом мы ее завоем; „М<ир> Искусства“ и „Новый Путь“, — они ведь только в своих углах, для немногих, говорили... Этот журнал будет для подписчиков, настоящий конкурент для Миров Божиих и т. д. Будет „Мюр и Мерилиз“,⁷¹ по выражению Серова.⁷² Чехов уже согласился, чтобы Д. С. был редактором критического отдела. Но, конечно, все это, и само возникновение Мюра и Мерилиза, может осуществиться только если вы закрыете „Новый Путь“. Одновременно они существовать не будут. Что касается „Мира Искусства“, то мы вам признаемся, что во всяком случае, раньше этого плана, решили его закрыть. И если не состоится „Мюр и Мерилиз“ — то мы с Димой уедем на два года за границу. Это даже очень весело и приятно! Мы отнюдь не „горим“ желанием этого нового журнала. Но мы действуем по рассудку. Нужна громадная аудитория для каждого писателя, пускай свободно высказывается. Чехов также уже согласился, что роман Д. С.⁷³ будет печататься. Но уже из-за одного этого ясно, что прежде всего закрытие „Нового Пути“ необходимо. Деньги

⁶⁶ Т. е. С. П. Дягилев и Д. В. Философов — двоюродные братья.

⁶⁷ Указанное письмо к Дягилеву в «Полном собрании сочинений и писем» А. П. Чехова отсутствует. В письме же к О. Л. Книппер от 1—2 февраля 1903 г. Чехов отмечал: «„Мир искусства“, где пишут новые люди, производят <...> совсем наивное впечатление, точно сердитые гимназисты пишут» (Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем, т. 20, с. 34).

⁶⁸ Т. е. Дмитрий Владимирович Философов.

⁶⁹ «Среда» — литературный кружок (1899—1918), собиравшийся вначале в доме писателя Н. Д. Телешова в Москве и объединявший писателей демократического лагеря (М. Горький, Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, В. В. Вересаев, А. И. Куприн, Скиталец и др.).

⁷⁰ Московское символистское издательство «Скорпион» во главе с Брюсовым.

⁷¹ Универсальная торговая фирма.

⁷² Имеется в виду художник В. А. Серов.

⁷³ Роман «Петр и Алексей. (Антихрист)», над которым работал тогда Мережковский, был опубликован в «Новом пути» в 1904 г.

найти трудно, — но не так невозможно, как для „Нового Пути“. На „Новый Путь“ вам никто не даст. А для „Мира Искусства“ и для нашего предприятия деньги уже почти найдены — 80 тысяч в год. Трудно и разрешение. . .

Д. С. на мгновение прерывает: „А почему бы вам попросту не расширить «Мир Искусства»...?“

„Нет, нет, ни за что! Ведь «Мир Искусства» — это уже нечто старое, это уж не послед.“. Прерывает сам себя и продолжает — все то же.

Д. С. говорит: ну, а как же с моей статьей „Грядущий Хам“? ⁷⁴ Ведь вы ее тогда и не примете, пожалуй?

„Пожалуй, и не приму. Т. е. вы сами тут будете принимать и не принимать. . . Но, конечно, вряд ли вы ее примете. . . Компромиссы нужны, я ничего не говорю. . .“ и т. д.

Я выражаю сомнение, что „Мюр и Мерилиз“ будет конкурентом для Миров Божиих, ибо последние — общественны, т. е. не индифферентны. Индифферентный журнал в данное время может иметь лишь рыночный успех, вольфовский. ⁷⁵ Философов вяло и пугливо склоняется к моему мнению, что, впрочем, ничего не меняет. Я прошу формулировать „идею“ журнала, его внутренний смысл. Ничего, кроме „аудитории“ и т. д., не получаю. Д. С. ищет — и находит, что это может быть „Куликовское поле для борьбы с хамством“, ⁷⁶ предрекая, что „горчата“ скоро уйдут и увлекут Чехова, который хотя и не хам, но в их власти, а Д. С. очень недолюбливает. Я еще раз спрашиваю, почему бы Мюру не существовать при „Новом Пути“, т. е. одновременно? Дягилев вне себя от этого предположения. Взаимный вред. Роман Д. С. Участие Д. С. (условие *sine qua non* ⁷⁷ существования «Мюра»). — Я указываю на Минского, который великолепно бы подходил для Мюра. Напрасно. Не хотят никого. Конечно, я и сама понимаю, что это напрасно. Так спрашивала, для выяснения себе.

На все это Д. С. ответил следующее (на другой день, у Философова, при Бенуа и Нувеле ⁷⁸ и т. д.).

„Если вы хотите, чтобы я вам тотчас же дал решительный ответ, — то я вам его не дам. Положение «Нового Пути» трудное, нет ни редактора, ни помощников, ни денег. Но до последней минуты я буду надеяться на возможность продолжать «Новый Путь» и употреблять к тому все усилия. Этого я не могу не делать, хотя бы рисковал остаться потом безо всего. Если бы вся ваша энергия, вся ваша деятельность, Сергей Павлович, зависела от того, чтобы я сейчас сказал, что закрою «Нов-

⁷⁴ Статья Мережковского «Грядущий Хам» впервые была опубликована в журнале «Полярная звезда» (1905, № 3).

⁷⁵ Издательское товарищество М. О. Вольф, выпускавшее в основном рассчитанные на коммерческий успех собрания сочинений различных авторов (в том числе Писемского, Мельникова-Печерского, Лажечникова, Загоскина и др.) и не придерживавшееся общественного «направления».

⁷⁶ Под хамством Мережковский понимал стихию мещанства, безличности, серединности и пошлости, стоящую на пути общественного и религиозного обновления. «У этого Хама в России — три лица», — утверждал Мережковский в статье «Грядущий Хам». Первое — «лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины», второе — «лицо православия, воздающего кесарю Божие», третье — «лицо хамства, идущего снизу — хулиганства, босячества, черной сотни» (Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений, т. XIV. М., 1914 («Библиотека Русского слова»), с. 37). К «босячеству» писатель причислял и просыпающиеся социальные пизды. В литературном аспекте борьба с «хамством» означала борьбу с М. Горьким (выразителем «босячества») и писателями его круга, т. е. по существу с демократическими силами русской литературы.

⁷⁷ «Без чего нет» (*лат.*), т. е. совершенно необходимое, неперемное условие.

⁷⁸ Нувель Вальтер Федорович (1871—1949) — один из участников «Мира искусства».

вый» П<уть>», — я вам этого бы не сказал. Советую вам, конечно, стараться основывать этот новый журнал, — но предупреждаю, во избежание всяких недоразумений, что если будет малейшая возможность — я сохраню «Н<овый> П<уть>» и буду там печатать роман. Но, конечно, если «Н<овый> П<уть>» *все-таки* разрушится, я с радостью пойду к вам в редактора и буду, по возможности, «бороться с хамством» и там (получая жалованье)“.

Опускаю все его „мягкости“ до и после этой речи, которая точна. Я говорила мало и без „мягкостей“, так как ч<то> Дягилевы решили даже, что я более стою за „Н<овый> П<уть>“, нежели Д. С., а я вовсе не более, да, я думаю, тут можно стоять только на одной единственной точке зрения — и благоразумия, и презрения. Мы все слабы и ленивы, это простиительно. Непростительно лишь не сознавать, *что* именно делаешь и почему.

Мюр и Мерилизовское „единение“ имеет свои соблазнительные стороны; особенно для таких, усталых от разочарования во внутреннем единении людей, как мы с Д. С. Что касается вас, — то, может быть, такое, М<юр> и Мер<илизовское>, „единение“ вам даже больше по характеру. Может быть, с вами мы оттого и не нашли единения, что мы и вы искали различного, вы — первого, мы — второго. А в Мюре и все „соединимся“... под отеческой энергией Дягилева.

Впрочем, — я ничего (о вас) не формулирую. Мне главным образом и печально, что я не могу никак уловить и формулировать причину вашего от нас „отъединения“.

Судя по письму к Брюсову от 19 июля 1903 г., проект Дягилева понравился Перцову: «В перспективах „Нового Пути“ появилось нечто новое (или точнее: за этими перспективами). Но это так миражно. А могло бы выйти хорошо... По крайней мере, я так думаю, Мережковские — наоборот».⁷⁹ Эта увлеченность дягилевским проектом вызвала следующее замечание Гиппиус в недатированном письме к Перцову (№ 1259): «Удивляюсь, что вы так ясно убедились во вселенской будущности эклектизма вообще, дяг<илев>ского журнала в частности и в отсутствии этого будущего у журнала, который вы редактировали едва три месяца из восьми». В интересе Перцова к проекту Дягилева безусловно сказалась известная беспринципность, свидетельствовавшая об охлаждении Перцова к журналу и его программе. Секретарь «Нового пути» Е. А. Егоров справедливо писал Перцову 23 июля 1903 г. (№ 1291): «Журнал с Чеховым, Горьким, Мережковским, Розановым имел бы самый несомненный успех. Почему Вы полагаете, что я против такого изобретения? Напротив! Но меня удивляет, как это *Вы* радуетесь такой комбинации. Ваш (как Вы ни чурайтесь, а «Н<овый> П<уть>» пока Ваш) „Новый Путь“ в запасе имеет борьбу с Горьким, а Вы же вдруг радуетесь такой комбинации, которая эту борьбу делает невозможной».⁸⁰

Как показывают письма Гиппиус и Егорова, в редакции «Нового пути» наметился внутренний разлад. Разговоры о вероятном уходе Перцова из журнала, а также о возможности прекращения издания велись на протяжении всего 1903 года. 19 июля Перцов писал Брюсову: «Мой уход мной решен, и Мережковские уже знают», а 30 июля он подробно

⁷⁹ ГБЛ, ф. 386, картон 98, № 11.

⁸⁰ Е. А. Егоров имеет в виду выступления в «Новом пути» в связи с пьесой «На дне», см.: Меньшов А. (Соловьева П. С.). Ложь. — «Новый путь», 1903, № 5, с. 179—181; Философов Д. О «лжи» Горького. — Там же, № 6, с. 212—217; Меньшов А. (Соловьева П. С.). Еще несколько слов о «лжи» Горького. — Там же, № 7, с. 245—247. В 1904 г. журнал развернул настоящий поход против М. Горького и «босаячества», см.: Философов Д. Новый журнал «Весы», издание «Скорпиона». — «Новый путь» 1904, № 1, с. 248; Крайний Антон (Гиппиус З. Н.). I. Выбор мешка. II. Углекислота. — Там же, с. 254—261; Чулков Г. «Рецензия на «Сборник т-ва „Знание“, кн. 1». — Там же, № 6, с. 217—220; Крайний Антон (Гиппиус З. Н.). Летние размышления. — Там же, № 7, с. 248—253; Философов Д. Завтрашнее мещанство. — Там же, № 11, с. 321—322, и др.

сообщал ему же о положении дел в журнале: «И Вы еще удивляетесь моему уходу. Но, батенька, ведь надоедает эта вечная война-возня в каждом №, из-за 1/2 статей. А главное: очень уж душливый воздух в этом „свежем“ журнале: ничего широкого в горизонтах не предвидится, вечное опасение, „какое произведет впечатление“, и преследование каких-то „наших“, специальных задач и целей. Не знаю, как Вам, а мне „Новый Путь“ с отчетами и религиозно-философской хроникой на первом плане (а ведь так оно выходит) — довольно скучен. Разве есть надежда превратить его в действительно крупный *литературный* орган нового направления? Зачем он „нам“, когда мы уповаем главнейшим образом на некий „раскол в православии“, конечно нами и от нас порожденный? <...> Вы говорите о моей диктатуре. Конечно, это сделал бы „Новый Путь“ — „Новым Путем“. Но это невозможно. Не говоря уже о том, что это было бы нарушением основного догмата о трипостасной редакции, — я должен был бы похоронить себя под фундаментом здания, чтобы оно стало прочно. А этого я и не могу, и не хочу».⁸¹ Напряженными были и отношения Мережковских с секретарем журнала Е. А. Егоровым.⁸² Многочисленные письма Егорова к Перцову, посвященные в основном каждодневным заботам по журналу, выявляют создавшуюся напряженность, взаимные обиды и недостаточно четкую позицию Перцова по отношению к «Новому пути». «Всякая неопределенность мне непереносима, — писал Егоров Перцову 24 июля 1903 г. (№ 1293). — А Вы держите меня все время в состоянии полной неопределенности. Не то Вы редактор, не то посторонний человек. И Мережковские для Вас не то редакторы, не то просто блажные люди. Вам, при Ваших отношениях, все это мило и приятно, как рождественная игра. Но я вне круга игры и хочу иметь дело только с журналом, а не с блажью. Для этого мне нужно знать, чего собственно Вы ждете от меня. Фактически я состою в роли заведывающего технической стороной издания, хотя никто меня на такую роль не приглашал. Из этой неопределенности моего положения вытекают неприятные неожиданности и для Вас и для Мережковских».

Несмотря на все разногласия, решено было все же продолжать издание «Нового пути». Перцов выступил в печати с заявлением, что журнал «будет продолжаться изданием в 1904 году на прежних основаниях».⁸³ Но в феврале 1904 г. Перцов пришел к окончательному решению оставить «Новый путь». Он понимал, что догматизм идеологической платформы журнала, слабость его беллетристического отдела не могут принести успеха; невыносимыми для него были и нескончаемые редакторские и организационные конфликты, и постоянные финансовые трудности. Заменить Перцова должен был Д. В. Философов, к этому времени тесно сблизившийся с Мережковскими.⁸⁴ Предполагалось сначала утвердить его в качестве соредактора Перцова, а затем сделать редактором.⁸⁵ Гиппиус

⁸¹ ГБЛ, ф. 386, картон 98, № 11. Ср. суждения З. Н. Гиппиус в письме к Брюсову от 7 мая 1903 г.: «Петр Петрович» устал, работая по журналу <...> и вот второй месяц „скучает“ и отдыхает в Казани, развлекаясь бросанием камней на новый путь и мне под ноги. Я же эти два месяца работала *одна*, в самых тяжелых условиях, внешних и внутренних» (ГБЛ, ф. 386, картон 82, № 36).

⁸² К письмам Егорова Перцов приложил записку: «Егоров Ефим Александрович; радикальный народник по убеждениям, поклонник Н. К. Михайловского, когда-то адвокат, немного писавший; с основанием Религиозно-философских собраний в СПб. — их секретарь, до их закрытия; был также секретарем „Нового Пути“ — с января 1903 г. по апрель 1904 (после Брюсова и до Чулкова); затем сотрудник „Нового Времени“ по отделу иностранной политики, достигший очень влиятельного положения (в последние годы заведывал отделом); с октября 1917 г. — эмигрант и сотрудник белой прессы» (№ 1277).

⁸³ Перцов П. Письмо в редакцию. — «Биржевые ведомости», 1903, № 577.

⁸⁴ См.: Злобин В. Тяжелая душа. Вашингтон, 1970, с. 47—60.

⁸⁵ В июньской книжке редакторами-издателями «Нового пути» названы Перцов и Философов, в июльском и августовском номерах редактором значится один Философов, а издателями — Философов и Перцов. В дальнейшем подпись Перцова исчезла.

поставила вопрос и о замене секретаря журнала. Ею был назван молодой символист Георгий Чулков,⁸⁶ который и принял в апреле 1904 г. секретарские полномочия от Егорова. «Когда вместо Вас будет Ф<илософ>в, а вместо меня Г. Чулков, то жалоб со стороны М<ережковски>х не будет, и все дело пойдет гладко» (№ 1300), — писал Егоров Перцову.

Во второй половине 1904 г. в целях укрепления «Нового пути» Мережковские пошли на союз с так называемыми «идеалистами» — философами и экономистами, тогда еще далекими от задач религиозного «строительства», выдвинутых журналом (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др.). Союз с ними был расценен многими в символистской среде как поражение идеологии «Нового пути».⁸⁷ Об этом объединении Перцова известили 11 сентября 1904 г. (№ 1481) Д. В. Философов: «<...> только на этих днях выяснилась судьба „Нов<ого> Пути“. Поставлена она была в зависимость главным образом от того обстоятельства, примкнут ли к нам идеалисты или нет. Велись долгие переговоры с Булгаковым. Г. И. Чулков ездил к нему в Крым, затем я был у него в Москве, и наконец в четверг он приезжал сюда, для свидания с Мережковскими. Дело, по-видимому, устроится, и мы будем выходить при „обновленном составе редакции“. Конечно, камень преткновения — деньги». В письме от 20 октября 1904 г. (№ 1482) он подробнее аргументировал решение редакции: «Я ни минуты не забывал, что Вы и Тернавцев внесли пять тысяч на „Нов<ый> Путь“, и с самого начала наших переговоров с идеалистами я поднял этот вопрос. К сожалению, точно выяснить его я до сих пор не мог, так как Булгаков приехал только вчера, а Бердяева и до сих пор нет, без них же он решен быть не может. Но как бы он ни был решен, мне кажется, с *идейной* стороны дела он не может иметь ничего общего. Предположим, что журнал не претерпел бы никакой „эволюции“. Что бы тогда было? А вот что. Издав октябрьскую книжку, мы бы остались совершенно на бобах <...> Пришлось бы или позорно остаться в долгу перед подписчиками, или приплатить нам с Вами пополам по крайней мере 2000 для ликвидации <...> И я лично думаю, зная Вас, что, конечно, денежная сторона Вас вовсе здесь не так уж интересует, как сторона идейная. Вас огорчает, что журнал стал „либеральным“, как Вы говорите, и Вас удивляет то легкомыслие, с которым мы произвели „эволюцию“. Поверьте, дорогой Петр Петрович, эта эволюция была произведена вовсе не с бухты-барухты, а после зрелого размышления. Память и у меня и у идеалистов не настолько коротка, чтобы мы забыли мою статью о них,⁸⁸ и, кроме того, мы вовсе не настолько богаты, чтобы их подкупить гонораром. В то время когда *Вы* им предлагали союз, „Нов<ый> Путь“ был гораздо богаче. Следовательно, дело не в легкомыслии и не в деньгах, а в чем-то другом, и мне думается, что если бы Вы были здесь, если бы Вы несколько больше вникли в серьезность переживаемого Россией момента, — Вы отнеслись бы к этому факту доброжелательнее и серьезнее <...> Кстати, сделаю маленькую поправку к Вашему замечанию о том, что журнал будет „либеральным“. Либеральным-то он именно и не будет, как Вы это ясно увидите из ста-

⁸⁶ О сближении Чулкова с Мережковскими см.: Чулков Г. Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., «Федерация», 1930, с. 51—64.

⁸⁷ В частности, Андрей Белый опубликовал в символистском журнале «Весы» заметку «„Идеалисты“ и „Новый Путь“», в которой писал: «Декадентскому ли органу пристало напоминать о религиозных задачах писателям, так смело выкинувшим стяг религиозного обновления! Дай бог, если лет через 10 „обновленный состав сотрудников“ „Нового пути“ придет к сознанию необходимости точки зрения, на которой стояла недавняя редакция» («Весы», 1904, № 11, с. 67).

⁸⁸ Философов Д. Проповедь идеализма. (Сборник «Проблемы идеализма». М., 1903). — «Новый путь», 1903, № 10, с. 177—184. В этой статье Философов утверждал, что «вся беда и вся ненужность нового идеализма <...> именно в том и состоит, что в нем нет ничего подлинно мистического, подлинно религиозного <...> нет действительного религиозного начала, двигающего горами» (с. 179—180).

тей Бердяева и Булгакова в октябрьской книжке, хотя должен сказать, что и в либерализме в данный момент ничего худого нет. Вы его огульно отрицаете, но не знаю, правы ли Вы. Несмотря на Ваш консерватизм, „Новый Путь“ все-таки остался без религиозно-философских собраний, и жизненный, самый реальный опыт, вынесенный нами из этих собраний, более чем что-либо убедил нас, что без „либерализма“ далеко не уедешь. Вы боитесь, что идеалисты нас съедят. Но если мы так слабы, что нас можно с легкостью проглотить, то в нас нет никакой цены, и тогда о чем же грустить? Думаю, что съесть нас не так-то легко. Во всяком случае, идя навстречу соединению, мы вовсе не думали идти к ним в полное подчинение, а тем более делать их материальными хозяевами журнала».

В союзе с «идеалистами» было издано только три последних номера «Нового пути» за 1904 г., после чего Мережковские в связи с инцидентом между ними и Чулковым (поддержанным «идеалистами») потребовали закрытия журнала.⁸⁹ Вместо него в 1905 г. стал выходить журнал «Вопросы жизни», продолживший идеологическую линию последних номеров «Нового пути». События революции 1905 г. породили у Мережковских, с одной стороны, резкое неприятие царизма и всех проявлений авторитарно-бюрократического режима, с другой — страх перед пробуждением социальных низов и усиленное стремление найти выход из современного положения «большой России» в сфере религиозно-мистических исканий. Не приняв Октябрьскую революцию, Мережковский и Гиппиус, как известно, закономерно оказались в самом непримиримом крыле эмиграции.

Ко времени издания «Нового пути» относятся также письма к Перцову Николая Максимовича Минского (№№ 1377—1382). Любопытно послание от 25 октября 1904 г. (№ 1381), в котором Минский дает высокую оценку «Первому сборнику» Перцова: «Спасибо за присылку Вашей книги. Я прочел ее всю и недоумеваю, почему Вы, обладая таким крупным талантом, так мало пишете. Статья Ваша о Соловьеве кажется мне образцовой».

Вопросы, связанные с изданием «Нового пути», затронуты в письмах Михаила Александровича Новоселова, толстовца, ставшего в 90-е годы убежденным православным (№№ 1405—1412). Часть его писем (октябрь 1902 г.) связана с публикацией в журнале писем Л. Толстого к нему.⁹⁰

Высказывания о программе и практической деятельности «Нового пути» содержат многочисленные письма (№№ 1431—1452) журналиста Ивана Федоровича Романова (псевдоним — «Рцы»), публициста консервативного направления, сотрудника «Мира искусства» и «Нового пути».

Разрыв с «Новым путем» привел к размежеванию Перцова с Мережковскими. После ухода из журнала он начинает более активно выступать как публицист, литературный и художественный критик. Сотрудничал Перцов в основном в газетах «Новое время», «Голос Москвы» и «Слово» (где он был редактором понедельничных литературных приложений).⁹¹

После Октябрьской революции Перцов выпустил ряд музейных путеводителей;⁹² он работал также над «Историей русской живописи», оставшейся неопубликованной. В архиве Д. Е. Максимова сохранилось начало философской работы Перцова 1920—1930 гг., в которой он делал попытку «установления общей морфологической закономерности мировых явлений, равно „духовных“ и „материальных“». В этом же архиве хранятся «Литературные афоризмы» Перцова, содержащие его суждения о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Тургеневе, Достоевском, Л. Толстом и В. Ро-

⁸⁹ См.: Максимов Д. «Новый путь», с. 161—162.

⁹⁰ «Новый путь», 1903, № 1, с. 150—153.

⁹¹ Библиография статей за 1908—1917 гг., составленная самим Перцовым, хранится в архиве Д. Е. Максимова (ГПБ, ф. 1136).

⁹² Перцов П. 1) Третьяковская галерея. М., 1922; 2) Подмосковные экскурсии. М.—Л., 1924; 3) Художественные музеи Москвы. М.—Л., 1925, и др.

занове. Интересны воспоминания Перцова о встречах с А. Блоком, включившие публикацию писем Блока из архива мемуариста.⁹³ В 1933 г. вышли «Литературные воспоминания» Перцова — ценный источник для изучения литературного процесса 1890-х годов.

Ходатайствуя о принятии Перцова в члены Союза советских писателей, М. В. Нестеров писал В. Г. Лидину (в августе 1942 г.): «П. П. Перцов <...> — автор превосходных работ по искусству, как-то: „Венеция“ (два издания), „Третьяковская галерея“, „Музей западной живописи“, а также живых по художественному изложению „Литературных воспоминаний“. Он как критик работает с мастерством большого художника. Его как поэта ценил покойный Фет».⁹⁴

⁹³ Перцов П. Ранний Блок. М., «Костры», 1922.

⁹⁴ Нестеров М. В. Из писем, с. 366. См. также мемуарный очерк И. Л. Андроникова «Рекомендация Перцову Петру Петровичу» в кн.: Андроников Ираклий. Избранные произведения в двух томах, т. 2. М., «Художественная литература», 1975, с. 327—332.

Л. С. Гейро

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ РОМАНА И. А. ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ»

(К ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗОВ ВЕРЫ И МАРКА ВОЛОХОВА)

В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР хранится черновая рукопись II—V частей романа И. А. Гончарова «Обрыв».¹

История создания этого романа; задуманного писателем еще в 1849 г. и завершеного только в 1869 г., рассматривается в ряде специальных исследований и во всех трудах, посвященных изучению творчества Гончарова в целом. Установлены основные этапы работы Гончарова над романом и мотивы многочисленных и разнообразных исправлений, внесенных автором в черновую рукопись «Обрыва». Главное внимание уделяется при этом эволюции образов Веры и Марка Волохова. Основные варианты чернового текста, связанные с этой эволюцией, в настоящее время опубликованы. Однако некоторые фрагменты рукописи, определяющие становление и развитие характеров и мировоззрения Марка Волохова и Веры в процессе работы Гончарова над созданием романа, до сих пор не привлекали внимания исследователей.

Задача данной публикации — ввести в научный оборот материалы черновой рукописи «Обрыва», связанные с историей взаимоотношений Марка и Веры, уточнить их характеристику и время создания тех глав романа, которые являются принципиально важными для оценки этих героев.

Большая часть этих материалов была отброшена или переработана Гончаровым осенью 1868—зимой 1869 г. при подготовке «Обрыва» к печати.

О том, в каком состоянии находился писатель, возвращаясь весной 1868 г. к работе над романом, свидетельствует сохранившийся отрывок из его письма к С. А. Никитенко: «<...> передо мной открывается такая прекрасная, поэтическая даль, что я буквально, как одурелый, хожу по комнате и едва сдерживаю крики от раздражения нерв, а слез сдерживать не могу: глаза заплывают ими. Что же это такое? — спросите Вы.

¹ ИРЛИ, ф. 163 (архив Е. А. Лядского), оп. 1, № 84 и фонд А. В. Никитенко, 19521.СХХХб.4. В рукописи отсутствуют 24-я и 25-я главы V части. В ИРЛИ хранятся также 17-я и 18-я главы I части и отрывок из 16-й главы II части — копия с правкой Гончарова (ф. 163, оп. 1, № 95). Хронологические рамки рукописи: 1858—1869 гг. Подробное описание дано в кн.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. И. А. Гончаров. Ф. М. Достоевский. М.—Л., Изд. АН СССР, 1959, с. 8—9. Главы I части романа (1—6, 12—16) хранятся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), архив И. А. Гончарова, ф. 209, № 7. Большею частью они переписаны племянником Гончарова В. М. Кирмаловым в 1858 г. В ГПБ же находится неполный авторский оттиск (с. 409—438) журнала «Современник» (1860, № 2) — пять глав I части романа, публиковавшиеся под названием «Софья Николаевна Беловодова. Пять глав из романа „Эпизоды из жизни Райского“, с правкой Гончарова, и его «прибавления» к с. 432 и 438 «Современника». Здесь же хранятся переписанные С. А. Никитенко главы, не вошедшие в V часть «Обрыва» и опубликованные А. Г. Цейтлиным в кн.: Гончаров И. А. Неизвестные главы «Обрыва». М., 1926 (Библиотека «Огонек»). Всего рукопись содержит 130 листов.

Вместо всяких страстей пробуждается художническая, творческая сила: я изнемогаю под ней и желал бы в иную минуту видеть тут, например, Вас, чтоб в Вашу скромную, молчаливую душу сбыть часть подавляющего меня волнения, зная, что они там будут схоронены.

Мне вдруг объяснился мой труд, которого неясные и неполные очерки Вы знаете и ключа к которому я напрасно искал одним умом. Нужно было случайное увлечение и раздражение до необузданной степени фантазии, чтобы из всего этого вырвалась молния и осветила мне мою задачу. Дух занимается у меня от глубины и серьезности ее. Все, что сделано, — это только каменья, доски, глина, словом материал; дух, огонь — отсутствовали.

Они пришли *опять*, потому что когда-то были, и я утопил их в грязи. Мало-помалу все возникает — и если я кончу труд — тогда я *претерпел*, значит, *до конца — и спасен*, т. е. боролся с грязными волнами и выплыл на чистые. Вы мне сказали, что недавно молились за меня: помолитесь еще, чтоб не пропало даром это чистое раздражение, а повело к чистому труду. Если б и не повело — я долго буд^у еще помнить и эту, произведенную им мечту художника, которою я живу эти дни.

Не сочтите меня за сумасшедшего, а только за взволнованного художника». ²

В этот период Гончаров был поглощен воссозданием на страницах романа процесса «разнообразного проявления страсти». ³ Изучение этого процесса привело романиста к переоценке того, что в его время принято было называть «падением» женщины. Эта переоценка показалась Гончарову настолько важной, общественное и этическое ее содержание настолько значительным, что изображение «игры страстей» (VIII, 216) отодвинуло на задний план решение других сложных проблем и привело к резкому сокращению многих ответственных эпизодов романа, непосредственно не связанных с этой темой.

Прозвучавший в романе «Обрыв» авторский протест против грубости «в понятии, которым определялось <...> падение» женщины, против несправедливости и жестокости, обрушиваемых на женщину «за всякое падение, какими бы обстоятельствами оно ни сопровождалось» (VIII, 216), был услышан и оценен лишь немногими современниками Гончарова, и то со значительным опозданием. ⁴ Этим объясняется, в частности, та крайняя неудовлетворенность, которую испытывал писатель, читая критические отзывы о своем романе. Характерно в этом смысле его письмо к С. А. Никитенко от 12 (22) июня 1869 г.: ⁵ «Напишите мне еще и еще, хоть по несколько строк. Читая Ваши строки, я слышу слова правды, добра, честности и понимания меня, единственные почти, которые я слышу. Я думал, что после новой моей книги сумеют хоть женщины прочесть многое, если не в строках, то между моими строками, но из них немногие поняли смысл и цель романа — остальные видят

² ИРЛИ, ф. 134 (архив А. Ф. Кони), оп. 8, № 11, л. 132—132 об. Письмо не датировано, по содержанию его следует отнести к концу мая 1868 г. — кауну отъезда (27 мая) Гончарова за границу.

³ Гончаров И. А. Собрание сочинений в восьми томах, т. VIII. М., Гослитиздат, 1955, с. 208 (в дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте: римская цифра обозначает том, арабская — страницу).

⁴ См.: Острогорский В. П. Этюды о русских женщинах. (Женщины в романах И. А. Гончарова). — «Женское образование», 1887, № 4, с. 233; Гаршин Е. Неразгаданная книга. — «Исторический вестник», 1895, № 3. Е. Гаршин подчеркнул, что в своем романе Гончаров «выступает против фарисеев морали и защищает для женщины право человека на достоинство, не запятнанное известным фактом» (с. 886).

⁵ ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, № 11, л. 83. В дате письма описки Гончарова: должно быть 10 (22) или 12 (24) июня. В «Собрании сочинений» Гончарова (т. VIII. М., «Правда», 1952, с. 391, 392) четыре строки этого письма опубликованы с датой 10 (22) июня, а несколько строк того же письма — с датой 12 (24) июня.

в нем только нигилиста, которого там нет, и сердятся за гонение каких-то новых начал». ⁶

В то время Гончаров действительно был убежден, что главное в его романе отнюдь не изображение Марка Волохова. Но его современники рассудили иначе, и по мере выхода в свет книжек «Вестника Европы», где печатался «Обрыв», вокруг образа Волохова разгоралась все более ожесточенная полемика. Да и отношение самого автора к этому персонажу далеко не всегда было безразличным.

Фамилия этого героя, как свидетельствует о том рукопись романа, определилась не сразу. Во II части романа, созданной в основном летом 1860 г., фамилия Марка неоднократно приписывалась другу Райского Леонтию, ⁷ внешность которого вполне соответствовала выбору такой фамилии: «Всегда, бывало, он нечесан, не всегда умыт, с растрепанными волосами, с расстегнутыми пуговицами». ⁸ Позднее эта фамилия была передана Марку: такова была первая дань Гончарова «уличной философии» (Салтыков-Щедрин). ⁹

Однако не эта деталь внешнего облика характеризует Марка Волохова на первых этапах создания образа (до 1863—1864 гг.). В рукописи сохранились некоторые свидетельства того, что на месте Марка Гончаровым первоначально «предполагалась другая личность — также сильная, почти дерзкая волей, не ужившаяся по своим новым и либеральным идеям в службе и в петербургском обществе <...> но более сдержанная и воспитанная, нежели Волохов» (VIII, 218).

В дополнение к «автобиографии» Марка, не включенной Гончаровым в печатный текст II части «Обрыва», ¹⁰ необходимо указать следующее. В черновой рукописи 16-й главы I части романа ¹¹ говорится о том, что Волохов одновременно с Райским и Козловым (в начале 1830-х годов) учился в Московском университете на юридическом (этико-политическом) факультете. Изучая право, он слушал также лекции профессоров, преподававших на филологическом (словесном) факультете. Описывая «штуки», которые проделывал Марк с наименее популярными и уважаемыми в среде студенчества профессорами (С. М. Ивашковским, И. И. Давыдовым, И. М. Снегиревым и др. — в рукописи названы лишь их

⁶ Возможно, что это намек на Е. П. Майкову, возмущенную тенденциозным изображением Волохова.

⁷ ИРЛИ, ф. 163, оп. 1, № 84, рукопись 4-й главы II части, л. 20 об.—21 об. (далее при ссылках указываются лишь часть, глава и лист рукописи). В рукописи I части (глава 16) рядом с именем Леонтия стоят зачеркнутые фамилии «Волохов, Бобков» и, наконец, «Козлов» (ГПБ, ф. 209, № 7, л. 70 об. — запись рукой Гончарова на полях; далее при ссылках на архив ГПБ приводятся только записи, сделанные самим Гончаровым).

⁸ Рукопись, ч. II, глава 5, л. 22—22 об.; ср. окончательный текст: V, 193. «Волоха», как указывает словарь В. И. Даля, — кожа, шкура; «волохатый» — косматый, мохнатый, кудлатый, всклокоченный.

⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в двадцати томах, т. IX. М., «Художественная литература», 1970, с. 61.

¹⁰ См.: Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., Изд. АН СССР, 1950, с. 473—476.

¹¹ ГПБ, ф. 209, № 7, л. 73. Сведения, о которых идет речь, содержатся в письме Козлова к Райскому. Письмо это вписано в «Кирмаловскую копию» (л. 72 об.—75 об.) рукой Гончарова уже в 1860-х годах, после создания II части романа, где начал разрабатываться образ Волохова. Вероятнее всего, это было сделано в 1862—1863 гг., когда Гончаров начал работать над своими воспоминаниями из университетских времен, см.: Груздев А. И. К хронологии произведений И. А. Гончарова. (О датировке очерка «В университете»). — Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, т. 87, Л., 1949, с. 78. На это указывают подробное изложение некоторых эпизодов студенческой жизни, упоминание в письме Козлова тех же профессоров, о которых писал в своих воспоминаниях Гончаров, и с той же недоброжелательной оценкой (VII, 199, 213—217; VIII, 470—471). Позднее это не могло быть сделано, так как оценка Марка Волохова, данная в письме Козлова, соответствует раннему этапу работы Гончарова над романом — ср. его позднюю запись: «Оба следующие письма сократить и переделать» (ГПБ, ф. 209, № 7, л. 71; имеются в виду письма к Райскому от Татьяны Марковны Бережковой и от Козлова).

нципалы), Гончаров подчеркивает, что уже тогда в характере и поведении Волохова проявилось непримиримое отношение к бездарности, лицемерию, лжи и несправедливости, которое определило его дальнейшую жизнь. Общественное мнение, создаваемое подобными людьми или толпой губернских ханжей и лицемеров типа Нила Андреевича, было Марку решительно безразлично, а их отрицательные отзывы только льстили ему. Естественным было и презрение Волохова к общепринятым нормам морали и «светским приличиям», о чем в рукописи говорится значительно подробнее.

Главное же отличие черновой рукописи романа от его окончательной редакции состоит в том, что текст рукописи позволяет составить более определенное представление о политической программе Марка Волохова. Таковы в первую очередь не вошедшие в окончательный текст романа главы V части, рассказывающие о визите Райского к Волохову с «поручением» от Татьяны Марковны Бережковой.¹²

В высшей степени значителен намек Козлова в его письме к Райскому на прошлое Марка: «<...> здесь говорят, что он человека убил: мне не верится; только иногда кажется, что вот, того и гляди, убьет тебя».¹³

Первый разговор Волохова и Райского, когда Марк язвительно характеризует общественную жизнь России того времени и ее «деловые круги» (в рукописи резче и подробнее),¹⁴ проходит в черновой редакции романа на фоне недавних размышлений Райского о «[нашей пока еще блаженствующей буржуазии]»¹⁵ и о том, что в губернском городе «можно расслушать громкую речь о движении на западе и тихую — о неподвижности на востоке»,¹⁶ приуроченных, как показывает анализ текста рукописи, к 1848 г. и предусмотрительно зачеркнутых Гончаровым.

С революционными событиями в Западной Европе связано еще одно важное замечание, сохранившееся в черновой рукописи 14-й главы IV части романа и относящееся к Волохову. «Это наша „партия действия“ [да, он Мадзини — мерзавец]»,¹⁷ — говорит о нем разъяренный увиденным в обрыве Райский.

Имя Мадзини было зачеркнуто автором еще в рукописи. В окончательном тексте романа с «партией действия» Гончаров связывает то Волохова (VI, 276—277), то Тушина. Именно «Тушины — наша истинная „партия действия“, наше прочное „будущее“» (VI, 394), — решает Райский, возвращаясь домой «после шестидневного пребывания» в усадьбе Тушина. В поздних литературно-критических статьях Гончаров цитирует эти слова Райского (VIII, 101) и называет представителем «партии действия» уже одного Тушина. Таким образом, термин «партия действия» полностью исключается Гончаровым из исторического контекста. Может быть, в связи с этим никто из современников Гончарова не обратил внимания на то, что упоминаемая в романе «партия действия» — это название итальянской революционной организации, созданной Д. Мадзини после провала Миланского восстания 1853 г. М. А. Протопопов в статье о Гончарове заметил даже, что «партия действия» — это «плеоназм»: «Партия есть явление или понятие социальное; действие

¹² Гончаров И. А. Неизвестные главы «Обрыва», с. 14—40.

¹³ ГПБ, ф. 209, № 7, л. 75 об.

¹⁴ Рукопись, ч. II, главы 14—15, л. 9—10, 15—16.

¹⁵ Здесь и далее заключенное в квадратные скобки вычеркнуто автором в рукописи.

¹⁶ Рукопись, ч. II, глава 4, л. 20. Зачеркнуто.

¹⁷ Рукопись, ч. IV, глава 14, л. 47. Написано в июле 1868 г. Интерес к Джузеппе Мадзини (1805—1872) в шестидесятые годы был весьма значительным. Не случайно в «Вестнике Европы» параллельно с романом Гончарова (1869, №№ 1, 2, 5, 7) печаталась статья В. И. (В. И. Лихачева?) «Италия и Маццини». В № 7 (с. 229) упоминалась и «партия действия».

или бездействие есть явление или понятие психологическое или физическое. Как не может быть партии брюнетов или блондинов, так не может быть и партии действия или бездействия». ¹⁸ В настоящее время к его точке зрения присоединился Д. А. Политыко. ¹⁹

Претензии людей типа Марка Волохова на руководящую роль в общественном движении вообще очень раздражали Гончарова. Не случайно на полях 12-й главы IV части романа записано: «партия не действия, а шума — все в Моисеи хотят». ²⁰ Тем не менее в черновой редакции романа автор не только подчеркнул убежденность Волохова в справедливости своих идей (см. последний его разговор с Верой), но и заметил, что Волохов не был «разбойником <...> и по природе и по убеждениям» (ср. VI, 200). ²¹

В рукописи IV и V частей «Обрыва» подробно излагаются полемические разговоры Веры и Марка, основное содержание которых можно определить словами Веры о «вечной войне» «против гнезда, т. е. против семейства». ²² В своих рассуждениях Марк во многом руководствуется идеями шестидесятников, в частности теорией «разумного эгоизма». Зато отношение Марка к роли женщины в обществе резко противоречит их программе. Так, возражая Вере, он иронически отзывается о «седом мечтателе» Райском, думающем, что «женщины созданы для какой-то высшей цели, а не для . . . деторождения». ²³

Связь Волохова с революционным движением 60-х годов, хотя и в нарочито упрощенном, даже тенденциозном виде, подчеркнута еще в первом его разговоре с Верой о роли семинаристов в общественном движении. Очень характерно, что, согласно первоначальному замыслу Гончарова, Волохов был не только гуманитарием по образованию, но и эрудитом. В письме к Райскому Козлов замечает: «Стыдно признаться, а по секрету скажу, что он две сцены в „Облаках“ ²⁴ объяснил удовлетворительно, а я не так понимал их. Я немного и сам понимаю древнюю жизнь, а не стыжусь сознаться, что заслушивался его: он живет и бойчее меня говорит, только вовсе не дорожит этим». ²⁵ Только в 1868 г., как еще одна дань Гончарова увлечениям 1860-х годов, появились в рукописи IV и V частей романа намеки на ведущуюся Марком с «мнимой страстью к изучению природы естественными науками» пропаганду «[через запрещенные кн<и>ги] Фейербаха и через химию <...>». ²⁶ Позднего происхождения и реплика Тушина, адресованная Вере: «Почулся бы правде у вашего ума и честности у сердца — вот и была бы естественная наука. А то букашек разбирает, а слона и не заметил». ²⁷

Существенно важен также подтекст некоторых высказываний Волохова, намекающий на его скрытую от враждебных глаз деятельность: вовсе не случайно, выслушав рассказ о «занятиях» Райского, Марк замечает: «Зачем же вы меня испугали давеча вопросом: „Что я делаю?“». ²⁸

В печатном тексте «Обрыва» основное содержание политической программы и философских воззрений Марка Волохова излагается в 6-й главе V части.

¹⁸ Протопопов М. Гончаров. — «Русская мысль», 1894, № 11, отд. II, с. 128.

¹⁹ Политыко Д. А. Роман И. А. Гончарова «Обрыв». Минск, 1962, с. 99.

²⁰ Рукопись, ч. IV, глава 12, л. 42.

²¹ Там же, л. 43 об. Запись на полях.

²² Там же, л. 39 об.

²³ Там же. Ср. печатный текст: VI, 260.

²⁴ «Облака» — комедия Аристофана (ок. 446—385 до н. э.), полная язвительных насмешек над умствованиями софистов. Аристофана высоко ценили Белинский, Чернышевский, Добролюбов.

²⁵ ГПБ, ф. 209, № 7, л. 74 об. Зачеркнутая запись на полях.

²⁶ Рукопись, ч. IV, глава 12, л. 47.

²⁷ Рукопись, ч. V, глава 5, л. 16 об. — 17. Запись на полях.

²⁸ Рукопись, ч. II, глава 14, л. 10. Зачеркнуто.

Что же заставило романиста сначала дополнить, а потом заменить детально разработанные эпизоды напряженных дискуссий Веры и Марка изложением своей «бесконечно длинной обвинительной речи»,²⁹ обнаружившей все просчеты, всю слабость и неубедительность позиции Гончарова, несколько затушеванной прежде в живом и страстном диалоге героев?

Ответ на этот сложный и принципиально важный для понимания и оценки последнего гончаровского романа вопрос попыталась дать О. М. Чемена.³⁰

Исследовательница считает, что именно в 6-й главе V части впервые в романе обнаружился «принципиальный политический», а не «примитивный бытовой нигилизм» Волохова (с. 91), так же как и ряд «положительных, даже привлекательных черт характера, по-новому освещающих его личность» (с. 89). Далее она замечает: «Эта слишком поздняя реабилитация Марка Волохова, ломающая архитектуру романа и рвущая нарастающее к кульминационным 7—10-й главам напряжение сюжетной линии, кажется насильственной вставкой в 6-ю главу» (с. 89—90).

По мнению исследовательницы, «облагораживающая» образ Марка характеристика (с. 94) создана Гончаровым под сильнейшим воздействием Е. П. Майковой, увидевшей в Марке пародию «на молодых новых людей» (VIII, 401) и упрекавшей за нее писателя. Главную роль в борьбе за Марка Волохова О. М. Чемена отводит сохранившемуся без окончания (VIII, 400—402) письму Гончарова к Майковой, помеченному «воскресеньем», без достаточных оснований приурочивая его к февралю 1869 г. (с. 93).

Стремясь доказать кажущееся ей «весьма правдоподобным» предположение, что Гончаров «в одно время с ответом на второе письмо Майковой (16 или 23 февраля), нарушив последовательность работы, вставил в 6-ю главу V части романа внесюжетный компонент» (см.: VI, 312—318), О. М. Чемена ссылается (с. 94—95) на черновую рукопись «Обрыва».

Однако именно анализ рукописи V части романа полностью опровергает все утверждения и предположения О. М. Чемены.

Изучая рукопись, исследовательница не обратила почему-то внимания на авторскую пагинацию листов (интересующий нас отрывок расположен на л. 38—39 гончаровской пагинации). Между тем из писем Гончарова к М. М. Стасюлевичу известно, что листы 38—39 были им написаны до 27 июля (7 августа) 1868 г.,³¹ 41-й лист (глава 7, где «бабушка <...> узнала, что случилось с Верой на дне обрыва»³²) написан до 30 июля (10 августа) и, наконец, 45-й лист был в работе 5 (17) августа.³³ Нет никаких оснований подозревать, что автор производил впоследствии какие-либо замены листов: содержание, излагаемое Гончаровым в письмах, точно соответствует названным им листам черновой рукописи. Авторская пагинация рукописи (так же, впрочем, как и пагинация переписчика) нигде не нарушается. «Внесюжетный компонент» вопреки утверждению Чемены (с. 94) начинается не с «нового 146 листа» (пагинация переписчика), а записан на второй половине (развороте) обычного для рукописей Гончарова огромного двойного

²⁹ См.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в двадцати томах. т. IX, с. 80.

³⁰ Чемена О. М. Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е. П. Майкова. М., «Наука», 1966, с. 89—96 (далее страницы этого издания указываются в тексте).

³¹ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV. СПб., 1912, с. 44. В дате описки Гончарова: должно быть 26 июля (7 августа). Далее это письмо цитируется с исправленной датой.

³² Там же, с. 45. В дате описки Гончарова: должно быть 29 июля (10 августа).

³³ См. письмо Гончарова к М. М. Стасюлевичу и Л. И. Стасюлевич от 5 (17) августа 1868 г., в котором писатель сообщает, что «теперь идет 45-й лист» (ИРЛИ, ф. 163, оп. 1, № 100).

листа под номером 38. И почерк и чернила на этом листе идентичны, а не различны, как утверждает исследовательница. На л. 155 (л. 40 по пагинации Гончарова), к середине которого примыкает «внесюжетный компонент», запись действительно, как указывает Чемена, произведена чернилами разных оттенков, но то же сочетание чернил характерно и для предшествующего 40-му 39-го листа. Весьма странным является предположение (с. 94), что написанное в нижней части л. 155 создано Гончаровым «ранее», чем написанное в его верхней части. Ведь это означает, что, исписав лишь небольшую нижнюю часть листа, Гончаров заранее предусмотрел необходимость вернуться к нему в будущем; при этом написанное ранее оказалось абсолютно точно согласованным по смыслу с тем, что было создано значительно позже. Но ведь в этом случае пропадает тот самый эффект неожиданности происшедшего, на котором так настаивает Чемена.

Наличие на л. 145 (л. 38 авторской пагинации) «меморандума, напоминающего автору содержание еще не написанных 19—21 глав романа», ничего не дает для датировки, так как вовсе не обязательно свидетельствует о перерыве в работе Гончарова над 6-й главой (Гончаров часто записывал программу будущих глав, не прерывая своей работы).

Не подтверждается и предположение Чемены (с. 95) о том, что 17-я, «покаянная», глава V части была написана также под влиянием Е. П. Майковой. Указание, что автограф 17-й главы в рукописи отсутствует, неверно. Эта глава расположена на л. 60—61 авторской пагинации, но дается в иной редакции, чем в окончательном тексте, и без указания номера.

Считая почему-то установленным, что 24-я и 25-я главы, автографы которых не сохранились, дописывались Гончаровым в марте 1869 г., и предполагая, что эти главы вместе с 17-й главой «затерялись в типографии» (с. 95), Чемена датирует 17-ю главу мартом 1869 г. или «несколько раньше» (с. 95). Это неверно хотя бы потому, что роман набирался не по черновой, испещренной многочисленными поправками рукописи, а по копии, сделанной С. А. Никитенко³⁴ и вслед за ней, возможно, переписчиком.

Таким образом, материалов, подтверждающих влияние Е. П. Майковой на создание 6-й и 17-й глав V части «Обрыва», не существует. Выводы Чемены об одном из важнейших этапов истории создания романа нельзя признать убедительными.

Весьма преувеличена Чеменой и роль Е. П. Майковой в личной жизни Гончарова в период завершения «Обрыва». Утверждая, что «ненаглядной Верой» (выражение из письма Гончарова к М. М. Стасюлевичу от 7 апреля 1868 г.³⁵), «если б она существовала, могла быть только Екатерина Павловна Майкова» (с. 114), Чемена игнорирует переписку Гончарова 1868—1869 гг. В это время идеал писателя был совсем иным. В письмах он неоднократно вспоминает о некоей Агр. Ник., или А. Н., встреча с которой, по словам Гончарова, «подстрекнула»³⁶ его к окончанию романа.³⁷

³⁴ См. письма Гончарова к Стасюлевичу: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV, с. 8—9, 34 и 39. См. также письмо Гончарова к С. А. Никитенко от 25 февраля 1873 г.: «Вот что еще давно хотел сказать: у меня лежит, как монумент, целая гора рукописи: это 3 последние части *Обрыва*, переписанные Вами с моими исправлениями. Рука не поднимается истребить это доказательство Вашего дружества ко мне» (ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, № 11, л. 124 об.).

³⁵ М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV, с. 73.

³⁶ См. письмо к С. А. Никитенко, датированное на основании пометы («Воскресенье, Берлин») 2 июня 1868 г. (ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, № 11, л. 54 об.). Частично опубликовано в «Собрании сочинений» Гончарова (т. VIII, М., 1952, с. 372—373) с неверным указанием «май»: 27 мая, в понедельник, Гончаров уехал из Петербурга.

³⁷ Могущее возникнуть предположение, что мнительный Гончаров таким образом зашифровал упоминание Майковой, исключается. В своих письмах 1868 г.

Более того. В одном из писем к С. А. Никитенко Гончаров признается, имея в виду Агр. Ник.: «<...> это была моя не Вера, а модель моей Веры, как часто употребляют художники натурщиц, но они умышленно; я — нет. Она моя погибшая Вера — как и другие, прежде ее! Но она живет еще в моей душе, уже не как идеал конечно, но и такую, какая она есть, она мне еще дорога и мила. Что, если б она не лгала: ведь я бы любил ее всегда просто, но сильно, бескорыстно. Требовать, чтоб не лгала, — писала она, — значит требовать честности — и, стало быть, — всего, всего: и это правда. Но и она хороша, прекрасна: она — красота наружно, и притом богатая, даровитая натура, а такие натуры — не пропадают: это закон. Не оставляйте ее никогда, по дружбе хоть ко мне, любите ее и заставьте любить себя искренно. Может быть, и она даст когда-нибудь мне свою дружбу не для своих целей, *не для соседа*, а ради меня самого — и тогда уже мне больше никакой Агафьи Матвеевны»³⁸ не нужно. Все будут тут. Я ее обижал, был дерзок, *глуп, груб, туп* и т. д., в письмах впрочем только; она неправду говорила, что всегда выходила от меня со слезами — положительно никогда, и у меня чешется рука написать, закричать ей: *прости — я теперь не такой*, но боюсь, боюсь даже мысленно останавливаться на ней и спешу мимо, пока не почувствую, что могу видеть просто, бескорыстно, как других красивых женщин, до тех пор ни за что не увижусь с ней — или пропадет мой труд, а я лучше хочу умереть. И письмо она сочла бы за вызов, написала бы опять и ... все пропало бы. Помните, как я трусил встречи с ней, помните, как я стал вдруг неловок, когда она пришла, как не мог налить чашки чаю, как опускал в чай палец вместо ложечки, ронял, не знал, что говорю? И теперь, пожалуй, то же бы было — чего боже сохрани! <...>

Но как и когда заглажу я перед ней свои грубости: надежды нет!

Скоро видеть я ее ни за что не решусь (опять было бы то же), а потом она меня забудет и останутся в памяти только одни мои грубости.

Вы, когда увидите ее, скажите ей эти мои тревоги, а мне о ней ничего не пишите, чтоб не развлекать, и будьте, вместо меня, ее другом. А если я кончу свой труд и могу видеть ее безопасно, тогда я на коленях поднесу его ей и скажу, как много она в нем участвовала — положим хоть как модель. И она меня простит».³⁹

Публикация данного письма никак не означает желания заменить один предполагаемый прототип Веры другим, тем более что Гончаров впоследствии решительно отрекся от своих слов, заявив, что об А. Н. он даже не вспоминал никогда, когда писал свои «тетради» (VIII, 389).

Важно другое: подчеркнуть, насколько разнообразными были жизненные впечатления Гончарова, положенные в основу его последнего романа. Писатель никогда не ограничивался одним прототипом. По собственным его словам, он «желал бы», чтобы в «лицах и событиях», им изображенных, «искали не голой правды, а *правдоподобия*». «Ведь обобщение, — добавлял он, — ведет к типичности, а обобщение у меня — не привычка, а натура...» (VII, 225, 226).

к С. А. Никитенко Гончаров не только рассказывает о совместных прогулках с Агр. Ник. в Швальбахе (см. письма от 12 (24) июля 1868 г. — ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, № 11, л. 64 об., от 13 (25) июня — там же, л. 61 об., от 4 (16) июля — VIII, 389), но и намекает своей корреспондентке, что он до недавнего времени хотел соединить свою жизнь с Агр. Ник. (письмо от 12 (24) июля, л. 65 об.), однако пришел к выводу, что это невозможно («из нас с ней не выйдет *мы*» — л. 66 об.).

³⁸ Один из персонажей романа «Обломов».

³⁹ См. письмо к С. А. Никитенко, датируемое на основании пометы («Берлин. Среда») 29 мая (10 июня) 1868 г. (ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, № 11, л. 57—58). С неверной датой — 30 мая (11 июня) — опубликовано в «Собрании сочинений» Гончарова (т. VIII, М., 1952, с. 369—372): 30 мая 1868 г. была не среда, а четверг.

Черновая рукопись романа «Обрыв» и связанное с ней эпистолярное наследие Гончарова, до сих пор еще не опубликованное полностью, позволяют составить более определенное и полное представление о биографии, политических взглядах, круге книжных интересов Марка Волохова, о характере и устремлениях Веры, о достижениях и потерях Гончарова на путях создания «Обрыва».

Свой последний роман Гончаров посвятил трагедии поколения, занятого напряженными поисками своего места в обществе и истории и не нашедшего его. Именно этим определяется символическое название романа, после долгих раздумий найденное писателем летом 1868 г.: известно, что до этого года роман носил условное название «Художник», а весной 1868 г. Гончаров намерен был назвать роман именем Веры.

Публикуемые ниже фрагменты извлекаются из черновой, испещренной множеством поправок и вставок рукописи (часто листы ее исписаны буквально вдоль и поперек, с огромным количеством зачеркнутых слов, строк и абзацев). Целью публикации является лишь воспроизведение содержания важнейших фрагментов рукописи, и поэтому (за несколькими исключениями) публикуется лишь сводный ее текст (без указания многочисленных вариантов).

Чтобы показать сам процесс работы Гончарова, привожу в качестве примера все варианты зачеркнутого им отрывка из черновой рукописи 11-й главы V части романа (запись на полях л. 40 об. архивной пагинации — л. 50 авторской пагинации), рисующего внутреннее состояние Веры после «падения» (глава написана автором осенью 1868 г.).⁴⁰ Следует подчеркнуть, что в рукописи романа убедительнее, чем в окончательном тексте, показана трагедия Веры, ее борьба с живущей в ее душе страстью, ее мучительные раздумья о будущем. В печатном тексте Вера слишком легко и быстро забыла свою любовь к Марку, потеряла всякий интерес к его судьбе и примирилась с тусклым и бесцветным настоящим.

VI, 349, строка 8. *После* — Поправляется барышня, — говорили люди *читается*. Оставшись одна, она ^а сидела праздно над работой и, опершись на локоть, ^б тяжело задумывалась. ^в Изредка ^г катились слезы по лицу ^д и глубокая печаль, почти безнадежность ^е глядела ее глазами. Сожаление ли о погибшем счастье, ^ж безотрадность ли пустого, бесцветного будущего, ^з или ужас ошибки терзали ее — никто не знал, да и не догадывался. Она, слышав чьи-нибудь шаги, быстро ^и схватит работу, подышит в наперсток и шьет.

Мужчина в припадках такой меланхолии обыкновенно выругается, если долго не предвидит выхода из печали; самый терпеливый плюнет с досады. Женщины притворяются и несут покорно тяжесть горя, как горбатый носит свой горб.^к

⁴⁰ При публикации вариантов черновой рукописи в качестве основного привлекается текст в «Собрании сочинений» Гончарова в восьми томах (т. V, VI, 1953, 1954).

^а *Далее зачеркнуто* иногда оставалась праздной. ^б *Далее зачеркнуто* о чем-то глубоко. ^в *Далее зачеркнуто* и тогда. ^г *Далее зачеркнуто* даже текли. ^д *Далее зачеркнуто*: 1) Не заботы, не мучения, не угрызения, а; 2) не забота о будущей участи, а. ^е *Далее зачеркнуто* туман. ^ж *Далее зачеркнуто* безнадежность. ^з *Было* томили ее. ^и *Было* хваталась за работу, дышала в наперсток и принималась шить. ^к *Далее зачеркнуто*: 1) [Райский только] Бабушка [догадывалась только] знала по опыту, что с горем нельзя разделаться так дешево. [Она молчала, не заговаривала] и не мешала Вере, не затрогивала больного места, надеясь на время. Да Райский еще [проглядывал] заглядывал нескромно в душу Веры и — может быть — не ошибался, [видя там] читая в [скрываемой тоске] в [памяти] [немой тоске] в ее томном молчании, в матовых [глазах] зрачках ее — тайную [борьбу с полупобежденной, но все еще свежей] борьбу, последние [отчаянные] схватки с удаляющеюся, но еще с не побежденной, не забытой страстью, которая [уходя]

Часть II

V, 309, строки 7—8 снизу. *После* Она о бабушке и о Марфиньке¹ говорила покойно, почти равнодушно *читается*: Татьяна Марковна разнемоглась было дня на два, Марфинька ударилась в слезы, забегалась, замучалась, не спала, не отходила от постели и в сутки успела похудеть. Вера напротив молчала, не суежилась, не подступала к больной с беспрестанными вопросами «лучше ли вам, не надо ли чего, не пора ли лекарство принять», — она только вошла поздно вечером, ночью, когда все спали, остановилась в ногах бабушки и молча, пристально, большими испытующими глазами с полчаса глядела на больную, потом неслышимо шагом вышла и спала до утра.²

V, 310, строки 8—9 снизу. *Вместо* <...> опять уйдет в себя — и никто не знает, что у ней на уме или на сердце *читается*: ее заставляли опять в ее углу задумчивую, часто угрюмую, иногда даже как будто злую. Он не раз подмечал какую-то ледяную, будто злую мину в ее лице; в ее взгляде бывало что-то сухое: казалось, не жди тогда никакой жалости и пощады от нее. Не раз даже сама столько терпевшая побоев Марина выходила от нее с поникшей головой, смущенная ее сухим тоном или жестким словом. Но эти минуты бывали редки и кратки. Райскому удалось однажды сделать фактическое наблюдение: Егорка забрался на чердак и на потеху дворни бросил оттуда кошку на двор. Обе девицы и Райский были в саду: Марфинька пришла в ужас: в одну минуту раздался вопль, гнев, угроза и брызнули слезы, хотя кошка была не ее, но Марфинька побежала сейчас с жалобой к бабушке. У Веры сверкнуло любопытство, когда размахнулся Егорка, она с жадным изумлением следила за взвившейся на воздух кошкой, за ее падением, и когда она потом поползла на брюхе в угол двора, Вера побледнела и черты лица стали угрюмы, даже грозны. «Как это глупо!», — с злостью прошептала она, бросив взгляд презрения на Егора и ушла к себе. Райский видел, что губы у ней немного вздулись и потемнели, ноздри расширились. Она быстро ушла к себе и хлопнула дверь.³

Часть III

VI, 145, строка 13 снизу. *Вместо* Вера молча пожала ей руку *читается*: — Может быть и буду, — задумчиво сказала Вера, — и если буду — то в самом деле еще счастливее тебя.^a Зато если буду несчастлива, то уж так, что никто, кроме меня, не вытерпит.

— Боже сохрани: несчастлива. Я день и ночь молось за тебя.^b

— Послушай, Марфинька, — сказала Вера, не слушая ее, — если я буду счастлива, может быть ты, и никто из вас — не увидят меня, я уеду отсюда. Если же мое счастье не сбудется, разобьется, тогда...

Оба ждали, что она скажет.

— Я буду помогать твоему счастью.⁴

VI, 169, строка 7 снизу. *Вместо* Вера, покорившая даже самовластную бабушку <...> *читается*: Вера,^b покорившая даже бабушку и освободившаяся от ее системы <...>.⁵

сверкала и гремела, уходя, сильными ударами и иногда ослепляла нестерпимым блеском; 2) Бабушка молча наблюдала и боялась про себя, [вслух она боялась] не показывая своей боязни Вере. Райский, наблюдая за ней, думал, что в ней доигрывается последний акт драмы еще [по временам гремит и блещет удаляющаяся, но не развешившаяся] еще не утихли порывы удаляющейся страсти, как и в нем изредка.

^a *Далее зачеркнуто* Ты бы не вытерпела моего счастья. А если.

^b *Было* Ах, как можно: что ты говоришь?

^v *Далее зачеркнуто* перед которой оказалась несостоятельной древневековая, так долго с успехом царствовавшая система бабушки.

VI, 172, строки 12 сверху — 13 снизу. *Вместо* Они неопрятны ∞ таких и надо... *читается*: — Да они теперь распространяют просвещение запрещенными книгами.

Он опять засмеялся.

— Да, это наши миссионеры, — сказал он, — ничего. Они пока сглуза лезут в огонь, да усердно. Лбы у них крепкие и кожа здоровая, не дворянская: не то, что студенты. Те розгачей не терпят, не выдерживают, а этих порют, порют — всё терпят и молчат. И как бараны, куда один, туда и другие. А нам таких и надо...⁶

VI, 172, строка 10 снизу. *После* «<...> новая грядущая сила?» — спросила она, глядя на него с любопытством и иронией *читается*:

— Да, мы...

— И много вас таких?

— Легион.

— С семинаристами <?>

— Нет, с ними тьмы тем.⁷

Часть IV

VI, 174, строка 1—177, строка 10. *Вместо* Вера, расставшись с Райским ∞ о «юных надеждах»? *читается*: Вера, расставшись с Райским, торопливо шла на выстрел, пробираясь через сплошной орешник, вербовник, старые и молодые ели, сплетшиеся по скату горы почти в непроходимую чащу, в которой не было проложено ни одной тропинки. Но она привычным шагом скользила, как ящерица, между кустов, и скользя между деревьев, устраниая зонтиком гибкие ветви и наклоняясь под толстые сучья. Четверть часа пробиралась она и наконец подошла к старой, полусгнившей и развалившейся беседке, заросшей и покрытой акациями, жимолостью и обросшей травой и мохом. Эту самую беседку Райский старался отыскать ночью, во время грозы, но непроницаемая чаща сделала ее невидимой. Там был покрякивающий стол в виде гриба и две лавки. На одной из них сидел Марк. На столе лежало ружье, пистолет, охотничья сумка и фляжка с вином.

— Это ты, Вера, — сказал он и, подав ей руку, почти втащил в беседку, в которую не было никаких ступеней, давно уже отвалившихся.

— Долго вы сегодня: я думал, что не слышали, хотел еще выстрелить.

— Меня задержал брат, — сказала она, — ну а вы что?

— Ничего, а кстати о Райском — что он? Все не унимается, угощает страстью?

— Да, и мне иногда неловко. Я бы лучше уехала отсюда на все лето и осень к Наташе. Я боюсь, что не выдержу. Он везде следит за мной — и того и гляди — догадается. Не сказать ли ему прямо?

— Боже сохрани! — перебил Волохов торопливо, — после, после, не теперь. Еще провретя, все испортит или учредит и за мной полицию,^г а я этого не люблю. Эти натуры болтливы, скажет бабушке — и все пропало.

— Что же делать? Мне очень неловко. Уехать надолго нельзя, а не надолго — только оттягивать.

— Одно средство, я уж тебе сказал: дурачить его. Водите, обманывайте, прикидывайтесь, сделай из него послушного ребенка.

— Зачем это? — с отвращением продолжала она. — Я послушалась, остановила его, он собрался ехать...

— Не уехал бы ни за что, поверь.

— Он же добр, всех нас любит, как я после оправдаюсь?

^г Далее зачеркнуто а я шутить не люблю: пожалуй выйдет скверно.

— Ну так открой ему все, а он вслед за тобой сюда же пожалует к нам. Тогда все пропало.

— А может быть, он тогда успокоится. Он сам проповедует свободу, он развит, он честен, умен.

— Рисуется! — сказал Марк. — Он эгоист, самолюбив и живет одним воображением. Его загрызет зависть и досада. У него вдруг родилась страсть, как мыльный пузырь, — и как мыльный же пузырь лопнет.^д Он и наслаждаться-то не умеет, а измучит и сам измучится, не зная сам, чего ищет. Дай ему тебя совсем в вечное и потомственное владение, он будет тебе месяца три^е петь, читать, рисовать, может быть, плясать, а потом вдруг в одно не прекрасное утро велит Егорке стащить чемодан да и уедет.

— А ты, Марк? — спросила она ласково, положив ему руку на плечо.

— Я не уеду сам: разве ушлют. . .

— Я говорила ему это, а он утверждает, что он способен любить глубоко, всю жизнь, но что дело до этого не доходило, что впечатление не доживало до любви, что несчастные встречи кончались разочарованием. . .

— Все врет, — перебил Марк, — и главное дело, врет искренно, с убеждением.

— Стало быть не притворяется, не лжет. . . — заметила Вера.^ж

— Сам надувает себя — дурак!

— Ну, нет, не дурак.

— Как же не разберет до сих пор себя.^з Это какая-то помесь немецкого бурша с русским барчонком. Ты смотри, Вера, не проговорись, <не> измени. . .

— Гадко, Марк, притворяться. Я не хочу, не стану.

— Ну, хорошо: ты только потерпи, не проговорись ему пуце всего обо мне и о наших свиданиях. . .

— Будь покоен.

— А остальное он сделает сам.

— Что мы все о нем? Скажи, что ты делал вчера? не напроказничал? Опять не проговорились ли чего-нибудь о «грядущей силе» да «о заре будущего», о «юных надеждах»?⁸

VI, 179, строка 10 снизу — 180, строка 17 снизу. *Вместо* — Всего! Если не всего, так многого! ∞ к счастью, а вы его боитесь. . . *читается*: Чего: чтоб вы сознались себе, какую невозможную и странную роль взяли на себя. . .

— А если я действую по убеждению. . .

— Пусть: зачем вы их навязываете другим? Живите ими, а вы учите других.

— Учю дураков.

Она покачала головой.

— Что качаете головой?

^д *Далее зачеркнуто* Разве это страсть сильной, здоровой природы, которая готова изломать всю свою жизнь для чужой? Он шагу не сделает, не встанет часом раньше из своих пуховиков. О жертвах говорить нечего.

^е *Было недели три.*

^ж *Равноправный вариант на полях* Какая встреча удовлетворит его: он идеалист, пожалуй, и художник — только делать ничего не умеет! И любовь у него — вовсе не цель, а только средство фантазировать, выражаться, как говорят эти господа.

^з *Далее зачеркнуто* что не перешел еще жизненной азбуки. Вот мы его поставим лицом к лицу с жизнью — пусть увидит! А! ты страсти захотел: накорми его по горло, Вера, — пусть покоробит его, авось созреет. Надо же мне отблагодарить его за услуги: денег дает, пальто не требует назад, а главное не выдал меня губернатору.

— Вот видишь, а ты мстишь злом. . . — сказала Вера.

— Совсе нет: я ему окажу услугу гораздо важнее. Открою ему глаза на самого себя, помогу созреть и отучу от поэзии. Поэзии-то нет, а смесь.

— Так: это [странно, дико] претензия...
— Потому и странно, что у вас другие понятия, другая вера.
— Которые же лучше, вы знаете?
— Старые никуда не годятся: вон тут целый город мертвецов... — говорил он, указывая на гору.

— Вот видите, Марк, отчего я так недоверчива. Вы взяли это из тех книг, которые приносили ко мне, а сами не жили так — не пробовали, не испытали этих «истин», как вы называете, а по слухам только верите им...

— А старые истины, разве они годятся куда-нибудь? — возразил он. — Да что толковать об одном и том же. Мне скучно — мне надо любви, страсти, жизни... а вы умничаете...

— Нет, я борюсь только, я хочу быть равна вам, а вы со мной поступаете по-детски.

— Вы холодны, вы не можете любить, у вас рефлексия берет верх над природой и чувством, — сказал он. — Вы барышня: замуж хотите.

Она вздрогнула при первых словах.

— Марк! — сказала она, — несколько месяцев я живу только мыслью о вас, вожусь с одним вами — и не шучу своим чувством.⁸ Я хочу знать, кто вы, что вы и любите ли меня, а вы не откровенны со мной, вы укрываетесь.

— Умничаете, умничаете! — говорил он с холодной досадой, не глядя на нее, — не верите...

— Нет, я не верю, но я не знаю вас и боюсь опытов, не знаю, к чему они меня приведут...

— К счастью, а вы боитесь его.⁹

VI, 178, строки 4—5 снизу — 179, строка 9. Вместо Вы уклоняетесь ∞ — Что же, Марк, из этого? *читается*: — Что же мне учить вас азбуке, когда вы по всему моему, по всему тому, что было между нами высказано, не успели прочесть...

— Что прочесть?

— Жизнь, — запальчиво сказал он. — Я как говорю, так и живу. А вы все еще справляетесь с кодексом бабушки: у вас ее понятия о нравственности. Страсть одеваете в какой-то шутовской наряд, как Райский... чем бы прямо от опыта допроситься... истины... — говорил он, глядя в сторону...

— Я хочу подойти к опытам сама, — сказала она, я не хочу быть вашей ученицей, а если и буду, так возьму от вас то, что мне укажет мой ум, сердце и убеждения...

— Еще что. Да, жди, пока вас отдадут за какого-нибудь гарнизонного капитана или тупоумного помещика, Тушина например... — сквозь зубы, с неудовольствием сказал он.

— Этого не бойтесь, меня не отдадут. А вы возмущаетесь тем, что я не слушаю вас, как ваши семинаристы... слепо.¹⁰

VI, 260, строка 7—261, строки 19—20. *Вместо* Для семьи ∞ взаимно остальную жизнь... *читается*: Не ангелы, а люди, а вы хотите звериного счастья: я не хочу! — опять сказала она. — Вы хотите изменить и унижить человека и насильственно и умышленно, с ожесточением, поставить наряду с животным. Вам все противоречит.

и Далее зачеркнуто Оно — важный и, может быть, единственный опыт моей жизни: оттого я и нерешительна, и недоверчива. Все, что мне случилось заметить, услышать, наблюдать до сих пор в нашем кругу, очень грустно или грубо, жалко: я знаю, что это не жизнь или дрянная жизнь. Я хочу чего-то лучше, вернее, прочнее... и останавливаюсь, не верю...

— Умничаете, умничаете! — сказал он.

— Нет, я не верю тебе, я только не знаю тебя и боюсь опытов...

— Боишься счастья!

— Да ведь любовь — продукт природы, — заметил он. — Я приглашаю вас только следовать ей, сам ничего не выдумываю...

— А природа создает семью и...

— И потом бросает, когда подрастут дети... И у людей тоже... А все эти чувства, симпатии, предчувствия и т. п. — все это только убранство, драпировка, которою прикрыт главный акт любви... Конечно, это важный акт: спросите тупоумного Козлова — и тот расскажет вам, что древние ослы возвели его в культ.

— Пусть драпировка, — возразила Вера, — но ведь и она, по вашему учению, тоже дана природой, а вы хотите ее снять — и обратить семейство в берлогу... Зачем же вы так упорно привязались ко мне, говорите, что любите — вон изменились, похудели...

Он с досадой нахмурил лицо.

— А ты не веришь?

— Нет, верю, — сказала она, — иначе бы я не была здесь...

— Так что ж ты хотела сказать?

— А то, что вам, с вашей любовью кратких встреч — с этими естественными понятиями — надо бы искать любви во всякой встречной жепщине... не останавливаясь долго на одной «тупоумной»! Что вас привязывает ко мне?..

— Ты красавица, Вера, и не тупоумная, нет: с той я не стал бы тратить время...

Стало быть, привлекает что-нибудь, чего нет у зверей... стало быть, у вас есть понятие, сознание...

— Видишь свою ошибку, Вера, «с понятиями» о любви говоришь ты: а дело в том, что у меня никаких понятий о ней нет. Любовь не понятие, а природное влечение, потребность, оттого она и слепа, и глупа, привлекает к чему-нибудь и держит иногда долее, иногда короче. К тебе привлекает, потому что сделано раз впечатление, красотой ли (конечно, красотой — рябая не привлечет) или ловкостью — словом, все-таки наружностью. Дурак Райский ухитрился и в красоте найти ум... даже говорит, что это одна и та же сила: вот мыслитель-то!

«А может быть, он и прав...», — думал он, глядя на черты Веры, освещенные луной. — Эти «понятия» тебя и губят. Не будь их — мы давно сошлись бы и были бы оба счастливы...

— На время, а потом вздумалось бы кому-нибудь увлечься, отвернуться, тут и конец. Так, что ли?

— Да, пока инстинкт и природа привлекают, до тех пор держится и то, что ты называешь чувством...

— А другой умирай от горя — тому и дела нет...

Он пожал плечами.

— Иначе, если останавливаться над всем — значит надевать пуды на ноги... значит жить понятиями... — заметил он.

— Понятия эти — правила, — сказала она.

— Вот где мертвечина и есть, что из природного влечения делают правило — и сковывают себя по рукам и ногам! Правила есть только в математике, а не в жизни...

— Да ведь математика тоже из жизни взята...

— Ну, еще немного мы ударимся в метафизику. Вот я буду ходить с «Критикой чистого разума»¹¹ на любовные свидания.

— Любовь — правила! Ах, Вера, как жаль, что это вы говорите: это прямо из философии Нила Андреича и твоего наставника — попа.

— Любовь — долг! — сказала она, встав перед ним.

— Ведь это выдумка, сочинение, Вера, поймите этот хаос ваших правил и понятий — выдьте из него и вы с этого же вечера почувствуете, как легко и просто жить на свете. Забудьте только, что любовь — долг, а думайте, что она влечение и потребность и что сдерживать эту потребность значит нарушать закон природы.

— Долг, — повторила она, — и это гораздо проще и естественнее того, что вы проповедуете и ближе к природе. Этот долг она и устроила, а люди только угадали его и обратили в правило. Если вы, любя меня, для себя ли, для меня ли, пусть будет по-вашему, из эгоизма, но если мы дадим друг другу лучшие годы счастья — на нас лежит долг — остальную жизнь платить один другому за это счастье.¹²

VI, 262, строка 12—263, строка 2. *Вместо* — Боже мой! Из чего вы бьетесь ∞ «зачем я хожу?» *читается*: — У вас все сочинено, — сказала она запальчиво, — и честность, и ваши понятия, будто бы почерпнутые из натуры, — все это добыто вон из этих новых книг, вот что вы мне давали, потому, что они новые. Вы кинулись на это, не жили никогда этими правилами и, прежде нежели узнали опытом, можно ли по ним жить, стали ломать все прежнее из самолюбия, из страсти к новизне — ищите роли героя, передового человека, мученика,¹³ когда никакой муки не надо — и мучите себя и меня. А жизнь проста... У нас все разное с вами — мы должны были расстаться давно — я все надеялась... даже еще сегодня...

— Надеялась переделать меня, заразить своими убеждениями, бедная Вера!

— Да, бедная! Поздно я заметила свою ошибку: мне трудно будет возвращаться... Да, я надеялась, что силой вашего ума и моего чувства вы выйдете из этих потемок — и увидите, что жизнь не то, что вы думаете.

— Куриная жизнь, с гнездом и цыплятами — как Марфинька. Я думал тоже, что вы не курица, что ваш ум, порыванье к свободе, жадность читать, знать — все это отведет от мертвого болота и куриного гнезда на свежий воздух. Досадно! — стиснув зубы, сказал он. — Вы в какой же свет хотели вывести меня: туда, — сказал он, указывая на гору, — в горod мертвецов и тупоумных?

— Да, я надеялась на свою силу, — сказала она, склоняя голову.

— Хорошо, если б вы только на это надеялись, мы бы и решили дело давно... — сказал он, — не сходились бы глупо и не расходились бы еще глупее...

— А я думала, что любовь выведет вас из этой лжи, что самолюбие уступит чувству, что сила его сильнее вашей «грядущей силы».

— Послушайте, Вера, — оставим полемику — вашими устами говорит та же бабушка, только, конечно, иначе, другим языком. Все это годилось прежде, а теперь потекла другая жизнь, где не авторитеты, не заученные понятия, а правда пробивается наружу...

— Правда без правил, без религии, без опыта... без прошедшего... вы из глины под ногами делаете жизнь как горшки... — Она покачала головой.

— То есть без квасных убеждений! Послушайте, Вера, я уж сказал, что с другой я бы не стал возиться так долго; не дал бы ей ломаться.

— Я ломаюсь? — говорила она выпрямляясь.

— Погодите, — остановил он ее, — вы знаете, что я этого не думаю: я не то хочу сказать — с другой я решил бы дело так или иначе. — Мы были бы счастливы год, два, а потом разошлись бы — кто куда знает...

Она встрепенулась от нетерпения.

— Погодите, — опять остановил он ее, — но у вас, — продолжал потом, — с этим простым делом, с любовью, связана чуть не вся жизнь. Вы вон умудрились сделать из этого долг, а я долгов не признаю, точно так же, как и жертв. Да их и нет, по правде сказать... Если кто приносит жертву, так значит — она нравится ему самому — и он не даром приносит ее...

— Знаю, знаю! — с утомлением сказала она.

— Но вы знаете также, что я вас люблю! — сказал он пылко, бледнея и подступая к ней. — Зачем вы томите меня, зачем боретесь со мной и с собой — и в самом деле делаете две жертвы? Что я дался вам? вы будто играете!

Она печально улыбнулась и вздохнула.

— Странные упреки: поглядите на меня хорошенько — мы несколько дней не видались — какова я? — сказала она.

— Я вижу, что вы страдаете, и тем это нелепее. Зачем же ходили и ходите еще сюда?

— Да, этот вопрос давно мы должны бы были сделать себе оба, — сказала она — и тогда, ответив на него искренно, друг другу и самим себе, не ходили бы больше. А теперь... поздно: впрочем, лучше поздно, чем никогда. Мы сегодня должны один другому ответить на это... Я хожу за тем же... зачем и вы... — добавила она.

— Там, где люди, — сказал он, — бросаются друг к другу, забывают весь мир и наслаждаются, вы, как бедная невеста перед богатым женихом, увертываетесь, резонируете, маните меня брачными узами...

Он топнул ногой с досады, так что доска сильно привскочила другим концом и со стуком упала на место.

— Я хочу вашей любви и отдам вам свою — вот одно правило в любви, указанное природой, — это взаимность: не насиловать привязанности, а свободно отдаваться впечатлению — вот мой ответ на вопрос, зачем я хожу.¹⁴

VI, 264, строки 4—21. *Вместо* Мы сошлись ∞ нет корня... *читается*: — Как мы ни стараемся удалить все препятствия, которые мешают нам обоим быть счастливыми, — мы не можем. Я повторю, что у нас, Марк, — бледная, слабым голосом говорила она, — и логика и честность разные. Я думала, что все это наносное в вас — пройдет, уступит место настоящей жизни, что вы наконец по чувству приличия будете уважать те авторитеты и те правила, которыми живет все около вас, а вы и этого не умеете. Клеймите грубо презрением и бранью все, что не соглашается верить вашей вере: я просила для меня воздержаться хоть от этого, и того не достигла...

— Да вон они верят в души, даже в мертвецов (вон моя хозяйка дьячиха Бурдалахова смертельно боится их), — говорил он, — это тоже убеждения, так велите мне уважать и их? Все это мертвое, а я ищу жизни...

— Жизнь не растет у вас из земли: у ней корня нет.¹⁵

VI, 265, строка 10. *После* Вы поддавались моему... влиянию <...> *читается*:

— Красоте вашей — да — проклятое влияние! — прошептал он.

— И только красоте? — с упреком сказала она.

— Нет, Вера, — взяв ее за руку, сказал он, — это неправда, и Райский сильно прав, ставя вас на пьедестал... воспевая ваш ум — у вас две силы — иначе нелегко бы покорить меня... я люблю вас... — почти с испугом прошептал он и почти со злобой кинул фуражку на стол и начал драть волосы крепкими ногтями. — «Ах!», — сказал он с яростью и пошел было по доскам, но раздалась «чертова музыка» половиц и он опять сел.¹⁶

VI, 270, строки 17—18 снизу. *После* <...> равную его настойчивости *читается*: Она не признала его правды, считала мелочью этот свет, который он больше года старался волнами разливать, как Райский поэзию, и удержалась в пределах старой, «отжившей», по его мнению, правды, не оставаясь «тупоумною», слепо поддающеюся старой морали, словом «мертвецом», а осмысливая свою старую правду, понятия, силами своего ума, здравого смысла, своею волею и оставаясь твердою там, где пошатнется всякая женщина среди горячей и глубокой страсти, которою была охвачена.¹⁷

Часть V

VI, 319, строки 8—10. *Вместо* Она посмотрела на него ∞ в стол *читается*: Она помертвела на минуту, сказала, что ответа не будет, а письмо спрятала нераспечатанным в стол. И была тверда, не распечатывала, хотя внутренне ее жгла жажда узнать, что он. . . Но она сказала — «никогда» и себе, и Райскому, и Тушину — убедилась, хотя поздно и гибельным опытом, в неизбежности этого «никогда». ¹⁸

VI, 357, строки 5—1 снизу. *Вместо* Она заглянула ∞ никогда не узнает! *читается*: Нет, не смеет! Я свободна! У него нет прав на меня, — говорила гордость и досада в ней. — Я обманулась, а не обманута, упала от собственного бессилия, а не от его силы, увлеклась, а не увлечена, не побеждена. . . Он знает это и сам говорит, что мы — противники, — я отстояла свой идеал человеческого счастья и не променяла его на волчий идеал, отстояла свою свободу. Он не смеет!

Она тяжело перевела дух от этих воспоминаний.

— А если смеет: если в письмах вызов туда — на дно обрыва?

Она поникла головой от горя и стыда. «Заслуженная дерзость! — думала она, — и я не могу отвечать на нее презрением, гордым молчанием, не читая отослать письма. . . Не смею отдать их и бабушке не читая: ей — опять горе! Бог знает, что там. Может быть, он грозит, требует, надеется, что я оглянусь. . . Оглянусь?» — спросила она себя с горечью и слушала, что в ней: бьется ли сердце? чего хочет оно? тянет ли ее оглянуться, как в тот вечер?

Но внутри ее пусто, тихо, как в могиле.

Нет желаний, надежд, никакого позова к счастью. . . Одна горечь, следы будто отравы от выпитого яда. ¹⁹

VI, 360, строки 9—6 снизу. *Вместо* «Все забыла!» ∞ Она спустилась <. . .> *читается*: Она с удивлением припоминала, что писала длинные письма к нему. . . к чужому! . . писала часто, говорила много, живо, горячо, страстно, с слезами, радостью и горем. . . умоляла, упрекала. . .

«Страстно! с слезами! с радостью! с тоской!». Все это было. Отчего же теперь не могу. . . Где это все? Мне нечего сказать — какого ответа ждет посланный? У меня один ответ: не могу, сил нет, ничего нет во мне!

«Он не поверит: посланный придет опять. . . Потом придет сам. . . Боже мой! какое истязание!», — повторила она и торопливо спустилась <. . .>. ²⁰

VI, 361, строки 5—6. *После* Про великодушие нечего ему говорить: волки не знают его! . . *читается*: Не пощадил же он ее в минуту слабости; пощадит ли теперь ее положение, немощь? . . Он даже не понимает, что с ней: ^к Сердца нет: он сам отрекался от него. Иначе бы он щадил ее, бежал бы и спрятался бы куда-нибудь в темноту, терзаясь за ее и свою слабость, за неуменье быть счастливым. А он щелкает зубами и манит опять в волчью яму! ^л Где же силы, где гордость у него? Соблазняет обжигами страсти, как будто они, эти обжиги, и есть счастье. ^м, ²¹

^к Далее зачеркнуто У него сердца нет, следовательно нет и прямой честности, а есть искусственная, выдуманная для обихода.

^л Далее зачеркнуто Венчаться! Как будто все дело в венчанье!

^м Далее зачеркнуто Мелкий, жалкий, односторонний, слепой, без чутья и слуха — не прозрел на истину и не дорос до великой, всюду разлитой силы — любви. Это непризнание любви — эти спесь и ломанье перед нею — самолюбие мальчиков, притворяющихся взрослыми! Ужели эта «грядущая сила» и подвиги ее — лишены любви. Стало быть, изгнана жизнь оттуда — о, пустые болтуны. И зовет венчаться: как будто счастье в венчанье!

Пойти самой, увидеть его, сказать ему это в лицо, отвернуться и уйти. . . — думала она, хватаясь, как бывало, за мантилью, за пальто, когда торопилась

VI, 361, строки 13—15. *Вместо* <...> садилась на диван ∞ Вере хотелось бы избежать этого *читается*: <...> садилась на диван и не знала, что делать. Ей бы хотелось куда-нибудь уйти, далеко, забыть все. А он напоминает, пишет, зовет, обещает.

Страсть его была и прежде не тайной для нее. Гордости ее не льстили его уступки. Она чувствовала в последних свиданиях, что он сдался бы на все, что предлагал теперь. Но она мечтала не о сделке: не благовидный договор был идеалом ее счастья. Она бежала не от упрямства его, а от своего разочарования в том, что человек, в которого она верила, и счастье, которого требовала, — обратились в призрак. И теперь ей ничего не нужно, ничего: только забвения и покоя. Она готова была просить этого как милостыни. Но поверит ли, послушает ли он ее? поймет ли, что страсть ее разрешилась безнадежным «обрывом» счастья и что возврат для нее невозможен.

Две недели прошло — как мало времени! а между тем как много уложилось в них! Перед ней мысленно пронеслась вся история ее казни, вся драма и все участники и жертвы драмы — все встало около нее. Она переживала в эти полчаса все, что совершилось в две недели, что обессилило ее и повергло в тихое оцепенение, не покой, а в дремоту изнеможения. Она все забыла, как забывает человек, вышедший из горячки, мучившие его галлюцинации. Марк являлся ей теперь не живым человеком, а как галлюцинация.

Она только, как в летаргии, видела и понимала, что происходит около нее, и не могла сама двинуться, пошевелить пальцем. Она только закрывала глаза от призрака.

В письмах Марка она прежде всего поняла, что он зовет, ждет, грозит прийти сам — и чувствовала неловкость положения, страх грубой обиды, огорчения — и то не себе, а бабушке. Этот страх или беспокойство было главным ощущением в ее до того измученном организме, что она не может даже написать ему, чтоб отвратить это огорчение.

Да еще видела и понимала она как во сне, что он в письмах манит ее опять к хмельному счастью, надеясь, конечно, что молодой организм не устоит против ее искушений, что «убеждения» не удержат наверху, а страсть толкнет ее опять с обрыва уже навсегда, что даст им счастье, как он его пошмает, а не ту несуществующую любовь, в которую она верует.

Он, в своем неверии, не понимал, что эта самая вера ее в любовь оставила в ней только след отравы, заглушивший хмель.

Вера чувствовала, кроме страха и беспокойства от его писем, удары, наносимые ее самолюбию, гордости, стыдливости — но удары эти казались ей слабы после всей перенесенной муки.

Она чувствовала какой-то паралич, мешавший ей не только сделать шаг, но даже пожелать чего-нибудь. В эту минуту она сознавала только неотложную необходимость дать знать... этому человеку, которого она даже мысленно перестала звать по имени... дать ему понять, если... он способен понять об упадке ее сил, о том, как ей нужна пощада... чтоб он узнал, как дико его требование. Но как дать ему понять? Этого ни понять, ни рассказать нельзя, если он сам не понимает, что такое они теперь друг для друга?

Ей все кажется уже давно прошедшим: совершившийся переворот был так тяжок и силен, как была сильна сама страсть. Он отнял у ней, вместе с надеждами, все силы, отнял почти охоту жить! «Как он не понимает, что со мной! — твердила она в изумлении, — и как я скажу ему, а сказать надо! Что сказать?».

к обрыву. Руки не повиновались ей. Те же тяжесть и слабость захватывали у ней дух и отталкивали прочь от шкафа с платьем, как от письменного стола. Она стояла бледная, как статуя, тяжело дышала, [томясь] волнуясь каким-то повым, тяжелым, невыносимым чувством. И послушает ли он этих слов тоски.

Разве не ясно все сказано между ними? Разве не осветился до глубины перед ними бесконечный разлад? Разве страсть... Что такое страсть? Это та борьба, то горение на костре... Предлагает венчаться, когда она не постигает возможности видеться!

Едва она представит себя на скате обрыва, потом вниз, — ее одолевает уже тягость. Она теперь знает, что при свидании она упала бы без чувств, не могла бы взглянуть на него, сказать слово — не от ненависти, она его не ненавидит, ни в чем не обвиняет, не жалуется и не ропщет даже про себя — а от необъяснимой ей самой и непреодолимой тоски, от какого-то неизвестного, но жестокого страдания. Человек, которого зовут Марк Волохов, как будто не существовал никогда, стал для нее каким-то мифом. Чем она больше вдумывалась в свое настоящее положение, в эти две недели, тем он уходил от нее дальше, бледнел, исчезал, отчуждался, будто умирал, и около нее вставали толпой и росли и закрывали прошлое брат Борис, Тушин, бабушка, Марфинька, весь домашний мир.^н Ее могло бы успокоить одно — ни слуху, ни духу о нем. А ей надо уведомлять его — видеть или писать. — Она не может: не только писать, даже продиктовать. На свидание ее надо бы было нести.

Что делать?

«Бабушке сказать», — шептал ей голос. Да, непременно. Она теперь знает, что такое бабушка, теперь они — не две разные женщины: это одна душа, один ум и воля, но на стороне бабушки сила, она владеет собой, а Вера упала духом и встает медленно.²²

VI, 386, строки 20—21—388, строка 17. *Вместо* Марк, как ни ускользал, а дал ответ! ∞ опять в юнкера, с переводом на Кавказ *читается*: Марк из гордости не хотел дать ответа и между тем дал. — «Подите к черту!», — прошептал Марк, глядя по-волчьи на Тушина. Тушин не расслышал и, глядя на него вовсе не по-медвежьи, задумался.

— Извините, если я остановлю вас на минуту и заговорю от себя... — сказал он.

— Что вам надо? — спросил не оборачиваясь Марк.

— Куда вы отправитесь отсюда?..

Марк оборотился и поглядел на него, не понимая вопроса.

— Вам мало, что я уйду — вы спрашиваете еще — куда? — сказал он. — Что вам за дело?

— Именно «дело». Если у вас нет ничего в виду... — начал Тушин, — никакого занятия... .

— Ну, так что же?

— Я пайщик в золотопромышленной компании и могу найти труд, хорошее место... .

Марк с удивлением посмотрел на него.

— Там нужны люди.

— Где там?

— В Сибири... .

— Мне еще рано туда... . Что это вы в великодушие играете? Хоть бы Райскому так!^о

^н *Далее зачеркнуто* Она удивлялась, как он не понимает и не разделяет этих чувств, как настаивает видеться, как у него поворачивается перо писать о счастье! Отчего он не делает того же, что она: не бежит прочь, как достает у него силы взглянуть на нее? Как он не понимает, что их путь — противоположный один от другого, в разные стороны, путь без конца, без встречи, что ее могло бы успокоить одно: ни слуху, ни духу об этом человеке и чтоб и он забыл ее лицо, имя и все происшедшее!

^о *Было*

— Где там? — спросил он.

— В Сибири... .

— Мне еще рано туда. Я не хочу на восток: мне надо на запад... .

— Я не играю.

— Ну, так ссылаете подальше от обрыва!

— Подите к черту! — шипел он, оборачиваясь в сторону, потом боком взглянул на Тушина, дотронулся до фуражки и скрылся в ельник.

Вечером за чаем у Татьяны Марковны — когда Вера устремила на Тушина беспокойный и вопросительный взгляд, он отвечал ей молча же наклоном головы и успокоительным взглядом.²³

¹ В публикуемых фрагментах сохраняется гончаровское написание имени Мар-феньки.

² ИРЛИ, ф. 163, оп. 1, ед. хр. 84. Рукопись 17-й главы, л. 40 об.—41 архивной пагинации, л. XVIII — авторской пагинации. Глава написана в период от 29 июня (11 июля) до 16 сентября 1860 г.: см. письмо Гончарова к Е. А. и С. А. Никитенко от 29 июня (11 июля) 1860 г. (Литературный архив, т. IV. М.—Л., Изд. АН СССР, 1953, с. 138) и его же письмо к А. В. Никитенко от 18 (30) июля 1860 г. из Дрездена, где Гончаров сообщает, что помимо «тетрадки», написанной в Мариенбаде, он написал «еще тетрадку уже здесь» («Русская старина», 1914, № 2, с. 418). Глава 17 находится именно во второй «тетрадке». См. также: Никитенко А. В. Дневник, т. II. М., Гослитиздат, 1955, с. 151 (запись от 16 сентября 1860 г.). Здесь и далее главы датируются с учетом тех сведений о времени написания отдельных листов рукописи (с указанием номера и пересказом содержания), которые приводит Гончаров в письмах к друзьям.

³ Рукопись 17-й главы, л. 42 архивной пагинации, л. XIX — авторской. В основном запись на полях.

⁴ Рукопись 18-й главы, л. 7 об.—8 архивной пагинации, л. 7 — авторской. Зачеркнуто. Относится, вероятно, к ранним материалам (до 1865 г.). Здесь и далее воспроизводятся лишь принципиально важные для уяснения авторской мысли варианты.

⁵ Рукопись 23-й главы, л. 19 об. архивной пагинации, л. 13 — авторской.

⁶ Рукопись 23-й главы, л. 19 об. архивной пагинации, л. 13 — авторской. В основном запись на полях. Так же как предыдущий и следующий, этот фрагмент относится, вероятно, к ранним главам романа.

⁷ Рукопись 23-й главы, л. 19 об. архивной пагинации, л. 13 — авторской. Запись на полях.

⁸ Первоначальная редакция начала 1-й главы IV части, л. 3—4 архивной пагинации, частично — запись на полях. Все зачеркнуто. Готовя роман к печати зимой 1868 г. (см. письмо к Стасюлевичу от 4 декабря 1868 г.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV. СПб., 1912, с. 54), Гончаров отказался от подробного изложения спора Марка и Веры, о чем говорит и его помета (зачеркнутая на л. 3 архивной пагинации): «Не годится этот лист: разве кое-что взять». Резко сократив этот эпизод, Гончаров изменил нумерацию листов рукописи, перенес начало, бывший 1-й лист сократил вдвое и сделал вторым, а бывший 2-й — третьим (см. л. 1—6 архивной пагинации). О том, когда и при каких обстоятельствах была написана эта глава, Гончаров сообщал М. М. Стасюлевичу 6 (18) июня 1868 г.: «Прошлого года, в Мариенбаде <...> я успел нацарапать два-три листа огромных и потом бросил их, как никуда не годные, потому что еще не знал, как разрешится мой узел, остановивший меня. А теперь, когда вспомнил весь свой план (к которому приросло многое, что отчасти сказал Вам в вагоне и чего еще не говорил), вдруг по прочтении этих трех больших листов нашел, что листы эти для меня драгоценны, что в них Марк весь как вылитый — и Вера тут же и что без этого дальше даже и писать нельзя.<...> Да, я не пишу роман — Вы правы; он пишется и кем-то диктуется мне. Я уже не стал читать старых тетрадей, как хотел было сначала, а бросил дальше и в то же утро, т. е. вчера, написал еще два-три листика, небольших, но уписистых <...>» (т. е. л. 4—6 авторской пагинации) (М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV, с. 14). Здесь, как и во всех последующих спорах Марка с Верой, в их обращении друг к другу путаются «ты» и «вы»; первоначально везде было «ты».

⁹ Рукопись 1-й главы, л. 4 об.—5 архивной пагинации, л. 2 (бывший л. 1) — 3 (бывший л. 2) — авторской. Частично запись на полях.

¹⁰ Рукопись 1-й главы, л. 4 об. архивной пагинации. Запись на полях.

¹¹ Русский перевод «Критики чистого разума» Канта вышел в 1867 г. Кроме перечисленных в основном тексте авторов, книгами которых интересовался Марк, в рукописи названо также имя Д.-Ф. Штрауса (1808—1874), автора книги «Жизнь Иисуса» (изд. 2-е. Лейпциг, 1864), оказавшей значительное влияние на развитие антирелигиозной мысли. Книги Штрауса Волохов давал читать гимназистам (рукопись 4-й главы III части, л. 24 об.).

¹² Рукопись 12-й главы, л. 39 об.—40 об. архивной пагинации, л. 23 — авторской. Частично запись на полях. Главы 9—12 (л. 17—25 авторской пагинации) написаны в период от 24 июня (6 июля) до 4 (16) июля 1868 г. (М. М. Стасюле-

вич и его современники в их переписке, т. IV, с. 27; Гончаров И. А. Собрание сочинений в 8 томах, т. VIII, с. 390).

¹³ Один из многих в рукописи намеков на евангельское происхождение имени Марка и на претензии Волохова на роль апостола. Вера напоминает о мученической кончине Марка-евангелиста. Гончаров, вероятно, имеет в виду также и его роль как истолкователя речений апостола Петра (по преданию, «Петр рассказывал, Марк писал»), т. е. указывает на ученический, несамостоятельный характер программы Волохова.

¹⁴ Рукопись 12-й главы, л. 40 об.—41 об. архивной пагинации, л. 23—24 — авторской. Значительная часть записана на полях.

¹⁵ Рукопись 12-й главы, л. 42 архивной пагинации, л. 24 — авторской. Частично запись на полях.

¹⁶ Рукопись 12-й главы, л. 42—42 об. архивной пагинации, л. 24 — авторской.

¹⁷ Рукопись 12-й главы, л. 43 об.—44 архивной пагинации, л. 25 — авторской. В основу 1-й и 12-й глав IV части во многом положено письмо Гончарова к Е. П. Майковой от 16 мая 1866 г., в котором писатель изложил свои основные претензии к молодому поколению, вызванные, в частности, знакомством Гончарова как цензора с работами Д. И. Писарева, особенно с его статьей «Новый тип» («Русское слово», 1865, № 10), посвященной роману Чернышевского «Что делать?». В письме к Майковой нетрудно узнать некоторые положения этой статьи, с негодованием и иронией изложенные Гончаровым (опубликовано в кн.: Чечена О. М. Создание двух романов. Гончаров и шестидесятница Е. П. Майкова, с. 140—149). Рассуждения Волохова о «честности» и «логике» (VI, 387) прямо связаны со статьей Писарева, где критик писал: «<...> в образе действии Лопухова не было таких проявлений героизма, которые вызывались бы над уровнем простой *честности*, обязательной для каждого порядочного человека. Лопухов только развил в своих поступках тот ряд последствий, который совершенно логично и неизбежно вытекает из его первого решения, а *логичность* и последовательность поступков составляет, конечно, прямую и неотразимую обязанность каждого человека, способного распоряжаться своим головным мозгом» (Писарев Д. И. Сочинения в четырех томах, т. IV. М., Гослитиздат, 1956, с. 36—37; см. также с. 34; курсив мой, — Л. Г.).

¹⁸ Рукопись 6-й главы, л. 21 архивной пагинации, л. 39 — авторской. Частично запись на полях. Написано до 7 августа (26 июля) 1868 г. (см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV, с. 44).

¹⁹ Рукопись 12-й главы, л. 46—46 об. архивной пагинации, л. 53 — авторской. Эта и последующие главы написаны после возвращения Гончарова в Петербург осенью 1868 г. В письме к С. А. Никитенко Гончаров сообщает ей: «У Вас 28 листов, да я еще написал листов 17. Если Вы по-прежнему дружески расположены к моему труду, то не возьмете ли продолжение к себе? Я вчера для этой цели (т. е. в надежде, что Вы возьмете благосклонно) передал листов 14 (с 29 по 43 включительно) Михайле Матв. Стасюлевичу в запечатанном пакете для вручения Вам» (ИРЛИ, ф. 134, оп. 8, № 11, л. 70 об.). Письмо не датировано, имеет лишь помету «четверг». Гончаров вернулся в Петербург в конце августа 1868 г. По упоминанию «именинника», которому Гончаров собирался писать «особо», датирую письмо 29 августа: на 30 августа (старого стиля), пятницу, приходились именины Александра Васильевича Никитенко, которого Гончаров никогда не забывал поздравить. С. А. Никитенко писатель передал рукопись V части, включая 9-ю главу (л. 43). У себя он оставил л. 44—45 с первым вариантом 10-й главы, содержавшей «взаимную исповедь» бабушки и Веры. На л. 46 и далее записан второй вариант этой главы, также не удовлетворивший автора. А. Г. Цейтлин напечатал, очевидно, 3-й или 4-й вариант этой главы, переписанный С. А. Никитенко, правленный Гончаровым, но так и не вошедший в основной текст «Обрыва» (см.: Гончаров И. А. Неизвестные главы «Обрыва». М., 1926). За л. 45 следуют еще пятнадцать листов (до л. 61 авторской пагинации с пропуском л. 48), написанные на той же бумаге, что л. 9—28 (авторской пагинации) IV части и все предшествующие 45-му листу V части. На л. 61 (заполненном до половины) заканчивается рукопись в архиве Е. А. Ляцкого. Главы 18—23 V части и не вошедшие в роман главы, содержащие еще один вариант «взаимной исповеди» Веры и бабушки, а также глава, посвященная визиту Райского к Волохову (см. публикация А. Г. Цейтлина), находятся в фонде А. В. Никитенко (19521. СХХХб. 4). Листы, на которых они записаны, имеют особую (начиная с первого) пагинацию. Это, по-видимому, объясняется тем, что главы 10—17 были написаны Гончаровым сразу после возвращения в Петербург, в сентябре—ноябре 1868 г. Остальные главы (в дошедшей до нас редакции) написаны, вероятно, позднее, в декабре 1868—феврале-марте 1869 г. Так, 23-я глава, где Райский начинает писать свой роман, безусловно написана после 7 декабря 1868 г., когда Гончаров принял решение «снять вовсе» эпиграф к роману, уже напечатанный на первом пробном листе «Обрыва», и «поместить» его «внутрь весы, в уста Райского» (см.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке, т. IV, с. 56).

²⁰ Рукопись 12-й главы, л. 48 архивной пагинации, л. 54 — авторской. Частично запись на полях.

²¹ Рукопись 12-й главы, л. 48 архивной пагинации, л. 54 — авторской. Частично запись на полях.

²² Рукопись 12-й главы, л. 48 об.—49 архивной пагинации, л. 54 — авторской. Частично запись на полях.

²³ Конец черновой редакции 17-й главы, л. 62—62 об. архивной пагинации, л. 61 — авторской. В этой редакции отсутствует водеvilльный финал — отъезд Волохова на «гибельный Кавказ», вызвавший удивление и возмущение многих современников Гончарова (в частности, А. М. Скабичевского, см. его статью «Старая правда» в сб.: И. А. Гончаров в русской критике. М., Гослитиздат, 1958, с. 308).

К. С. АКСАКОВ

ПИСЬМА К М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

Публикация Е. И. Анненковой

Мы мало знаем о жизни и деятельности молодого К. С. Аксакова (1817—1860), совсем не похожего на правоверного славянофила последующих лет. В этом отношении первостепенный интерес имеют его письма к М. Г. Карташевской. Мария Григорьевна Карташевская (1818—1906) была дочерью Надежды Тимофеевны Карташевской, сестры его отца — С. Т. Аксакова, вышедшей вторично замуж за Григория Ивановича Карташевского. В одном из писем к кузине К. С. Аксаков признавался: «Верно нигде, ни в каком сочинении, не выразился я столько, как в письмах моих к вам, тут я весь...».¹ Действительно, эти письма — скорее дневниковые записи (почти каждое из них Аксаков продолжал писать в течение нескольких дней), воссоздающие внутренний мир романтика и гегельянца. Аксаков второй половины 1830-х годов сохраняет дружеские отношения с университетскими товарищами, с кружком Н. В. Станкевича, и прежде всего с В. Г. Белинским. В 1835—1836 гг. он публикует свои стихи в выходящих под редакцией критика журналах «Телескоп» и «Молва» (позднее, в 1838—1839 гг., и в «Московском наблюдателе»). Аксаков увлечен поэзией Шиллера и «сказками» Гофмана, читает Гердера и французских историографов.

Публикуемые письма запечатлели характерные для романтиков 1830-х годов восприятие мира и поэзии, установленную строгую иерархию поэтических ценностей (не случайна максимальная идеализация Шиллера и полнейшее неприятие французской литературы). В письмах представлен чрезвычайно интересный образец романтического мышления, в последующие годы самим Аксаковым почти утраченного.

Переписка К. С. Аксакова с М. Г. Карташевской началась в феврале 1836 г.² Однако родители Карташевской уже в 1837 г. попытались если не прекратить переписку, то во всяком случае ее ограничить. Григорий Иванович писал Аксакову: «Благодарю вас за письма к Машеньке <...> Но не давайте ей такой пищи, которой слабый ее желудок не сварит. Куда возиться ей с метафизическими понятиями о времени, о существовании и проч. <...> Женщина рождена более для спокойного семейного круга: в нем все ее счастье».³ Об этом же беспокоилась и Н. Т. Карташевская: «Прошу тебя, мой друг сердечный, не наполнять голову Машеньки мечтательностью <...> прошу тебя, перемени твой род писем».⁴ Летом 1838 г. К. С. Аксаков уехал за границу, откуда Карташевской писал уже редко.

В 1840—1850-е годы М. Г. Карташевская продолжала переписку с его сестрой — В. С. Аксаковой.⁵

Из 68 писем К. С. Аксакова к М. Г. Карташевской, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом), ф. 173, 10604.XVc.1, мы публикуем первые 5 писем 1836 г.

¹ ИРЛИ, ф. 173 (архив А. Н. Маркевича), 10604.XVc.1, л. 75 об.

² В ИРЛИ хранятся и письма М. Г. Карташевской к Аксакову (44), шифр ф. 173, 10605.XVc.2.

³ ИРЛИ, ф. 173, 10733.XVIc.90, л. 1—1 об.

⁴ ИРЛИ, ф. 173, 10723.XVIc.80, л. 1—1 об.

⁵ Орывки из писем М. Г. Карташевской к В. С. Аксаковой см.: Литературное наследство, т. 58. М., Изд. АН СССР, 1952.

Милая Машенька!

Много мне есть чего написать к вам, но напишу ли много — не знаю, не всегда слова слушаются мыслей.

В то короткое время, которое я пробыл с вами, мы успели переговорить о многом; вы, кажется, успели узнать меня со всех сторон, потому что я не скрывался перед вами и рассказывал вам все мои мысли, мои мечтания, описывал вам все состояния, в которые приходит дух мой: безотчетную горесть, безотчетную радость. Не знаю, были ли всегда занимательны мои разговоры, но вы, казалось, слушали меня внимательно, вы не показали ни разу ни малейшего знака нетерпения, когда я заговаривался слишком долго; может быть, многое казалось вам смешным, но вы не сказали ни одного слова, которое могло бы оледенить меня в минуту одушевления, вы ни разу не оскорбили моего чувства — нет: вы даже принимали участие в словах моих, — благодарю вас.

Из Москвы я буду точно так же писать к вам, как бы я говорил, стоя перед вами; из-за семисот верст вы услышите те же речи, которые так часто слышали сидя за рисовальным станком, за фортепьянами, после обеда в спальней, где собирались тетенька, дядинька и отесинька, за утренним и вечерним чаем. Я надеюсь, что и вы также будете писать ко мне и что мы будем продолжать на бумаге наши вечные споры.

На другой день нашего отъезда мои чувства пришли в такое раздражительное состояние, что я готов был (сказать стыдно) плакать от всякой безделицы. Всякий стих, который я ни проносил тогда, чувствовал я вдесятеро сильнее, и от всякого, сколько-нибудь грустного или мелодического стиха навертывались у меня слезы. Это раздражительное состояние достигло высочайшей степени, когда мы приехали в Новгород; я пошел к вечерне, и звон колоколов, простота и величественность храма, церковное пение произвели на меня сильное влияние, я никогда не бывал так растроган и умилен душою в церкви, как тогда. Когда же я возвратился в гостиницу, где мы остановились обедать, когда отесинька вышел за чем-то к трактирщику и я остался один, тогда я хотел прочесть стихи Державина и заплакал настоящим образом. Долго еще после продолжалось это состояние, но на другой день я почувствовал себя опять как прежде. Вы говорили, Машенька, что на вас находят минуты, когда вам хочется плакать, и вы сами не знаете, о чем; вы же говорили, что вы стараетесь удалять от себя такие минуты. О, нет! Это святые мгновения! Поверьте, что в то время, когда глаза ваши наполняются безотчетными слезами, в то время все небесное, прекрасное ближе, понятнее, доступнее вам. Не гоните от себя эти мгновения; они и так редко посещают человека; ловите, ловите их: они освежат, утешат душу вашу, и благо, благо тому, кого они не перестают навещать. Вот, вот они, эти минуты поэтического вдохновения, вот почему поэт тоскует на земле, временем только ощущая в себе мир другой, блаженный, неизвестный. Итак, Машенька, я уверен, что вы не будете больше подавлять в себе безотчетную тоску. Так ли?

Вчера вечером я был у своего Кобылина;¹ приехал к нему в семь часов и просидел до двенадцатого. Несмотря на наше общее презрение к нежностям и к изъявлениям своих чувств, он мне обрадовался *видимым образом*. Мы толковали с ним о том, что не должно быть ласковым друг с другом. *Да кажется, мы с тобою в нежности и не пускаемся,* — сказал он мне; *да кажется,* — отвечал я; *нежности, несовершенно выражая чувство, профанируют его.* Нынче вечером пойду я к Станкевичу² и увижу круг тех своих приятелей, которые, как я вам сказывал, едва всем не убили у меня самолюбие, но которые, впрочем, прекрасные люди.

Мы приехали в Москву в субботу поутру; нас не ждали, и следовательно, чрезвычайно обрадовались. Верочка³ не очень здорова: у нее болят зубы. Вы в ней найдете достойную поборницу, и когда она соединится с вами, то мне трудно будет вести против вас войну; но я надеюсь к этому времени усовершенствоваться в диалектике, и мы увидим, чья будет победа. Я получил письмо от Сазонова⁴ из Женевы, в котором он говорит, что теперь Германия совсем не та, какую я себе ее воображаю.

Вот вам все московское, милая Машенька, теперь я спрошу вас про наших петербургских знакомых. Подарили ли вы Каролине Ивановне⁵ ваш альбом? Как она приняла его? Что говорит об этом Надежда Ивановна? Замолкли ли или нет рассуждения о дружбе и поэзии? В стихах, которые я вам оставил, есть ошибки, которых я не успел поправить. Теплова⁶ написала два новых стихотворения; я вам пришлю их, если хотите.

Прощайте, милая Машенька, истинно любящий вас и уважающий, двоюр<одный> брат

К. Аксаков.

Нынче я ел сыр; Верочка не выучилась еще резать *идеальные кусочки*, и потому я сам резал их себе кой-как: некому было другому.

Не правда ли, что этот мой почерк не похож на мой обыкновенный почерк: это от пера; как тут угадать характеристику?

Надеюсь получить от вас письмо, большое письмо.

Не все письма к М. Г. Карташевской датированы. Переписка началась в феврале 1836 г., сразу же, как только Аксаков вернулся из Петербурга, где вместе с С. Т. Аксаковым он гостил у Карташевских. Установление начальной даты подтверждается и некоторыми высказываниями К. С. Аксакова: в письме 13 он сожалеет о закрытии «Телескопа»; позже, в 1838 г., он прямо напишет: «Вспоминаю о том счастливом 1836 г., когда я был в Петербурге» (ф. 173, 10604.XVc.1, л. 162).

¹ Сухово-Кобылин А. В. (1817—1903) — драматург. Учился в Московском университете в те же годы, что и К. С. Аксаков. Записки Сухово-Кобылина к К. С. Аксакову (6) опубликованы в кн.: Гроссман Л. Преступление Сухово-Кобылина. Изд. 2-е, доп. Л., 1928, с. 265—266.

² Об отношениях К. С. Аксакова с членами кружка Н. В. Станкевича см.: Аксаков К. С. Воспоминание студенства 1832—1835 годов. СПб., 1914, 42 с.

³ Аксакова Вера Сергеевна (1819—1864) — младшая сестра К. С. Аксакова. Письма К. С. Аксакова к ней хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ, ф. 173, 10607.XVc.4; см. также: ф. 3, оп. 18, № 18. Письмо Веры Сергеевны к К. С. Аксакову находится в ИРЛИ, 10661.XVc.18.

⁴ Сазонов Николай Иванович (1813—1863) — товарищ К. С. Аксакова по Московскому университету (филологическое отделение); в 1834 г. уехал за границу. См. о нем: Sliwowska W. Nikolaj Sazonow. — «Slavia orientalis», Warszawa, 1966, № 3, s. 323—363.

⁵ Пейкер Каролина Ивановна — приятельница М. Г. Карташевской, дочь И. У. Пейкера (1784—1844), главного директора Межевого корпуса и Константиновского Межевого института, знакомого Аксаковых и Карташевских.

⁶ Теплова Надежда Сергеевна (1814—1848) — поэтесса. Первый сборник ее произведений, «Стихотворения Надежды Тепловой», вышел в 1833 г.; 3-е, дополненное издание относится к 1860 г.

2

<Февраль, 1836>.

Милая Машенька!

Я обещал вам прислать первые стихи, которые напишу в Москве, и, помня свое обещание, посылаю. О, как я жалею теперь, что нас разделяет такое большое пространство: мне самому бы хотелось прочесть вам стихи мои, я бы постарался все недосказанное дополнить чтением, выражением голоса, лица; тогда бы, может быть, вам бы приятно было слушать меня, но теперь не знаю, как понравится вам мое бедное стихотворение, которое отправится в Петербург вам одно, без своего сочинителя, без имени (я, право, не знаю, как назвать его) и еще так дурно переписанное. Вам, может быть, покажется странным, что у меня стихи не везде с рифмами, но я писал, как мне писалось, и не задумывался, чтобы при-

искать везде рифмы. Несмотря на все такие недостатки, я все надеюсь, что вы поймете то, что хотел я сказать, поймете это состояние души человеческой, в котором я так часто нахожусь; но вы мне напишете правду, вы будете искренни со мною, как прежде. Довольно о стихах.

Недавно вечером захотелось мне послушать музыки; я тотчас позвал Мишу¹ и посадил его за фортепьяно: он мне стал играть из Кеттли² и из Цампы,³ и я слушал его с большим удовольствием. У него точно есть талант; он сделал музыку на одну маленькую, детскую оперу, и там есть премилые мотивы. Я пришлю вам, может быть, что-нибудь им сочиненное, если он только будет уметь написать это на бумаге. Теперь, Машенька, должен я вам дать отчет в исполнении той комиссии, которую вы возложили на меня. Вы прислали <купить> нот на 40 р.; маменька оставила одну тетрадку, потому что на ней было клеймо Пепа, который имеет музыкальный магазин в Петербурге. Итак, на остальные ноты, т. е. на 32 руб. у Греффа⁴ я взял семь арий из Цампы, из которых в одной маменька вырезала второй куплет, ибо нашла его по справедливости не совсем приличным; увертюру из оперы *La Straniera* Беллини,⁵ которая мне нравится чрезвычайно; 3 вальса Бетховена, этого глубокого поэта-музыканта; его же сонату; новую фантазию Гуммеля;⁶ песнь сторожевой девы Верстовского⁷ и наконец романс, который мне не очень нравится, но который теперь в ходу и посылается вам как московская новость: это *Кисейный рукав* Толстого. Я пошлю вам еще Erlkönig,⁸ который у меня есть писанный (печатного я не нашел). Вот вам, мидая Машенька, сухой отчет; обратите больше внимания на Бетховена!

Весна, приходит весна. Чудное время! Весною я всегда как будто припоминаю что-то неясное, давно, давно прошедшее, вспоминаю живее, нежели когда-нибудь, и Аксаково и Надеждино,⁹ деревни, где прошло мое детство, а с детством моим, кажется мне, связан какой-то другой, таинственный мир, о котором я имею только слабое понятие, но в котором были и радости и печали. Часто я прихожу в состояние, в котором душа моя, кажется, бывала когда-то, и это, верно, было в том таинственном мире; часто, испытывая какое-нибудь ощущение, я думаю себе: я уже испытывал это, но когда? — о, верно, в то чудное, непостижимое время младенчества; мы еще не знаем, с чем, с какой странною границей оно; может быть, с нашею доземаю жизнью. Тогда мне бывает грустно и в душе моей

И тоска и сожаленье
По далекой стороне.¹⁰

Отесинька торопит меня писать поскорее, перо скверное; как это несносно! Право, милая Машенька, я не буду писать к вам в тот день, как должно отсылать на почту. Нет, я буду писать как мне вздумается, когда я почувствую желание, потребность поговорить с вами, и так вы будете получать от меня не письма, а род записок; и почему же не так: я пишу не для того, чтобы сообщать вам новости. Прощайте, милая Машенька, искренне вас любящий дв<оюродный> брат

К. Аксаков.

Не знаю, успею ли написать к Грише,¹¹ во всяком случае скажите ему, что я его обнимаю. Видите ли, Машенька, я не получил от вас еще ни одного письма, а написал уже два таких огромных. Надеюсь, что вы не оставите ни одно из них без ответа. Итак, прощайте, до следующего письма. Дядиньку и тетеньку целую.

К письму приложено стихотворение К. С. Аксакова. См. в кн.: Поэты кружка Н. В. Станкевича. М.—Л., «Сов. писатель», 1964 (Библиотека поэта. Большая серия), с. 322—324.

¹ Миша — Аксаков Михаил Сергеевич (1825—1841), младший брат К. С. Аксакова.

² «Кеттли» — переводной водевиль Д. Т. Ленского (1805—1860), драматурга и актера.

³ «Zampa, ou la Fiancée de marbre» («Цампа, или Мраморная невеста») — опера французского композитора Герольда (Hérolde Louis-Joseph-Ferdinand, 1791—1833), впервые поставленная в Париже в 1831 г. и пользовавшаяся большой популярностью.

⁴ Грефф — московский книгопродавец.

⁵ «La straniera» («Чужестранка») — опера известного итальянского композитора Беллини (1802—1835), написанная в 1828 г. для миланского театра «Ла Скала».

⁶ Гуммель (Hummel) Иоганн-Непомук (1778—1837) — известный немецкий пианист и композитор.

⁷ Речь идет о песне из оперы «Вадим, или Пробуждение двенадцати спящих дев» (1832) композитора А. Н. Верстовского (1799—1862). А. Н. Верстовский был близок с С. Т. Аксаковым.

⁸ «Erlkönig» («Лесной царь») (1782) — баллада Гете.

⁹ Аксаково, Надеждино — имения Аксаковых в Оренбургской губернии.

¹⁰ Несколько измененные строки из стихотворения К. С. Аксакова 1835 г. «Ангел светлый, ангел милый...», см. в кн.: Поэты кружка Н. В. Станкевича, с. 320.

¹¹ Гриша — Аксаков Григорий Сергеевич (1820—1891), брат К. С. Аксакова. В 1836 г. учился в Петербургском училище правоведения. В 1842 г. служил прокурором в Симбирске, в 1844 г. — товарищем председателя Гражданской палаты во Владимире; с 1850 г. служил в Петербурге.

3

27 фев<раля> <1836>.
Четверг, утро.

Милая Машенька!

Вот пришел и четверг, а все нет ответа на мое первое письмо; в четверг не приходит почта из Петербурга, и, верно, мы не получим нынче писем от вас, а разве завтра. Видно, вам не так хочется говорить со мною, как мне с вами. Я уж сказал в предыдущем письме, что буду писать не только при отправлении на почту, но и когда мне захочется побеседовать с вами: и потому я пишу к вам теперь.

Когда приехал я в Москву, то моя комнатка, моя студенческая келья, была занята дядинькой, Н. Т.;¹ но теперь он уехал, и я вчера переселился опять на прежнее место; опять поставил свой дубовый столик, изрезанный и испачканный чернилами, перед окошком, и теперь на нем пишу к вам. Вчера же повесил я вашу картинку на стену и, смотря на нее, живо вспоминаю то время, которое провел я — не в Петербурге, нет, но у вас в доме. Вчера я сидел целый вечер у окошка; как я люблю сумерки! Какое грустное, меланхолическое чувство наводят они. Вот что однажды написал я про это состояние (видите, милая Машенька, как я доверчив к вам: я вам смело пишу все, что может показаться странным, смешным, даже неестественным):

«Носитесь, носитесь вокруг меня, чудные призраки! Наполняйте мне душу, дайте забыться мне среди вас и глубоко, глубоко потонуть в тумане и слиться с вами! Все во мгле; только как-то странно на сердце: какие-то чудные непонятные ощущения пробегают по нем, и сердце тоскует о чем-то, и не знает о чем; и сердце хочет чего-то, и не знает чего; и слезы навертываются на глазах, а бог знает от чего! То мелькнет передо мною сельский дом и светлый пруд, и видятся румяные, вечерние облака, и слышится щебетание птиц, и бродят люди,

Одних уж нет, а те далече...²

то пронесется чей-то светлый образ, знакомый, виданный когда-то... душа встрепетается, помчится вслед за ним, и все это на минуту, и опять на сердце туман, и гуще, гуще он, и уже ничего не мелькает в нем, и забывается, и смутно, неясно, невыразимо мечтает душа... О, какое блаженное, таинственное состояние!...».

Как я жалею, что детство ваше прошло не в деревне! Вы много потеряли. Природа в то время доступнее нам; тогда она доверчиво раскры-

вает чистой душе младенца свои заветные тайны, кладет на него впечатления, нежно лелеет и развивает его чувство. Лета бегут, младенец растет; труды, заботы — удел его, жизнь внешняя, действительная затемняют в душе его светлые образы; но бывают иногда мгновения: вечером, утром, в тиши ночи, когда *прежнее*, одеянное мглою, встает тихо пред ним, — и в эти мгновения он снова возвращается к первым годам своей жизни; он силится перенестись в тот мир, и не может: ему остались только воспоминания, темные, неясные, о чем-то былом; отсюда эта тоска, эти предчувствия, эти безотчетные слезы; отсюда это непонятное, таинственное состояние, о котором я сейчас говорил вам.

Но я уверен, что душа ваша тотчас откликнется на язык природы (хотя вы и не с нею провели ваше детство), что и на вас наведет задумчивость и грусть шум деревьев.

О этот шум!
Как много он теперь наводит
Мне сладких и печальных дум.

Это отрывок из моих стихов, которые начинаются так:

Как живы в памяти моей
Мои младенческие лета,
Когда, вдали от шума света,
Я возрастал среди полей,
Среди лесов и гор высоких,
И рек широких и глубоких!³

Может быть, вам странно, милая Машенька, что я пишу все об одном и том же; но теперь у нас весна: вы извините меня. Весною я живу и чувствую вдвое, право.

Как медленно ходят письма; в пятницу или в субботу надеюсь получить от вас еще письмо. Я не пропускаю ни одного случая писать к вам, и это есть лучшее доказательство, как мне хочется говорить с вами.

Пятница.

Милая Машенька!

Вот и пятница, а письма все нет; на меня находит иногда раздумье: хотите ли вы отвечать мне? Но тогда вы можете без церемонии написать мне это. Как бы то ни было, я не думаю, чтоб оно было так, и потому опять говорю с вами.

Нынче, отправив к вам посылку и вложив в нее маленькое письмецо к вам, я взял Валленштейна Шиллерова, и зачитался. Чем более сближаюсь с Шиллером, тем более благоговею перед ним. Этот Валленштейн, неизъяснимый, таинственный, этот Макс, эта Текла...⁴ Удел истинного поэтического создания есть тот, что об нем нельзя дать совершенно верного понятия никакими другими словами, кроме тех, в которых оно само выразилось, и потому, погодите, Машенька, вы приедете в Москву, и мы прочтем вместе, по-русски, Валленштейна.

Нынче поутру я спорил с дядинькой, А. Т.,⁵ о *воображении*. Вы знаете мои мысли. Я думаю, что воображение не имеет никакой самостоятельности, что оно равно у всех и есть не что иное, как орудие нашей души. Многие говорят: *игривое, холодное воображение*; но здесь не воображение виновато, а тот человек, который им действует; человек холоден, и воображение холодно; человек пылок, и воображение пылко и т. д. Оно стоит на границе нашей души и тела; чрез него беспрестанно сообщаются мир внешний и внутренний; без него они не могли бы разуместь друг друга; но оно здесь не что иное, как орудие этих двух миров и, само по себе, принимает во всем этом такое же сильное участие, какое наборщик в сочинении, которое он печатает; какое топор, когда плотник строит себе

избу. Воображение не имеет творческой силы; оно есть только проводник, посредством которого человек сообщается с своим внутренним миром. Во глубине души нашей зарождается мысль; но для того чтобы она перешла в наше сознание, т. е. была бы нам понятна, для того нужно, чтобы эта мысль приняла форму, образ, который и дает ей наша душа чрез *воображение*. Я уверен, что нет ничего такого, чего бы один человек мог вообразить, а другой — не мог: следовательно, способность воображения равна у всех. Разница в том, что одному человеку и в голову не приходит вообразить то, что другой часто воображает; но это зависит не от свойства воображения, но от сил души, которые им управляют. Вот мои мысли и мое убеждение, милая Машенька; они, может быть, неясны и в них нет последовательности; но со временем я постараюсь развить это полнее, пространнее и удовлетворительнее. А может быть, вы уже согласны. Так ли?

Теперь я принимаюсь за дело; не знаю, перейду ли еще к Погодину или к Надеждину,⁶ может быть, останусь дома. Во всяком случае, крепко намерен приняться даже и за сухие занятия:

Пора, пора, час наступил.

Когда на дворе все тает, когда легкий весенний ветерок веет, когда смеркается — тогда люблю я сесть в санки и ехать к знакомому, с которым приятно надеюсь провести время, напр<имер> к Кобылину, у которого я был недавно и присидел до половины 12<-го> часа вечера. Скверное перо.

Понедельник.

Милая Машенька!

В субботу мы получили письмо от Гриши; я надеялся найти тут же и ваше письмо и — ошибся. Как мне было неприятно! В первую минуту досады я написал на бумажке, которая мне попалась, все то, что чувствовал. Я упрекал вас за ваше молчание, упрекал с жаром, и, может быть, вы бы рассердились на меня за это письмо. Но через несколько времени я увидел, что был неправ, и, хотя я точно был огорчен тем, что вы мне не отвечали в понедельник, я решил, однако, не посылать моего субботнего письма. Впрочем, если вы хотите, милая Машенька, то я пришлю вам его, чтоб быть с вами совершенно откровенным и показать вам себя в минуту досады на вас. Повторяю: я был неправ.

Наконец, наконец, нынче я получил от вас письмо, услышал ваш голос из Петербурга и увидел, что вы точно так же говорите со мной, как говаривали бывало прежде, просто и, как мне кажется, доверчиво; что вы точно так же слушаете меня, улыбаясь, может быть, но не смеясь. Мне приятно было увидеть это. Вы ни разу не видали меня во сне, и я в самом деле сомневаюсь в своей магнетической силе; но, может быть, и я снился вам, да вы забыли это. Вот сон, который я видел: мне снилось, будто мы с отесинькой опять в Петербурге, и приехали туда только на неделю; будто дом ваш выкрашен другою краскою; будто я смотрел один кулачный бой, где, между мужиками, отличалась *красная*, помните эту достопримечательную красную, которая чуть не вывихнула мне руки;⁷ потом мне казалось, будто мы собираемся в дорогу, нагружаем чемодан; мне стало грустно, и я, желая последний день поговорить с вами, подошел к вашей двери, стукнул в нее и сказал: Машенька, вы свободны? Вдруг двери растворяются и выходит Авдот<ья> Ник<олаевна>, только маленького роста, и, с престранными ужимками, говорит мне, что вы занимаетесь, но что сейчас ко мне придете; я стал ждать; ждал, ждал, по вы не приходите; наконец все начало бледнеть вокруг меня, исчезать постепенно, и я проснулся, не дождавшись вас. Бедная Каролина Ивановна! Кажется, Машенька, вы начинаете чувствовать, что такая страсть тягостна для того, к кому обращена она.⁸ Но я опять повторяю: такое стра-

дание лучше иного ледяного счастья. Я не стану спорить с вами о нежности в дружбе: я не расположен что-то. Какое удовольствие доставили вы мне, сказав, что, несмотря на насмешки, вы не оставите мира поэзии, который раскрыл я перед вами, и не станете подавлять в себе чувство.⁹ Но я должен написать вам стихи Тепловой; вот они:

1

Как много буду плакать я,
Когда воскресею душою
Страхну оковы бытия
И вновь предстанут предо мною

2

Священной родины поля;
Когда я утренней порою
Умоюсь чистою водою
Давно знакомого ручья,

3

Когда повеет на меня
Полей вечерняя прохлада —
О, как слезам я буду рада!
Как много буду плакать я!¹⁰

Вот какое длинное письмо написал я вам, милая Машенька, и как мелко, тоненьким перышком. Пишите ко мне такие же большие письма и помните истинно любящего вас двоюродного брата

Константина А.

Здесь я пою, и надо мной смеются. Помните, как я певал бывало после обеда.

Разбираете ли вы мои письма: я пишу прескверно. Верочка вам кланяется, завтра ей писать некогда.

¹ Н. Т. — Аксаков Николай Тимофеевич (1797—1882), дядя (по отцу) К. С. Аксакова.

² Неточная цитата из восьмой главы «Евгения Онегина» Пушкина («Иных уж нет, а те далече...»).

³ Стихотворение К. С. Аксакова «Воспоминание» (1833). См. в кн.: Поэты кружка Н. В. Станкевича, с. 294—296.

⁴ «Валленштейн» (1796—1799) — драматическая трилогия Ф. Шиллера. Макс, Текла — ее герои.

⁵ А. Т. — Аксаков Аркадий Тимофеевич (1803—1860), дядя (по отцу) К. С. Аксакова; служил в Петербурге.

⁶ Вероятно, это связано с выбором Аксаковым темы для своей диссертации. М. П. Погодин был профессором Московского университета во время учебы К. С. Аксакова и поддерживал дружеские отношения с семьей Аксаковых. Н. И. Надеждин некоторое время по выходе в отставку жил в доме Аксаковых. Одно из писем к нему К. С. Аксаков подписал: «Вас много любящий от всей души, старинный собеседник и сомечатель» (ИРЛИ, ф. 199 (архив Н. И. Надеждина), оп. 2, № 66).

⁷ Из последующих писем становится ясно, что Аксаков имел в виду девушку, одетую в красное, которую встретил на одном из вечеров (вероятно, у Журавлевых) в Петербурге: «Голубой цвет есть символ *тишоты*, а красный — *веселия*; эти две девицы совершенно соответствуют цветам своим» (10604.XVc.1, л. 41). Карташевская же ему писала: «В воскресенье у них (т. е. Журавлевых, — Е. А.) будет вечер; я первый раз буду у них на вечеру с тех пор, как мы были с вами вместе, помните этот замечательный вечер? Я надеюсь увидеть *Голубую* и *Красную*, последней я непременно скажу почтение от имени того молодого человека, которому она так дружески жала и рвала руки и который до сих пор не может забыть ее прелестный образ и даже видит во сне» (10605.XVc.2, л. 19).

⁸ Аксаков отвечает на письмо М. Г. Карташевской, в котором она сообщала: «Ох, Костишка, какую я сейчас получила от нее записку!! Тут хоть и железная душа, а прочувствует! Пейкеровы уезжают в деревню в будущее воскресенье, и нежное сердце Каролины предчувствует все страдания первой разлуки; она говорит для меня более, чем все Шиллеры и Жуковские» (10605.XVc.2, л. 3). И несколько позднее, описывая отъезд Каролины Ивановны: «Сейчас простилась я с Каролиной надолго, очень долго <...> Еще раз, в последний раз сказала, сколько любит она меня, сколько страдает, подтвердила, что однако ж добровольно не откажется от своих страданий. Я упрашивала ее по возможности стараться забыть меня, обещала ей все, что только могла обещать, уверяла ее, что *чувства мои* к ней будут неизменны, даже если с ее стороны не будет *взаимности*, и наконец обещала ей молиться за нее» (там же, л. 7 об.).

⁹ «Не бойтесь, — писала Каргашевская, — я поэзии не перестану любить и читать» (10605.XVc.2, л. 3).

¹⁰ Стихотворение Н. С. Тепловой «Родина» («Как много буду плакать я..») опубликовано: Стихотворения Надежды Тепловой (Терюхиной). Изд. 3-е, доп. М., 1860, с. 58.

4

4 марта <1836>.

Среда, вечер.

Нынче, милая Машенька, нынче в сумерки, когда я по обыкновению сидел в своей комнате, пришла ко мне Верочка и стала меня расспрашивать, а я ей рассказывать, со всеми подробностями, как я проводил время у вас, как танцевал, как спорил. Я вспомнил: и смех ваш, когда мы ехали от Журавлевых, и ваши замечания насчет моей неопытности, и мое описание характера Верочки, и наш последний разговор в гостиной, и листок, на котором написал я вам последние стихи, украсив наперед его изображениями разных животных, и наконец расставанье, проклятую шубу, кибитку — одним словом, я пробежал в памяти моей все то время, уже минувшее, уже обратившееся в воспоминание; мысленно я прожил снова то, что уже прожито и не вернется. *Времени нет*, говорят умные люди и доказывают это; но мне кажется, что они столько же правы, сколько один человек, утверждавший, что магнитная стрелка показывает на Юг, а не на Север. Мы не можем быть уверены в наших рассуждениях: все зависит от точки зрения. Вы, я думаю, видели картину, на которую можно глядеть двояким образом: посмотришь так — два дерева; посмотришь иначе — тень Наполеона. Тут два взгляда и оба справедливы; какому же верить? Никакому исключительно. Должно говорить: при таких-то условиях — так-то, а при других — иначе. Следовательно, нет в умственном мире собственно истины, истины положительной, самобытной, а есть только истина условная, относительная. Так в области *ума*, и с такими силлогизмами он погубил бы все прекрасное, благородное, благое, но *чувство* — ему верьте! Оно, не пускаясь в отвлеченные рассуждения, спасло достоинство человека; оно не вдается в глубокомысленные исследования о времени, не спорит о словах, не утверждает: *Времени нет*. Нет, оно просто говорит: *этого нет со мной, это далеко от меня, это прошло*; и оно всегда верно, никогда не обманется. Вся религия христианская основана на чувстве: *Бог есть Любовь*. Утешительница людей на земле, *Поэзия*, есть не что иное, как чувство, сознанное и выраженное прекрасно, и все, что проникается чувством, уже имеет в себе поэзию; поэтому даже умственные усилия, попытки, задачи, как скоро освящаются чувством, становятся предметом возвышенным, благородным, поэтическим. Не знаю, милая Машенька, ясно ли я выражаюсь; если вам что покажется темным или неверным, то напишите, а я постараюсь объяснить и доказать; но я думаю, что в главном вы со мною согласны, т. е. в *назначении и значении* Поэзии на земле. Поэзия является нам в двух видах; но об этом поговорю когда-нибудь после, а теперь уж поздно; все давным-давно отужинали и легли спать. Я нынче очень испугался, сказать между нами. Я проводил дядиньку до его кабинета, где он лег спать, затворив и задвинув задвижную дверь в другую комнату. Хотя было уже поздно, но он желал мне рассказать одно происшествие, и потому я остался; как вдруг эта дверь, среди всеобщей тишины, с шумом и треском растворилась... Ну, Машенька, нечего сказать, испугался я! бросился к дядиньке, а он начал хотять. И я теперь не знаю, от чего отворилась эта дверь; как-нибудь само собою — но странно. Я взял человека проводить меня до моей комнаты и там сел и написал это письмо; но это только первое отделение. Как вы думаете, который час? Два за полночь, слишком. Прощайте, милая Машенька, до второго отделения.

Сейчас имел я большой разговор с отесинькой; я высказывал ему мои любимые мысли, говорил и о поэзии и о религии. Благодарю бога, что он не лишил меня чувства; благодарите и вы его за то же. Отесинька понимает, сколько меня можно понимать, но кто постигнет, например, *сомнение в своем существовании?*

Вы, милая Машенька, вы понимали мою тоску, мое стремление высказаться, мои мечты, мои предчувствия; но вам также показалось нелепостью это сомнение; а это так, право так! Но как вам передать это, как выразить отсутствие сознания — не знаю. Кажется, это останется вечным недоразумением между нами, если я не найду слов, или если на вас самих не нападет такое сомнение.

Когда мы получили от вас письмо и когда отесинька, прочетши вслух письмо Гриши, стал было и ваше читать тоже вслух, то я упросил его отдать мне тотчас ваше письмо: я знал, что его не все равно поймут, что оно не для всех равно будет интересно. Итак, я прочел его один; потом уже отесинька, маменька и Верочка особенно, Сашеньке¹ я не показывал вашего письма: *он слишком математик* для того, чтобы вычисление каких-нибудь дифференциалов отдать за возвышенную мечту, за минуту умиления, за поэтический порыв. Он меня не понимает. Помните: *давай ми газеты*.

Я сначала не разобрал одного слова в вашем письме, и потому смысл того места не был мне ясен; но потом я прочел как должно. Ах, Машенька, вы мне говорите, чтобы я не боялся; вы не оставите мира поэзии — вы встаете всех раньше, вы ложитесь всех позже. О, Машенька, я понимаю вас! Вам, вам поэзия! Вы чувствуете, вы глубоко чувствуете. Есть два рода поэтов: одни, понимая поэзию, воссоздают ее в своих произведениях. Другие чувствуют поэзию просто и заключают ее в душе своей: они также поэты. Вы, Машенька, вы — поэт!

Суббота.

Милая Машенька!

Нынче должны мы получить от вас письма; вчера я и не надеялся, потому что дорога, говорят, ужасна. Вчера я видел во сне, что мы получили от вас письма в двух пакетах, что один из них стали распечатывать и я увидал в нем ваш почерк. Надеюсь, что сон мой исполнится и что я нынче или завтра получу от вас непременно второе письмо, тогда как пишу к вам четвертое, не считая вложенного в посылку. Нынче я не успею написать к вам много, потому что ко мне придут гости.

Воскресенье.

Нет, не исполнился мой сон, милая Машенька! Нынче только получили мы письма из Петербурга; но от вас опять нет письма. Не упрекаю вас. Зачем делать себе принуждение. Пишите, когда вам вздумается; если вам тяжело писать с каждым отправлением письма Гриши — делать нечего. Я по крайней мере, я не пропускаю ни одного случая писать к вам, и часто, когда мне становится грустно, когда я прихожу в мечтательное расположение, мысленно переносусь я в Колокольную улицу,² воображаю вас, во мне пробуждается желание говорить с вами, я беру перо и пишу к вам. Вы благодарите меня за стихи. Если они вам не нравятся, то, прошу вас, вникните в них: они служат выражением моего положения, как бы результатом всей моей прошедшей жизни; после них я ничего не написал. Нынче вечером читал я статью о магнетизме, где описывается одна магнетизируемая, которая имела способность, не сходя с места, стучаться в двери к кому угодно. Есть люди, которые могут еще при жизни своей являться другим людям. В статье это объясняется *исступлением*,

каким-то выхождением души из самой себя. А мне кажется, что это есть не что иное, как сила воли одного человека, подчиняющая себе воображение другого до такой степени, что оно представляет одного другому.³ К чему эти объяснения; Шиллер говорит:

Du mußt glauben, du mußt wagen,
Denn die Götter leih'n kein Pfand,
Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland!⁴

Верь тому, что сердце скажет,
Нет залогов от небес:
Нам лишь чудо путь укажет
В сей прелестный край чудес!

Милая Машенька, учитесь по-немецки. Мне что-то теперь грустно, очень грустно. Беру Шиллера. Он все перечувствовал. Всякое страдание, всякое чувство найдет в нем ответ!

Прощайте, милая Машенька, написал бы вам больше, но маменька торопит. Прощайте,

истинно любящий вас дв<оюродный> бр<ат> Константин.

Обнимаю Гришу.

Ах, милая Машенька, когда-то вы ко мне напишете!

Я принес свое письмо, когда уже пакет был запечатан; не хотели распечатывать опять. Я было запечатал отдельно, но наконец решился послать завтра, вместе с другими письмами; мне очень, очень досадно.

Вторник, 10 марта.

Вы получили перед этим письма от понедельника, милая Машенька, распечатали и увидали, что от меня нет письма; но, милая Машенька, это не моя вина. Я пишу всякий раз, как отправляют: чуть не каждый день, как вы это и можете видеть. Слог моих писем не гладок, не ровен; я бы мог позаботиться об этом, мог бы его вычистить, мог бы написать блестящим языком, если б я хотел хвалиться своим слогом. Но я пишу к вам; хочу передать вам только мои мысли — вы меня понимаете, и этого довольно. Не знаю, хорошо ли вы разбираете мой почерк; это одно только меня затрудняет, потому что я стараюсь писать получше; иногда зачеркиваю слово, которое мне кажется нечетко, и надписываю над ним другое, поразборчивее. Я написал еще прежде одни стихи, которые вам неизвестны и которые не составляют целого, а так, сказались. Когда я вышел из Университета и приехал в деревню, где мы проводили лето, вы не можете себе представить, какая грусть, смешанная с отчаянием, овладела мною; тогда я повторял эти стихи; вот они:

Как быстро годы пролетели,
И, полный грустью немой,
Свершенный путь от колыбели
Я повторяю пред собой.

Как много сильных впечатлений
По сердцу юному прошло,
Как много сладких заблуждений
Губитель-время унесло!⁵

Помните, Машенька, когда вы просили меня кончить вашу характеристику,⁶ я говорил вам, что я вас понимаю, но что не могу еще дать себе отчета в этом, что ваша характеристика еще не пришла в уме моем в стройное целое. Теперь, милая Машенька, я понял вас, точно понял; мне все теперь ясно, и я бы уже не стал делать вам таких вопросов, какие делал. Приезжайте, приезжайте в Москву, и я вам скажу словесно вашу характеристику; я уверен, что вы согласитесь; тот листочек, на котором написал я начало вашей характеристики, вы сохраните; потому что это начало нисколько не противоречит с окончанием. Напротив, я твердо убежден в истине того, что я уже написал о вас. Прощайте, милая Машенька, напишите когда-нибудь

истинно любящему вас дв<оюродному> брату Константину А.

Перо скверное.

¹ Саша — Карташевский Александр Григорьевич (1817—1894), старший брат М. Г. Карташевской. В 1835—1836 г. был студентом физико-математического факультета Московского университета, поддерживал приятельские отношения со многими членами кружка Н. В. Станкевича.

² Карташевские в 1836 г. жили на Колокольной улице.

³ В последующих письмах Аксаков также не раз возвращался к вопросу о магнетизме. «Я был однажды у магнетизера, — писал он М. Г. Карташевской, — и просил его показать мне приемы магнетизирования» (10604.XVc.1, л. 46).

⁴ Последняя строфа из стихотворения Шиллера «Sehnsucht» (1802); рядом следует неточная цитата из перевода В. А. Жуковского (в подлиннике у Жуковского — «В сей волшебный край чудес», см.: Жуковский В. А. Стихотворения. Л., «Сов. писатель», 1956 (Библиотека поэта. Большая серия), с. 102).

⁵ Стихотворение К. С. Аксакова 1835 г., см. в кн.: Поэты кружка Н. В. Станкевича, с. 325.

⁶ К. С. Аксаков начал писать «Характеристику» М. Г. Карташевской в Петербурге: «Есть одна молодая девушка. Ее характер теперь занимает меня, и я решился описать его. Эта девушка имеет все достоинства, все прекрасные свойства женщины. Она добра, но это не та приторная доброта, которая отягощает вас собою, которая измучит вас, которая больше есть претензия на доброту, нежели самое чувство. Это также не та спокойная, бессознательная доброта, которая происходит от мягкости или слабости души, доброта по инстинкту. Нет, это доброта положительная, истинная; она явится в ту минуту, когда человек имеет нужду усладить свое горе, в ту минуту, когда участие для него бальзам живительный; и эта девушка никогда не примет вид обидной снисходительности, нет: вы и не заметите, как она утешит вас. Это глубокое чувство доброты выражается и в ее улыбке.

Она ума: ее ум не судит по логическим законам, не вооружен силлогизмами, не блещет быстротою соображения, но все это заменяется у нее разборчивым, необыкновенно тонким чувством, каким-то внутренним тактом, который учит ее верно различать и понимать предметы и перед которым часто должен смиряться самый надменный и здравый ум» (10791.LXIIIб.1, л. 6).

5

Четверг.

Вот уже пятое письмо пишу я к вам, милая Машенька; со своей стороны я поддерживаю разговор всеми силами, я говорю часто и говорю почти один; редко получаю я ответ; но несмотря на то, я к вам писать не перестану, если только вам не надоем. Дайте слово мне, милая Машенька, что в последнем случае вы мне тотчас это объявите. Прошедшее кажется мечтою, и тот человек, который явился нам на минуту, о котором мы получили понятие и которого снова не видим, тот человек как будто снился нам во сне. Так и вы, милая Машенька, вы мне иногда кажетесь созданием моей фантазии, каким-то существом идеальным, какою-то мечтою, которая существует не на земле, а только в моем воображении. Я пишу к вам письма — так что же! Со мной бывало прежде, что создам в воображении своем какое-нибудь лицо да и пишу к нему письма; разумеется, они остаются без ответа; и вы, Машенька, пишете ко мне так редко, что почти довершаете очарование. Нет, нет! Пишите, пишите ко мне чаще; мне гораздо приятнее видеть, получая ваши письма, что я говорю не с безжизненным, воображаемым, но с живым существом, которое одарено мыслями и чувствами и откликается на мысли и чувства, которое не мечта, но само созидает мечты, которое не поэтический вымысел, но само понимает поэзию. Теперь я принялся уже за дело и, если позволите сказать простым русским словом, начинаю *втягиваться* в занятия. Мне предписано ходить, и я прогуливаюсь раза два в день; время чудное. Вчера вечером был я в Кремле; стоял на горе Кремлевской: передо мною башни, стены, Москва-река, Замоскворечье, вокруг соборы, дворцы, Иван Великий. Я люблю быть там вечером во время захождения солнца. Сколько раз, еще маленький, лет 12, 13, 14-ти, стоял я на этом самом месте, в этот самый час... Время, время! Я уже могу сказать про свое детство — *прошло*; скажу и про свою юность — *прошло*, и про жизнь наконец — *прошло*. Что необходимо пройдет, то уже прошло в отношении к предбудущему, прошло и для меня. Прошедшее, настоящее и будущее — только заметки человека: че-

ловец не может понять вечности. Бог знает. Прежде мысль о том, что все пройдет, не давала мне покоя. Прежде, давно, я написал целое стихотворение, из которого и теперь памятен мне стих:

Начало и конец влечет!

Грустно, грустно станет, как раздумаешься: тоска нападет на душу. Есть стихи Пушкина; вот отрывок:

1

Там, на краю большой дороги,
Где липа старая шумит,
Забыв сердечные тревоги,
Наш бедный юноша лежит.

2

Напрасно блещет луч денницы,
Иль ходит месяц средь небес,
И вокруг бесчувственной гробницы
Ручей журчит и шепчет лес...
Ничто его не вызывает
Из мирной сени гробовой.¹

Есть что-то странное, особенное в жизни. Ах, когда наступит то время

Когда разрешится бессильный язык,
В устах заколеблется мощное слово —
И миру я тайны свои прореку!²

Пятница.

Нынче думал я, что мы получим письма; но нам их не приносили, а я знаю, что почта пришла. Осталась надежда на завтрашний день. Нынче написал я стихи, милая Машенька, но так как они имеют только наружное достоинство, то я вам их и не спешу посылать.

Помните ли, Машенька, наш спор? Помните ли, как я доказывал, что для сходства нужно только, чтоб идея была одна и та же, и проч. Позвольте мне припомнить вам эту мысль, изложив ее яснее и отчетливее.

Итак, я думаю, что нужно только схватить *идею лица*, чтобы нарисовать похожий портрет; *выражение* и *черты* лица могут изменяться, но идея никогда. Та же идея может быть скрыта совершенно под другими формами. Я верю, что в природе, в царстве животных, в царстве растений (даже в царстве ископаемых) есть, можно найти мой портрет. Очень может случиться, что при взгляде на какое-нибудь дерево вспомнишь о каком-нибудь человеке, потому что оно выражает ту же идею своими ветвями, какую человек своим лицом, то же между деревьями, что этот человек между людьми. Я верю, что природа по всем своим царствам протянула цепь существ, созданных по одной идее со мною и выражающих одну идею со мною; что, выразив эту идею в каком-нибудь камне или другом предмете из ископаемого царства, природа развивала ее более и более, проходя чрез царство растений и животных, пока наконец дошла до *меня* и во *мне* развила эту идею сколько можно совершеннее. И так было со *всяким человеком*. И вы, милая Машенька, можете искать и найти в царстве природы существа, вам, так сказать, родные; не правда ли: приятно это думать. Согласны ли вы с моею мыслию? Скажите мне ваше мнение, но я вижу, что вы смеетесь; я готов доказывать. Дожидаюсь вашего ответа.

Суббота.

Получил, получил, наконец получил я от вас письмо, милая Машенька. С какою радостью увидал я, что оно написано на двух (хотя и маленьких) почтовых полулистах, с какою радостью узнал я, что и вы не забыли тех разговоров, которые я вел с вами, то в гостиной, то в зале, то в столовой, и что вы будете писать ко мне чаще. Да, милая Машенька, пишите ко мне чаще! Вы помните, как часто отрывал я вас от занятий, удерживал за завтраком, за чаем, не пускал вас ложиться спать после балов, желая только поговорить с вами; я думаю, что вы это помните: итак, после этого вам легко сделать заключение, как приятны мне ваши письма. Вы хотите, Машенька, чтобы я вам прислал ту записочку,

про которую говорил. Полагаясь на ваше обещание не сердиться, я вложу ее вам в письмо, переписав наперед, иначе бы вы ее не разобрали. Вы говорите, милая Машенька, что у вас воображение не таково, как у меня; но вы не правы. То, что, вы думаете, зависит от воображения, зависит только от того, что вы получили другое направление, что в вас не развито врожденное стремление к миру таинственному: но, несмотря на то, вы, не стремясь сами к этому миру, по словам вашим, понимаете его поэзию. Я точно улыбнулся, прочтя через несколько строк стихи мои, но я улыбнулся от удовольствия, что вы, прежде не читав стихов, выразили ваше чувство стихами, и именно моими стихами. Петр Иванович,³ который спорил с вами, не прав; что касается до ласк в дружбе, то я поговорю об этом когда-нибудь в другое время. Итак, вы простились с Каролиной Ивановной. Ах, милая Машенька, она вас любит страстно, а вы питаете к ней только жалость — то ли это? Когда она говорила вам нежные слова, то они были выражением ее пламенного чувства; ваше обещание не забывать ее было также искренно, но главная побудительная причина была опять жалость, желание успокоить ее. Согласитесь в этом. Я не читал рассуждения Ламартина о поэзии — достану и прочту. Что касается до его Désespoir,⁴ то, конечно, эти мысли сами по себе возмутительны, и их внушать другим не следовало бы; но к счастью, Ламартин, будучи довольно водяным стихотворцем, не мог передать их своим читателям. Его Désespoir не оставляет никакого désespoir в нашем сердце. Если это стихотворение поразило вас, то поверьте, что здесь не оно виновато, а мысли, которые вам новы и которые бы произвели на вас такое же впечатление, как бы слабо выражены ни были. Весь ропот у Ламартина состоит из одних восклицаний, которые мне вовсе не нравятся и не производят на меня никакого действия. Если б было под руками это стихотворение, я бы разобрал его подробнее; помню только, что в основании его лежит нелепость. Даже что видно? Ламартин сам не чувствовал никакого отчаяния, а хотел возбудить его в других своим сочинением — ничтожный стихоплет! Он же потом в другом своем стихотворении думает, дерзкий, защищать Провидение. Вы не читали книги Иова,⁵ Машенька, этой высокой поэзии; там, в этой книге, осужден тот, кто дерзает оправдывать бога, зане он выше всякой защиты и всякого оправдания. Приходили и на Шиллера, который весь чувство и вера, приходили и на него мрачные минуты, и у него есть сочинение, в котором он не орет глупо (позвольте так выразиться), как Ламартин, но тихо, грустно отчаивается. О, читая его стихотворение, в самом деле придешь в отчаяние: но Шиллер сам про него пишет, что это была только мрачная минута. Сочинение это называется Resignation (Résignation). В нем совсем не то, что у Ламартина, который мне вообще не нравится. L'automne⁶ его лучший пьеса, по моему мнению.

Сейчас почти спорил с Великопольским⁷ и его племянником о Бенедиктове,⁸ о воображении — и устал: право, иногда скучно.

Верно, вы уж получили еще письмо мое; может быть, милая Машенька, вы написали ко мне в четверг, если писала тетенька. Вы пишете Машеньке обо мне и говорите, чтоб я не рассердился. Ах, милая Машенька, неужто вы думаете, что это может быть мне досадно? Во всяком случае, *сердиться* я не имею права; я могу только *огорчиться*, что и бывало со мной, когда не получал от вас писем, но теперь и это огорчение прошло с вашим последним письмом. Однако уж третий час за полночь, прощайте, милая Машенька, прощайте, завтра буду еще писать. Вашу руку я разбираю хорошо. Очень рад, что и вы мою также.

Понедельник.

Письмо посылают завтра. Вчера было воскресенье; целый день были у меня знакомые и целый день не давали мне писать к вам; а мне именно

хотелось быть одному. Право, мысль об уединении не редко приходит мне на ум; мне бывает иногда и даже часто в тягость общество. Когда я позаймусь, когда у меня свободное время, то мне очень редко хочется ехать к кому-нибудь из знакомых (из их числа исключается Кобылин), а напротив — остаться одному, сесть у окошка и быть с собой самим. Право так.

Лизаве<ту> Вас<ильевну>⁹ я не видал. Был только раз у Горчаковых;¹⁰ они меня рассердили ужасно, особенно княжна своими неуместными похвалами Бенедиктову. Я сказал, что Бенедиктов может правиться только той девушке, которая свое чувство оставила на паркетe и которую не может тронуть простая и истинная поэзия Гомера; сказал еще что-то и ушел от них в предурном расположении духа. И такой-то девушке я говорил о Шиллере, такой-то девушке я читал стихи Гомера: она никогда его не понимала, но я хотел насильно вложить в нее душу; наконец увидал я свою ошибку и оставил ее. И вдруг теперь эта девушка кричит о Бенедиктове, смеется над Илиадой и подсмеивается надо мной, вспоминая, как я прежде читывал Гомера и друг<ие> стихи. Машенька! мудрено было не рассердиться! Но оставим в покое Горчаковых. Как идет ваше пение и музыка; при мне вы пели Geduld.¹¹ А помните, как после обеда, бывало, подходил я к вашим дверям и просил сыграть мне тему Беллини; или когда вы рисовали, я сидел против вас и читал стихи; а помните ли, что развивает Гофман в своих повестях? Как бывало часто делал я вам, шутя, этот вопрос и как вы мне всегда на него отвечали: 1) *идею магнетизма*, 2) *назначение художника*, 3) *созвучие душ*. Благой дар от Провидения человеку — воспоминание! Оно возвращает нам протекшее время, и хотя оно всегда сопровождается грустным чувством, *что это уже прошло*, однако нам всегда приятно, хотя в мечтах, возвращать, оживлять былое. Завтра пойду я в концерт. Признаться, мне гораздо приятнее посадить за фортельяно Мишу и слушать его; я сам иногда люблю

Залиться в звуки переливные
И в них, слабая, потонуть!¹²

Весна напоминает мне деревню. Да, милая Машенька, приезжайте поскорее в Москву; я вам читал стихи, указывал вам на поэзию в слове; теперь я же хотел бы указать вам и на поэзию народа и Природы. Вы поймете ее. К концу пребывания моего в Петербурге я читал вам стихи не для того только, чтобы знакомить вас с поэзией, но чтобы разделить с вами то удовольствие, которое доставляют мне стихи. И я уверен, что через несколько времени, проведенного в деревне, вы будете наравне со мною восхищаться природою и понимать ее; но лист уже кончен. Кажется, я пишу уместительно, и вы, милая Машенька, получаете целые эпистолы. Пишите, пишите ко мне, милая моя Машенька, если хотите сделать мне истинное удовольствие. Я уверен, что вы не пропустите случая писать ко мне и не забудете истинно любящего вас брата Константина.

Вот эта записка, милая Машенька, не сердитесь: я не прав и посылаю единственно для того, что вам это угодно.

Суббота.

Признаться, я не мало удивился, когда, получа письма от Гриши и теньки, я не получил письма от вас. Письмо брата разрешило загадку:

Вам некогда — а: *вам некогда!* Понимаю я это *некогда*. Этого некогда не существует, когда хочется писать. Поверьте, в последнем случае можно найти время, даже если б и нужно было ехать к Шишковым, вечером, ночью. Но вот что. Это *некогда* удивительно как хорошо заменяет слово *не хочется*, когда не хотят оскорбить этим словом.

Прощайте, бог с вами!

Истинно любящ<ий> вас двоюродный брат К. Акс.

Вот что написал я, милая Машенька, в первые минуты досады. Тут было еще несколько строк, которых я не припомню (потому что не нашел самой записки и написал вам по памяти). Вы бы, однако, извинили меня, если б представили, как мне было грустно не получить от вас письма. Прощайте, милая Машенька.

¹ Отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «Гроб юноши» («...Сокрылся он»), см.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. II. М.—Л., 1937, с. 210—211.

² Стихотворение К. С. Аксакова «Думы» (1835), см. в кн.: Поэты кружка Н. В. Станкевича, с. 316.

³ Пейкер Петр Иванович — брат Каролины Пейкер. М. Г. Карташевская писала К. С. Аксакову: «Недавно Каролина обедала у нас и просидела до 10 часов вечера, вечером приезжал ее брат *Петр Иванович* и мы немного спорили с ним о дружбе; у него особенный взгляд на это чувство; он говорит, что женщина не может питать этого чувства к другой женщине, а к *брату*, к *мужчине*, потому что, говорит он, тут существует *магнетизм*. В этом я совершенно не согласна; дружба никогда не может существовать между двумя полами» (10605.XVc.2, л. 6).

⁴ «Недавно читала я Lamartine, — писала М. Г. Карташевская. — Читали ли вы рассуждения его о Поэзии; этот человек высоко понимает и ставит ее, и только я не понимаю, как после такого определения написать такую ужасную пиесу, как *le Désespoir*. Как такие мысли могут прийти на ум человеку, как может он осмелиться высказать их, и как возможно позволить их напечатать» (10605.XVc.2, л. 6 об.—7). Стихотворение Ламартина «*Désespoir*» («Безнадежность») вошло в первый сборник его стихотворений «*Méditations poétiques*» (SPb., 1821). Возможно, этим изданием пользовались М. Г. Карташевская и К. С. Аксаков.

⁵ Имеется в виду Книга Иова из Библии (Ветхий Завет).

⁶ Стихотворение Ламартина «*L'automne*» вошло в указанный сборник «*Méditations poétiques*».

⁷ Великопольский Иван Ермолаевич (1793—1868) — богатый помещик и литератор. Печатался под псевдонимом Ивельев. Кроме стихотворений, написал несколько драматических произведений: «Владимир Влонский», трагедия (М., 1837), «Любовь и честь», драма (СПб., 1841), «Янстерский», трагедия (СПб., 1841) и др.

⁸ Бенедиктов В. Г. (1807—1873) — поэт, использующий в своем творчестве ходовые темы и образы романтической поэзии.

⁹ Елизавета Васильевна (1815—1892) — сестра драматурга А. В. Сухова-Кобылина, в дальнейшем писательница (псевдоним — Евгения Тур).

¹⁰ Вероятно, семья Александра Михайловича Горчакова (1789—1883).

¹¹ Ария из оперы Обера (1782—1871) «Фенелла» («Немая из Португи»).

¹² Отрывок из стихотворения К. С. Аксакова, не опубликованного или переданного в дальнейшем. О том, что эти строки принадлежат Аксакову, можно узнать из письма к нему М. Г. Карташевской (10605.XVc.2, л. 28 об.).

В. П. БОТКИН

ПИСЬМА К М. А. БАКУНИНУ

Публикация Б. Ф. Егорова

Предлагаемая часть писем относится к началу довольно интенсивной переписки В. П. Боткина с М. А. Бакуниным 1837—1840 гг. (до отъезда Бакунина за границу). Из этой переписки, включающей 46 писем Боткина, до сих пор опубликовано лишь несколько писем и цитат-отрывков. Между тем письма эти представляют перво-степенный общественный, философский, литературный интерес, так как в них содержатся материалы о жизни круга Белинского—Бакунина. Письма Бакунина к московским друзьям (Н. В. Станкевичу, В. Г. Белинскому, Боткину и др.) не сохранились, и это увеличивает ценность писем Боткина, которые наряду с дошедшими до нас письмами Белинского и Станкевича являются источником для характеристики и самого автора, и остальных членов кружка, особенно Бакунина.

После отъезда Н. В. Станкевича за границу (август 1837 г.) у Бакунина осталось два духовно близких ему друга — Белинский и Боткин. Познакомились они незадолго до этого: сначала Белинский с Боткиным на вечере у Н. С. Селивановского в конце 1835 г.¹ (вскоре Боткин становится одним из ближайших друзей Белинского), а затем Белинский с Бакуниным в начале 1836 г.² (вскоре Бакунин приглашает Белинского в свое родовое имение Прямухино, и Белинский пробудет там с августа по ноябрь 1836 г.); и наконец — очевидно, через Белинского — познакомились Бакунин с Боткиным. Возможно, что заочно они были знакомы еще в 1836 г. По крайней мере Бакунин не мог не знать о существовании друга Белинского: когда Белинский гостил в Прямухине, Боткин заменял его в качестве рецензента отдела текущей литературы в «Молве» — приложении к журналу Н. И. Надеждина «Телескоп». Но так как ни в одном из писем Бакунина 1836 г. Боткин не упоминается, а в, по-видимому, полностью сохранившейся пачке писем Боткина к Бакунину нет ни одного от 1836 г., то сближение их следует отнести к началу 1837 г. (Бакунин вместе с Белинским вернулся в Москву в середине ноября 1836 г. и прожил там до середины июня 1837 г., лишь на несколько дней съездив в апреле в Прямухино). Впервые Боткин упомянут Бакуниным в качестве близкого человека в письме к сестрам от 24 апреля 1837 г.³ Первые боткинские письма, от июля 1837 г., свидетельствуют уже о дружбе.

Вскоре в письмах начался напряженный спор между Белинским и Бакуниным, подготовленный еще во время их совместного пребывания в Прямухине. Бакунин, читавший труды Фихте в подлиннике, весьма деспотически учил Белинского понимать «романтической жизни идеи», а также претворению ее в быту, который должен строиться по философскому идеалу. «Посвященный» обязан был полностью отрешиться от «низменных» интересов будней, вплоть до полного презрения материальной стороны жизни, и посвятить себя служению науке, философии, искусству. К этому примешивались и личные мотивы: ревнуя своих сестер, Бакунин весьма неделикатно издевался над чувством Белинского к Александре Александровне, над его незнанием немецкого языка и т. п. Белинский сам считал себя «падшим». На языке кружка «падение» означало, по справедливому определению В. Г. Березиной, «особое душевное состояние человека, ощущающего беспечность своего существования, погруженного в уныние и умственное бездействие и пытающегося освободиться от всего этого, отдавшись „пошлой“, обыденной жизни».⁴ Это «падение» обуславливалось главным образом тяжелейшей материальной нуждой, которую испытал Белинский после запрещения в 1836 г. «Телескопа»; но он ощущал в себе и начало «восстания», возрождения. В свою очередь Белинский упрекал Бакунина в неблагородстве, начиная с неотдачи долгов и кончая грубыми шутками в адрес критика.

¹ Пыпин А. Н. Белинский. Его жизнь и переписка. Изд. 2-е. СПб., 1908, с. 113—114.

² Березина В. Г. Белинский и Бакунин в 1830-е годы. — Ученые записки Ленинградского гос. университета, № 158, серия филол. наук, вып. 17, 1952, с. 38 (далее: Березина).

³ Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем, т. I. М., изд. Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934, с. 425 (далее: Бакунин).

⁴ Березина, с. 45.

Переписка шла через посредничество Боткина: каждому хотелось, чтобы Боткин участвовал в споре. Осторожный Боткин не очень вторгался в сферы спора, но в общем принял сторону авторитетного и авторитарного Бакунина, соглашаясь с тем, что Белинский «шал».

30 ноября 1837 г. Бакунин приехал в Москву, где с некоторыми отлучками пробыл до 16 апреля 1838 г. С 8 декабря⁵ по конец марта Бакунин жил у Белинского, занимаясь с ним философией Гегеля, а оставшуюся часть московского времени, после размовки с Белинским, прожил у Боткина.⁶ Затем Бакунин снова уезжает в Прямухино (возвращаясь на несколько дней в Москву в середине мая⁷), и снова в переписке начинается полемика между Белинским и Бакуниным, в которой принимает участие и Боткин. Помимо отголосков первого спора о «нравственности», теперь речь шла главным образом о смысле жизни, о философском ее «наполнении» и о «конечной», практической деятельности. Восстав против деспотического авторитета Бакунина, Белинский защищал свое право на самостоятельность, на связь с «конечностью» (Бакунин требовал от него отказа от издания журнала «Московский наблюдатель», который Белинский взял в свои руки в 1838 г.).

Боткин в этом споре мучительно колебался между Белинским и Бакуниным, начав с сочувствия Белинскому, а затем перейдя на сторону Бакунина. Позднее Белинский писал: «...» мы с Боткиным сражались с ним (Бакуниным, — В. Е.) остервененно, он защищался недобросовестно, Боткин стал утихать, а я все больше и больше ярился.⁸ Капитуляция Боткина объяснялась, однако, не только его идеологической шаткостью, но и влюбленностью в сестру Бакунина Александру и, следовательно, нежеланием ссориться с «главой» семейства. К лету 1838 г. Бакунин был на грани разрыва с Белинским, но зато примирился с Боткиным и пригласил его в Прямухино, где тот прогостил, видимо, всю первую половину июля (17 июля Боткин уже вернулся в Москву — см. письмо 10).

Такова была обстановка в кружке в период публикуемых писем.⁹

Письма В. П. Боткина печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (ф. 16, оп. 9, № 23). Даты всюду указаны по старому стилю.

1

<15—16 июля 1837. Москва>.

Спасибо за письмо твое, любезный Michel, ты меня очень обрадовал им. Ты угадал, что Лангер¹ уже все рассказал мне, да он рассказал мне, что никогда еще не думал, не воображал он *так* прожить две недели, *как* прожил их в Прямухине. Он приехал в восторге — и знаешь ли, как я рад, за него рад, Michel. Надобно было оторвать Лангера от его пошлого мира, надобно было погрузить его в тебя, надобно было убедить его, что стремления души его не есть мечта, или, как говорят *хорошие люди*, — *слабость представлять все в идеальном виде*,² — и ни наши разговоры ни чтение Марбаха,³ ни Гегель,⁴ — ничто так не действовало на Лангера, как подействовала поездка в Прямухино. Мир праху старого человека, — теперь Лангер стал новым человеком. И ты поймешь — рад ли этому! — Лангер душою живет в Прямухине.

Обратимся к роковому Шмиту.⁵ Еще прежде твоего письма приезжал ко мне Ал<ександр> Станкевич⁶ и просил увидаться с Кетчером.⁷ Два раза был я уже у Кетчера — и все нет дома, оставил у него записку — и до сих пор нет ответа. По получении письма твоего ездил я к Аксакову⁸ — в доме ни души, — а куда переехали? — на дачу, — на какую? — за Калужскою заставою, и только. Во все это время Константина Аксакова не было в Москве, он возвратился дней с пять. Теперь не знаю, как

⁵ Дата «7 декабря», указанная в «Летописи жизни и творчества В. Г. Белинского» (М., Гослитиздат, 1958, с. 152), ошибочна: Бакунин сообщал сестрам, что во вторник (7-го) он еще жил у Левашевых (Бакунин, т. II, с. 80).

⁶ Бакунин, т. II, с. 163, 179.

⁷ Березина, с. 83.

⁸ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений, т. XI. М., Изд. АН СССР, 1956, с. 389 (далее: Белинский; при цитировании указываются том и страница).

⁹ Подробнее о жизни и деятельности Бакунина и Боткина в тридцатые годы см.: Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1915; Стеклов Ю. М. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность, т. I. Изд. 2-е. М.—Л., ГИЗ, 1926; Егоров Б. Ф. В. П. Боткин — литератор и критик. Статья 1. — Ученые записки Тартуского гос. университета, 1963, вып. 139, с. 20—81.

отыскать его. Между прочим слышал я, что Катков,⁹ которому <ты> поручил тоже часть Шмита, был болен и едва ли что сделал. А из всего вышеписанного явствует, что Шмит твой сел на мель и едва ли есть надежда сдвинуть его; тем более что срок, данный Строгоновым,¹⁰ уже кончился. Впрочем, я непременно постараюсь увидиться с Аксаковым и Кетчером и сделаю все, что могу.

Я целый месяц провел глупо. Наш годовой торговый баланс отнял у меня больше двух недель.¹¹ Две недели деятельного занятия, и какого, боже! Мне надоела настоящая жизнь моя. Пожалуйста, пиши ко мне когда-нибудь.

Твой Вас<илий>.

Датируется по почтовому штемпелю: «Москва 1837 июля 16». Отправлено в Торжок, близ которого находилось имение Бакунина Прямухино (иногда писалось «Премухино»).

¹ Лангер Леопольд Федорович (1802—1885) — композитор, член кружка Бакунина—Белинского. В статье «В. П. Боткин» Г. Бернадт пишет: «Лангер родился <...>, по-видимому, в Вене, где он учился музыке у В. Плахи и И. Гуммеля. Здесь он встречался с Бетховеном и был знаком с Шубертом. Тонким ценителем и пропагандистом их творчества он оставался до конца своих дней. Совсем молодым Лангер в 1820-х годах поселился в Москве, в которой прожил всю свою жизнь. В течение 20 лет он состоял преподавателем музыки в Александровском институте, а в 1869—1879 годах вел фортепианный класс в консерватории <...> В московских кругах его называли „Лангер-Бетховен“, в отличие от его сына Эдуарда, известного по имени „Лангера-Шумана“ <...> Как музыкант, воспитанный в традициях немецкой классической музыки, Лангер имел большое влияние на Боткина <...> Тем неожиданнее явилось наступившее впоследствии охлаждение к Лангеру. Причина разрыва с Лангером кроется отчасти в самой натуре Боткина — крайне неустойчивой, подверженной всяческим колебаниям. К тому же в 50-х годах Боткин увлекается творчеством Фердинанда Лангера, младшего брата Леопольда, также известного московского композитора и педагога. Его сочинениям он посвятил прочувственные строки в статье „Об эстетическом значении новой фортепианной школы“ («Советская музыка», 1968, № 3, с. 88—89). Бакунин пригласил Л. Лангера, а также другого московского музыканта — Поля в Прямухино и выехал туда вместе с ними из Москвы около 20 июня 1837 г. Лангер и Польш уехали из Прямухины в Москву 8 июля (Бакунин, т. II, с. 19, 32).

² Понятия «хороший человек», «добрый малый» в кругу Бакунина означали ограниченного обывателя, не поднявшегося до вершин духа; «слабость представлять все в идеальном виде» — пародийная насмешка над «хорошим человеком», ибо, по мнению Бакунина и Боткина, переводить все явления мира в идеальный план — достоинство, а не слабость.

³ Марбах Освальд-Готгард (1810—1890) — немецкий писатель, гегельянец, автор книги «Ueber moderne Literatur. In Briefen an eine Dame» («О современной литературе. В письмах к даме») (Leipzig, 1836), очень популярной в кружке Бакунина. В архиве Бакунина сохранился перевод первых четырех писем и начала пятого. Боткин также перевел книгу Марбаха для «Московского наблюдателя», но текст был запрещен цензурой (Белинский, т. XI, с. 374; Кольцов А. В. Полное собрание сочинений. СПб., 1914, с. 189); по-видимому, он знакомил Белинского с этой книгой. Часть девятого письма Марбаха называется «Менцель против Гете» и посвящена резкой критике Менцеля и защите Гете с позиций гегелевской эстетики. Вполне возможно, что два года спустя Белинский вспоминал об этих страницах, когда писал свою известную статью «Менцель — критик Гете».

⁴ Бакунин стал читать труды Гегеля — под воздействием неоднократных настояний Станкевича — в январе—феврале 1837 г., будучи в Москве, и, очевидно, тогда же начал пропаганду гегелевских концепций среди своих друзей. Но серьезно изучать Гегеля Бакунин смог летом 1837 г., в Прямухино (Бакунин, т. I, с. 408; Кольцов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина, с. 373—411; см. также предисловие Ю. Стеклова к кн.: Бакунин, т. II, с. 5—14). Боткин же, насколько известно, вначале протудировал труд интерпретатора гегелевской эстетики Г.-Т. Рётшера (Rötscher) «Abhandlungen zur Philosophie der Kunst» («Исследование о философии искусства») (Berlin, 1837) и, очевидно, тогда же познакомил с этой книгой Белинского (во многих статьях Белинского этого периода излагаются идеи Рётшера; в «Московском наблюдателе» (1838, ч. XVII) Белинский поместил в переводе М. Н. Каткова первую часть книги Рётшера). Значительно позднее Боткин начал изучать «Эстетику» Гегеля (об этом он сообщал Бакунину в письме от 14 октября 1839 г. — ИРЛИ, ф. 16, оп. 9, № 23, л. 49 об.); обратился к «Эстетике» он под влиянием не только Бакунина, но и Станкевича, который в 1839 г. дважды обращал его внимание на этот труд Гегеля (см.: Переписка Н. В. Станкевича 1830—1840. М., изд. Алексея Станкевича, 1914, с. 492—493, 495).

⁵ Шмит Г. — автор немецкого учебника «Всеобщая история». Граф С. Г. Строганов (см. прим. 10), узнав от В. К. Ржевского, своего подчиненного, хорошего знакомого Бакунина, о талантливом молодом человеке, материально нуждающемся, поручил Бакунину в феврале 1836 г. перевод учебника на русский язык. Бакунин, охотно согласившись, тем не менее отнесся к поручению весьма легкомысленно: целый год он ничего не делал, а потом раздал части учебника своим друзьям (Боткину, М. Н. Каткову, Н. Х. Кетчеру, К. С. Аксакову, Л. Ф. Лангеру), сестрам и братьям, которые, видимо, фактически ничего не перевели. Строганов очень обиделся, когда понял, что ожидания его напрасны и дело с переводом не сдвинулось с мертвой точки.

⁶ Станкевич Александр Владимирович (1821—1912) — младший брат Николая Станкевича, впоследствии писатель, литературовед, биограф Т. Н. Грановского.

⁷ Кетчер Николай Христофорович (1809—1886) — врач, переводчик Шекспира; хороший знакомый Бакунина, Белинского, Боткина; в 1840-х годах — член западнического кружка Грановского—Герцена.

⁸ Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — литератор, член круга Белинского—Бакунина; печатался в журналах «Телескоп», «Молва», «Московский наблюдатель»; впоследствии — вождь славянофильства. Белинский порвал с ним связи в 1841 г.

⁹ Катков Михаил Никифорович (1818—1887) — литературный критик, член кружка Станкевича; сотрудник Белинского по «Московскому наблюдателю» 1838—1839 гг.; в 1860—1880-х годах — известный реакционный деятель.

¹⁰ Строганов (Строгонов) Сергей Григорьевич, граф (1794—1882) — в 1835—1847 гг. попечитель Московского учебного округа.

¹¹ В. П. Боткин, сын крупного московского чаеоторговца, был вынужден заниматься торговыми делами семейной фирмы, даже став известным литератором. Лишь в середине 1850-х годов, после смерти отца, он окончательно освободился от купеческих дел, передоверив торговлю братьям.

2

Я получил твое письмо к Белинскому,¹ и истинно прочел его с наслаждением. Да, так, так надо было писать к падающему человеку. Я уверен, что письмо это даст Белинскому новые силы, новую энергию. Бедный — сосредоточить в грамматике всю жизнь свою и не найти выхода из своего положения!² У меня билось сердце сильнее, когда я читал письмо твое. Хорошо, прекрасно — спасибо тебе. Святая истина вдохновила тебя. Сегодня отсылаю письмо это на почту.

Вчера виделся наконец с Аксаковым. Не судьба твоему Шмиту. Аксаков только недавно воротился из поездки своей в Курск и заболел глазами, которые и теперь еще не поправились. Катков, как слышал я, был болен. Кетчер сделал половину — и то едва ли; твой покорный слуга сделал половину — и сегодня еду в Нижний, где пробуду до сентября.³ Сказать правду^a — ты с этим Шмитом сыграл перед Строгоновым не очень завидную роль — и винить в этом должен себя одного. Взявшись за дело, надобно выполнить его, а то лучше совсем не браться; словом, Бакунин, ты в деле этом поступил дурно, недобросовестно. Если понадобится тебе тетрадка Шмита, она будет у Лангера. По моему мнению, лучше уж тебе совсем оставить перевод этот; ведь уж если труд этот так противен душе твоей, зачем продолжать его?

Во вторник Лангер послал к вам в ящике разные вещи, вероятно вы уже все получили.

Прощай, Мишель.

Я читаю Марбаха. А Поль, брат, — что-то конечное.⁴

В. Боткин.

26 июля <1837>. Понедельник.

Два отрывка из этого письма с искажениями и с неверно прочтенной датой (26 июня) опубликованы А. А. Корниловым (Молодые годы Михаила Бакунина, с. 514). В. Г. Березина (с. 45—46) правильно датировала письмо по содержанию (как следующее за письмом от 15—16 июля) и внесла исправления по рукописи.

^a Далее зачеркнуто хочется.

Июль вместо июня подтверждается также указанием Боткина «Понедельник»: 26 июня 1837 г. была суббота.

¹ Письмо Бакунина не сохранилось, но до нас дошло большое ответное письмо Белинского от 16 августа 1837 г. (Белинский, т. XI, с. 160—181), благодаря которому можно восстановить содержание письма Бакунина.

² После запрещения «Телескопа» Белинский написал зимой 1836—1837 г. грамматику русского языка, которую предполагал передать в Московский учебный округ в качестве руководства для средних школ. Чиновники отклонили учебник, и тогда Белинский на свой страх и риск напечатал «Граматику» в долг в количестве 2430 экземпляров, надеясь на ее распродажу (цензурное разрешение книги — 8 апреля 1837 г., выход в свет — конец мая). Однако книга очень плохо покупалась.

³ В 1836—1841 гг. Боткин ежегодно должен был проводить летние месяцы на Нижегородской ярмарке по торговым делам отца.

⁴ Термин «конечное» означает в данном случае ограниченность, приземленность, непричастность к «бесконечному», к «абсолюту».

3

Москва. 13 октября 1837 г.

Что значит, Михайло Александрович, что так давно мы не имеем от тебя ни слуху, ни строчки. Белинский по приезде с Кавказа писал к тебе, — неизвестно даже, получил ты письмо это или нет.¹ Лангер писал, и все нет ответа. Скажи, Michel, неужели мы уже потеряли для тебя всякое значение, отчего ты не хочешь поделиться с нами состоянием твоего духа? Ты, может быть, находишься в борьбе, трудно тебе, но я знаю силу и жизненность твоего духа и не опасаясь за твое падение. Мы приписывали было твое молчание тому, что скоро сам ты собираешься приехать в Москву, но мы ждем уже давно, а тебя все нет.² Прошу тебя, выведи нас из мучительного состояния, напиши к нам и непременно с первою почтою, — напиши хоть одну строчку.

В. Боткин.

¹ Письмо Белинского Бакунину от 21 сентября сохранилось (Белинский, т. XI, с. 181—183); в нем критик сообщал, что вернулся в Москву с Кавказа 15 сентября. Вслед за публикуемым письмом Боткина Белинский написал Бакунину 15 октября тревожное послание, которое начиналось словами: «Не знаю, что сделалось с тобою, любезный Мишель? Ты точно как будто умер для нас, твоих друзей, которые начинают сильно беспокоиться на твой счет» (там же, с. 183).

² Бакунин вскоре ответил Белинскому большим письмом «тетрадь» (не сохранилось), которое Белинский получил 25 октября и о содержании которого можно судить по его ответному письму от 1 ноября 1837 г. (Белинский, т. XI, с. 184—202). 30 ноября Бакунин приехал в Москву (Бакунин, т. II, с. 80).

4

«30 апреля 1838. Москва».

Нет, не для возвращения, не для восстановления минувшего пишу я к тебе — оно для тебя умерло; не из мелкого, самолюбивого расчета, не из желания определить как-нибудь наши отношения пишу я теперь к тебе. Пишу потому, что тайное, душевное стремление влечет меня к духу твоему, к твоему глубокому, любящему сердцу. Что мне за дело, что презираешь меня, что считаешь меня фальшивым, гнусным человеком; если все тебе станет против меня говорить, с чистым, святым внутренним сознанием я скажу: нет, я не таков. Бог видит, что я не таков. Мои отношения к тебе для меня загадка, таинственная, фантастическая загадка. Не хочу и не имею силы разгадать ее, — и оставляю ее времени. Жить с тобою я не могу. Чувствую, что я во многом был совершенно виноват и виноват гнусным образом перед тобою. Ты же меня не оскорбил ничем.^a Случилось! Почему так, а не иначе — не знаю. Мы расстанемся. Что я любил тебя — это правда. Я люблю тебя теперь и чувствую, что ты в душе занимаешь у меня широкое место, но вместе с тем чувствую, что нам должно расстаться. Вижу, что, увлеченный взрывом, я много наклеве-

^a Далее густо зачеркнута одна строка.

тал на себя и тебя. Если захочешь взять труд, отдели это от меня. Не захочешь, не надо. Оправдываться не хочу, что было — то было. Грустно мне теперь. Сердце так бьется, так бьется. Дружбы между нами не было. Не знаю почему. Я дурной, слабый, болезненный человек, но сердце у меня горячо. Я многого не пойму, многого не умею сказать, а часто у меня грудь хочет разорваться от чувства. Я теперь решил говорить как можно меньше. Внутри у меня есть прекрасный мир; я в нем буду жить чаще. Уверю тебя, что никакое обстоятельство жизни не может привести меня в отчаяние. Во мне есть что-то такое, которое утешит и наполнит меня. Странное дело! Во мне всегда было какое-то темное предчувствие, что мы расстанемся, и расстанемся не добром; всегда что-то в тебе отталкивало меня, — кроме немногих минут, в которые исчезало это. Но что об этом. Последняя моя жизнь с тобой и разрыв есть для меня важный и могущественный опыт в жизни. Я увидел теперь себя объективно. Не хочу от тебя скрыть, как важен наш разрыв для меня по своим *следствиям*. И я с твердостью и — зачем не сказать, — с глубокою, сердечною грустью принимаю все последствия; знать тому не должно быть. Поверь, ни за какое блаженство я не захочу унижить себя сознательно. Это мое последнее письмо. Тебя прошу ко мне тоже не писать. И зачем? Пустая игра слов, вовлекающая только в большие недоразумения.

30 апреля в 10 час. вечера. После письма твоего к Белинскому, в котором ты считаешь меня лживым и гадким человеком.¹

Письмо по содержанию отнесено В. Г. Березиной к 1838 г., ею же опубликованы четыре отрывка письма (Березина, с. 54—55).

¹ Письмо Бакунина не сохранилось, как не сохранились и два письма Белинского к Бакунину от конца апреля—начала мая 1838 г. (Белинский, т. XI, с. 237).

5

«Начало мая 1838. Москва».

Глубоко, глубоко поразило меня твое письмо. Я сейчас получил его и не могу прийти в себя. Что это за странные, дикие отношения между нами. Неужели в самом деле не осталось между нами ничего, совершенно ничего. Неужели святые минуты, которые бывали у нас, — все призрак, обман! Я много оскорбил тебя,^a это правда. Но ты не так понял меня; никогда я не думал писать к тебе: *«а для того, чтоб поддержать авторитет, старался запугать вас всех логическими хитросплетениями и пускал вам логическую пыль в глаза, для того чтоб мешать видеть свою внутреннюю <так!> пустоту, внутреннюю лень духа»*. Этих слов я не писал к тебе и этих мыслей никогда у меня не было; их прибавило твое оскорбленное самолюбие. Нет, Мишель, не с такими ощущениями я писал письмо к тебе, я выговаривал тебе состояние моего духа, выговаривал откровенно все, что лежало у меня на сердце, и выговаривал человеку, который все поймет — примет истину и отбросит все, что говорит во мне непросветленность и субъективность. Я ждал от тебя письма, которое уяснит мне мое состояние, ждал добросовестного, откровенного отзыва человека, которого я столько уважаю, что решился высказать ему все, что против него лежало у меня на сердце, — и что ж получил? Мне страшно было читать твое письмо. Тебе самому будет совестно своего письма. Если в самом деле ты чувствуешь то, что писал ко мне, то это мне грустный опыт в жизни.^b

Прощай, Мишель.

Датировано В. Г. Березиной; ею же опубликован (с одной ошибкой) отрывок (Березина, с. 55).

Между письмами 4 и 5 должно быть помещено письмо, которое можно датировать концом апреля—началом мая 1838 г. Письмо это впервые опубликовано

^a Далее зачеркнуто сознание этого теперь мучит меня.

^b Далее зачеркнуты четыре строки.

Н. Г. Розенблум (с тремя неверными прочтениями и с датой «Около 15 октября 1838 г.» — Литературное наследство, т. 56. М., Изд. АН СССР, 1950, с. 117; далее: ЛН). В. Г. Березина справедливо отнесла письмо к апрелю—маю и предположила, что это приписка к письму Белинского к Бакунину (Березина, с. 54). Первое несохранившееся письмо Белинского к Бакунину, видимо, было отослано параллельно с письмом четвертым, а второму письму критика, тоже не сохранившемуся, сопутствовала данная приписка.

6

Москва. 9 мая 1838.

Мишель! к чему такая недоверчивость, к чему дикие предположения, что тебе не поверят? Напрасно, нас разделили только наши субъективности, наши дурно резкие непосредственности, но в глубине души я всегда чувствовал (нет, когда я писал к тебе письмо и день после того, я совершенно потерял это чувство) и теперь чувствую, что связан с тобой навеки неразрывными узами; я часто соприкасаюсь твоему духу, живу с тобой, да, я чувствую около себя твое присутствие, и чувствую его так живо, так ощутительно, что не могу ни о чем думать, ничем заниматься, а только погружаться в тебя. Но твои письма, Мишель, твои письма! Отчего в них так мало виден тот Мишель, который никогда не расставался со мной, к которому у меня не было никогда враждебности, но самое нежное, почти страстное чувство? Ты, может быть, и в гармонии, но ты не в сфере бесконечного; ты не с высоты смотришь на наши отношения, а снизу. Ты не возвысился над ними; в последнем письме видны только эти порывы, но они исчезли, когда конечность в форме недоверчивости снова вступила в твое сердце. И что тебе за дело, поверят ли тебе или нет, — выговаривай себя, вот главное. Но, Миша, истина и сила свидетельствуют сами о себе. И особенно в твоих письмах, где только сила и истина посетят тебя, — там не нужно доказательств, что ты в гармонии. А они мало посещали тебя в последнюю переписку, кроме последнего твоего письма, которое меня оживило.

Ты мне напоминаешь вечер, проведенный с тобой, когда мы говорили о таинственном мире жизни, о букете этого мира, — я помню, очень помню этот день и вечер и никогда не забуду их. Миша! Что это у тебя в письмах за конгрессы, за подписыванье приговоров!! Конечно, мы говорим почти беспрестанно о тебе, но говорим потому, что у всякого на душе лежишь ты глубоко, что настоящие отношения так важны для всех, что ты слился с жизнью каждого, и мысль расстаться с тобой никак не можно ясно образовать в уме. По крайней мере, я, как ни думал, как ни приучал себя к мысли, что я с тобой расстался, нет, никак я не мог ясно даже представить этого. И наконец убедился в том, что если ты со мной расстанешься, то я с тобой расстаться не могу. К чему эти apparences.^a Не хочу я апарансов, бог с ними.¹ Приезжай смело, и будь тем, что ты есть в самом деле. Ты встретишься со мной, как с человеком, которому несносны были некоторые твои дурные стороны, который все это тебе высказал, но который однако ж вследствие этого объяснения любит тебя еще более. Но зачем предполагать, что и как будет! Ведь главное в том, что ты приедешь к людям, тебя глубоко любящим, а что за дело до остального.

Напрасно ты просишь прощений; это так глупо, что из рук вон. Когда Белинский получил твое письмо, в котором ты жестоко ругался надо мною,² я дня два спустя написал было к тебе письмо. Но мне отсоветовали.³

¹ Судя по письму Белинского к Бакунину от 9—27 (?) мая (Белинский, т. XI, с. 235—237), последний, обиженный нападками друзей, предлагал сохранить лишь внешние приличия при встречах, т. е. фактически порвать дружеские связи.

² См. конец письма 4.

^a Видимости, внешние приличия (франц.).

³ Возможно, конец данного письма не сохранился. Четыре отрывка из письма были опубликованы В. Г. Березиной (ЛН, т. 56, с. 109). Между письмами 6 и 7 Боткин отправил еще два письма. Первое из них можно датировать серединой мая (впервые с неточностями опубликовано в кн.: Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина, с. 517; см. также: Березина, с. 58). Второе письмо, датированное 27 мая 1838 г. (Бакунин только что уехал в Прямухино из Москвы, куда приезжал для объяснения), впервые опубликовано В. Г. Березиной (с. 83) с двумя неверными прочтениями.

7

Любезный мой Мишель! Так у меня много на душе, столько странного, до сих пор мною не испытанного, что я не только не могу отдать тебе в этом какого-нибудь отчета, но даже сам нахожусь в болезненном состоянии. В самом деле я болен. Грудь теснит, голова тяжела, во всем теле слабость. Что бы ни было, Мишель, а мое состояние прекрасно.¹ Ты спрашиваешь, чтоб я тебе сказал, что делается внутри меня. Я не могу теперь этого сказать. Право, мне необходимо надо быть одному; а часто и Виссарион бывает мне в тягость. У меня только есть предчувствие, и предчувствие всего; и предчувствие благодати, о чем ты пишешь мне в последнем письме,² мне знакомо и часто посещает меня. То, что говоришь ты о *знании*, — есть истина, а я^а не только что убежден в этом, но вполне чувствую, — и знаю, что без этого я буду целую жизнь в недовольстве и беспрестанном пустом стремлении, чуждом достижения; и знаешь ли, я^б полагаю, что может быть то, что стремление утратит^в наконец характер благодати, а может разлиться в страстях. Поэтому я не могу без невольного уважения смотреть на отчаянного игрока, страстного злодея, преступника, — иногда даже на буйного пьяницу. Эх, брат, душа человека так глубока и бездонна, — как подвесь ее под уровень?

Сегодня ^г Т<атьяна> А<лександровна>, А<лександра> А<лександровна> и Варвара Александровна³ осматривают Кремль. Я не пошел с ними. Отчего? спросишь ты. Сам не знаю, отчего.^д Ihre Mutter, Мишель, Ihre Mutter! Es ist mir unmöglich mit Ihr zu reden. Welch' eine Frau!^е Сегодня вечером музыка.

Петра Петровича⁴ в Москве еще нет; будет не ближе как через неделю. Тогда тебе обо всем уведомя.

Все твои поручения выполняю.

Прощай, мой друг.

20 ию<ня> <1838. Москва>.

Еще раз прошу тебя, напиши мне, получил ли ты письмо, при котором я послал полученное мной на твое имя письмо из Прямухина?⁵

Письмо датировано (ЛН, т. 56, с. 110) по соотношению с содержанием письма Белинского к Бакунину от 20—21 июня 1838 г. (Белинский, т. XI, с. 239—250). В «Литературном наследстве» опубликован отрывок с двумя грубыми ошибками (ЛН, т. 56, с. 110).

¹ Речь идет о чувстве Боткина к Александре Бакуниной (ср. письмо 8, прим. 6).

² Письмо не дошло до нас, но в других письмах и дневниковых записях Бакунина тех лет сохранились характеристики «благодати», см., например, в «Моих записках» от 4 сентября 1837 г.: человек проходит через три этапа (поэзия, религия, философия), и на высшем, философском, происходит слияние субъективного и божественной благодати, очищающей личность от призрачного мира (Бакунин, т. II, с. 72). Ср. письмо 9.

а Далее зачеркнуто это г.

б Далее зачеркнуто пред.

в Далее зачеркнуто может.

г Перед этим словом зачеркнуто Вчера я.

д Далее две строки густо зачеркнуты.

е Ваша мать, Мишель, ваша мать! Мне невозможно с ней говорить. Какая женщина! (нем.).

³ Татьяна Александровна (1815—1871) и Александра Александровна (1816—1882; впоследствии замужем за Г. П. Вульфом) — сестры Бакунина; Варвара Александровна (1792—1864) — мать их, урожденная Муравьева.

⁴ Имеется в виду Ключников Петр Петрович (1812—ок. 1861) — врач, брат И. П. Ключникова, поэта, члена кружка Станкевича (см. письмо 9). Бакунин с нетерпением ждал приезда Ключникова в Москву и затем в Прямухино: там умирала от чахотки его старшая сестра Любовь Александровна.

⁵ Между тем Боткин писал данное письмо именно в Прямухино. Очевидно, уже после отъезда Бакунина из Москвы в Прямухино, в конце мая или начале июня, на его имя пришло письмо из Прямухина от родителей или сестер; Боткин снова переслал его в Прямухино.

8

<21 июня 1838. Москва>.

Aber du fehltest, du fehltest,^a Мишель. Вчера была музыка, прекрасная музыка. И как нарочно дьявол почти целый вечер держал меня в когтях. Я был в таком диссонансе, из которого не могли вырвать меня ни трио D-dur (чудное *adagio*, его ты не забыл), ни даже Соната Лангера. В этот диссонанс проклятый ввели меня мои почтеннейшие родители, которым вздумалось знакомиться с твоими сестрами.¹ Поверь, Мишель, когда кто подходил к ним чуждый сферы их, непосвященный, — дрожь бешенства пробегала по мне, я готов был вскочить и отбросить от них. Я вчера измучился. *Adagio* из *Septuor*² Бетховена³ (которого ты, к сожалению, не знаешь) наконец вырвало меня. Будучи не в силах переменить, я оставил все как есть, и, убедясь, что все дурное этого вечера отпадет само собою, я стал внимательнее вслушиваться в музыку, и музыка освободила меня. Но если тебе сказать правду, то не совсем музыка — а то, что я как-то решился подойти к твоим сестрам и заговорить с ними. Чудные, гармонические девушки, духи света, — какая темная сила удержит при них свое могущество. Как мне хотелось ввести их в сферу *Septuor* или трио B-dur,⁶ передать в образах все эти переливы возвышенных идей, этого глубокого просветленного чувства, — следить с ними за каждым аккордом, чтоб все для них там было ясно, чтоб перед ними предстал этот готический храм во всех своих бесконечных подробностях, с своими воздушными кружевами и жемчугом, — и в то же время в поражающем величии и единстве целого. У меня слов не было, я не в силах был сказать ничего, кроме пустых и глупых восклицаний. И смешон и жалок я. Впрочем не жалок, а, ей богу, смешон!

Сегодня они будут слушать квартеты Бетховена и Мендельсона.⁴ Поверь, я ищу в памяти и уме все, что бы могло хоть одну минуту сделать им приятного, и не нахожу ничего.

21 июня.

Если бы ты взглянул на нас, когда мы с Виссарионом, несмотря на твой важный и грозный вид (ведь ты давно, надеюсь, сердит), ты расхохотался бы. Ах, брат, какое смешное творение человек. Что это за чудак! Виссарион пишет тебе огромное письмо,⁵ которого я еще не читал. Тяжело положение Виссариона. Что касается до меня, я так счастлив, как никогда не был в жизнь свою. У меня праздник жизни.⁶

Лангер, наш Лангер, празднует вместе со мной.⁷ Вчера мы с ним после музыки ходили в сад и встретили рассвет, ходили, говорили мало, а когда^b пошли в комнаты, то обнялись — и поцеловались. Я чувствовал в себе трепетание каждого нерва. Господи! да что это за блаженство!

Лангер пишет трио — какие идеи!!!!

Письмо датируется по соотношению с содержанием письма Белинского к Бакунину от 20—21 июня 1838 г. Один абзац из письма опубликован, см.: ЛН, т. 56, с. 110.

^a Эх, тебя недоставало, тебя недоставало (*нем.*).

^b Далее зачеркнуто сначала.

^v Далее зачеркнуто расходились.

¹ Боткин преувеличенно стыдился своих «необразованных» родителей. Ср. в письме к брату Михаилу от 26—27 ноября 1861 г.: «Из моего детского возраста нет отрадных воспоминаний: добрая, простая мать, которая кончила тем, что беспрестанно напивалась допьяна, и грубый, суровый отец. И какая дикая обстановка кругом» (Ученые записки Тартуского гос. университета, 1965, вып. 167, с. 119).

² Septuor — музыкальное сочинение для семи голосов или инструментов, септет.

³ Септет Бетховена, op. 20 (1800) — известное инструментальное произведение. Ср. суждение Белинского об этой пьесе в том же исполнении: «Вчера, например, я, варвар и профан в музыке, слушал septuor» Бетховена с слезами восторга на глазах, трепетал от звуков, которые так неожиданно и так сильно заговорили моей душе» (Белинский, т. XI, с. 244). Упоминаемые в письме трио — также, по-видимому, произведения Бетховена. В кругу Бакунина—Белинского отношение к Бетховену было самое восторженное, его считали вершиной немецкой и мировой музыки (см.: Боткин В. П. Итальянская и германская музыка. — «Отечественные записки», 1839, № 12, отд. IV, с. 1—16). Творчество Бетховена неустанно пропагандировалось Бакуниным и Боткиным (см.: Кремер в Ю. Русская мысль о музыке, т. I. Л., Музгиз, 1954).

⁴ Мендельсон-Бартольди Феликс (1809—1847) — немецкий композитор. В кругу Бакунина Мендельсон также оценивался высоко (см., например, хвалебный отзыв о нем в музыкальной рецензии Боткина «Оле-Буль...»: «Московский наблюдатель», 1838, ч. XVI, март, кн. 2, с. 333—334). Впоследствии Боткин, в духе общих идей русской музыкальной эстетики пятидесятых годов, относился к композитору значительно сдержаннее, считая, что у него «больше науки и соображения, чем фантазии» (письмо к И. С. Тургеневу от 18 июня 1853 г., см.: Переписка В. П. Боткина и И. С. Тургенева. М.—Л., «Academia», 1930, с. 44). Однако и тогда Боткин положительно отзывался о квартетах Мендельсона.

⁵ Письмо Белинского от 20—21 июня 1838 г. сохранилось (Белинский, т. XI, с. 239—250).

⁶ Боткин намекает на безответную любовь Белинского и на счастливую свою к Александре Бакуниной (см. в кн.: Корнилов А. А. Молодые годы Михаила Бакунина, с. 270—291, 511—557).

⁷ Л. Ф. Лангер, по-видимому влюбленный в Татьяну Бакунину, радовался вместе с московскими друзьями приезду сестер Бакуниных (Белинский, т. XI, с. 289).

9

«27 июня 1838. Москва».

Миша, Миша! Спасибо за письмо твое; никогда еще не получал я от тебя такого письма. Читая его, я чувствовал, что ты любишь меня, чувствовал это в каждом слове твоего письма, сердце горячо отзывалось тебе, и я целый день был в торжестве. Все, что ты говоришь, есть глубокая истина, — таки благодать присутствует в нас только в отвлеченной форме, в форме предчувствия, созерцания, — и до тех пор, пока не сделаем ее для себя конкретно и сознательно действительностью, до тех пор мы можем падать; благодать в отвлечении,^а в Ahnung^б — не есть еще моя собственная благодать, она не от меня зависит, я не властен управлять ее наитием и удержанием, и потому в этом случае я нахожусь еще некоторым образом в непосредственности, — и это такое достоинство, которое приводит меня в досаду. Благодать действительна для человека только в знании, в мысли; тогда делается ему отверзтым вход в это царство, и он по воле может вступать в него; а нашему брату дожидайся, покуда Феос¹ захочет позвать к себе, и я, Миша, чувствую это глубже чем когда-нибудь, чувствую, что мои беспрестанные порывания, стремления, эта томительная жажда, которая утоляется только тогда, когда я именно нахожусь в сфере мысли, — все это наконец измучает меня; каждый день говорю я себе — воли, воли! Я убедился теперь, что ум мой способен понять и принять всякую мысль, да, Миша, Бог не лишил меня этого блаженства, — но воли, воли, где взять ее? Э, вздор, — борьба, сила, самообладание, — неужели вы оставите меня, теперь, во время, когда вы для меня всего нужнее. Буду бороться, работать, не поддамся дряблости

^а Далее зачеркнуто представлен.

^б Понятие (нем.).

и лени. Жалка жизнь в созерцании и в чувстве, жалка и бедна, потому что тут нет свободы. А я чувствую, Миша, что много движется внутри меня, более и более ощущаю я в себе^в какое-то самому мне неизвестное содержание, — там что-то кипит, просится наружу, как будто лежит какая-то загадка, тайна, и которая тяготит меня. В минуты самой высшей гармонии, чем торжественнее наслаждение, тем глубже чувствуется мой внутренний мир, тем сильнее ощущаю я в груди таинственное, так что иногда это стесняет дыханье. Мне ясно ощутительна граница между Ahnung и представлением, и^г содержание моего Ahnung гораздо выше моего представления. На прошедшей неделе я два раза смотрел рассвет и восход солнца; да и в ночи эти что я переживал? Во мне не было ни крошки страстного, — я чувствовал гармонию общей жизни, любовь, бесконечная любовь наполняла сердце, — погрузиться бы, vergehen^д в этой упоительной жизни духа, и вот в такие-то минуты, когда чувство пламенно^е вылетает в небо и парит по пространствам природы — тут-то тяготит меня отсутствие мысли. У меня в то время нет мысли, — в сознании моем хаос, — нет опоры, основания, определения все рушатся, и я чувствую тогда,^ж что без мысли, без сознания все это порывание чувства, все это блаженство похоже на фантастические образы, это тени, которые мелькают, не оставляя после себя никакого следа. Только мыслить можно удержать их, а где взять мысли?

Вот видишь ли, Миша, куда я пришел? Думал <ли> я за несколько месяцев, что не удовлетворюсь никаким созерцанием, или, что еще для меня удивительнее, — думал ли я, что сфера мысли станет для меня целью, не достигнув которой я останусь нравственным уродом, с беспокойною разорванною внутренностью?^з А теперь это вошло в мое сознание и ясно для меня, как день. Теперь побольше воли, крепости духа, самообладания. Сознательнее, чем когда-нибудь, чувствую я теперь, что я^и вступил в новую сферу, во мне образуются новые потребности, новые интересы, я как будто начинаю сосредоточиваться. Не хочу загадывать, что и как начну я, чем укреплюсь в новой своей сфере, я выговариваю теперь тебе мое настоящее состояние, состояние моего духа. Ах, боже мой, если бы ты знал, как я ленив, дрябл, слаб духом и как ничтожна моя воля. Погоди, я начну с собой справку и стану строго смотреть за собой. Однако ж я, заговорившись о себе, забыл о главном деле.

Петр Петрович Ключников еще не приехал в Москву. Ив<ан> Петр<ович>² ждет его скоро. Как только он приедет, тотчас же поедет в Прямухино, если только не помешают этому какие-нибудь особенные обстоятельства.³ Сегодня опять еду к Ив<ану> Петр<овичу> говорить об этом и уладить поездку Петр<а> Петр<овича>. Поверь, Мишель, это лежит у меня на сердце.

Книги, на которые ты подписался у Северина,⁴ получатся не ближе как через 2 недели, и потому я тебе новых книг почти никаких не привезу.

Левашевы⁵ велели нынче прийти за книгами; я уж посылал Влад<имира>⁶ 2 раза, книги были не готовы. О всех прочих подробностях мы переговорим лично. Будь здоров и крепок духом, мой Миша, прекрасный Миша.

Вас<илий>.

27 июня. Москва.

Письмо датируется 1838 г. по связи с письмом 7.

^в Далее зачеркнуто глубокий внутренний мир.

^г Далее зачеркнуто мир моего.

^д Пройти (во времени), прожить (нем).

^е Далее зачеркнуто лети<т>.

^ж Далее зачеркнуто потре.

^з Было с беспокойным, разорванным сердцем.

^и Далее зачеркнуто вошел.

¹ Феос, теос — бог (греч.).

² Ключников Иван Петрович (1811—1895) — поэт, член кружка Станкевича, друг Белинского, брат врача Петра Петровича. Псевдоним И. П. Ключникова Θ («фита») — первая буква слова «Феос».

³ В конце июня Белинский, Воткин, И. П. Ключников и другие лица написали П. П. Ключникову в Венев (где он служил) письмо, в котором умоляли немедленно ехать в Прямухино помочь умирающей Любви Александровне Бакуниной (Белинский, т. XI, с. 250—251), а затем Белинский ездил сам в Венев. Однако приехал П. П. Ключников в Прямухино лишь в середине июля (Бакунин, т. II, с. 193—197).

⁴ Северин — московский книгопродавец.

⁵ Левашевы — семья московских либеральных помещиков; хозяйка дома — Левашева Екатерина Гавриловна (1800 (?)—1839) — родственница Бакунина по матери. В ее общественно-литературном салоне бывали декабристы, П. Я. Чаадаев, Е. А. Баратынский, Н. П. Огарев и др.

10

<17 июля 1838. Москва>.

Теперь, когда я освободился от своего пошло-чувствительного состояния, которое так омерзительно было мне самому, теперь, когда в душе моей пробуждаются святые гармонические минуты, — я понял, что привело меня в то мучительное состояние, в каком находился я последние дни в Прямухине. Нет, впечатление обморока скоро бы рассеялось, но твой вопрос, Миша, твой вопрос, — он растерзал меня. Твой тон, с которым ты спрашивал меня, твое лицо, твои слова на ухо Лангеру,¹ — все это убило меня. Боже мой! С таким тоном говорить о моем чувстве, каким бы оно ни было, — не уважать этого чувства и с насмешливостью допрашиваться о нем.² Что это все, Миша? И за что это все? Да, только теперь понял я, как мало имеешь ты ко мне уважения. Ты заметил враждебное выражение на моем лице при приезде твоём,³ — нет, в этом выразилось предчувствие, что ты станешь спрашивать меня, это было желанием отстранить тебя, от тебя отдалиться, потому что я хотел только жить с самим собою. И наконец после этого разговора со мною Виссариона, вследствие твоего поручения пересказать его мне после, — необходимость говорить об этом с ним,⁴ — да скажите же мне, господа, разве я вас просил о чем-нибудь, разве я имел какие-нибудь надежды, разве я советовался с вами? Да, ты допросами растерзал мне сердце, ты осквернил мое чувство, — Миша, ты оскорбил меня. И я уверен, ты поймешь меня и сознаешь, как был нехорош, неделикатен твой поступок. Плохая же между нами дружба, когда ты *так* знаешь меня. Вот почему просил я тебя никогда не говорить об этом со мной, потому что после твоего вопроса каждый твой намек был для меня оскорбителен. Нет, Миша, ты еще не совсем знаешь меня. Я не умею говорить, сфера мысли еще чужда мне, но за сердце свое, за душу — я, Миша, имею их, и это все, что во мне есть только. Уважай их, Миша, прошу тебя, потому что они святы во мне. Откровенности ты хотел, — откровенности, доверенности? Да что я мог доверить тебе? Только тогда, когда душа из бесконечного святого созерцания должна была упасть в опошленные слова, которые я *должен был* выговаривать тебе, в том допросе, только тогда я мог кое-что сказать тебе, уже вырванный из моего торжественного одушевления. Есть вещи, которые должны только пониматься другом, а между нами этого понимания, кажется, не было. Я это очень чувствовал. Душа болит, Миша, болит твоим оскорблением, — болит тем, что ты мало знаешь меня. Да, еще раз повторяю, ты мало знаешь меня. Бог с тобой, когда-нибудь узнаешь лучше.

Правда, я должен был скрыть свое чувство, подавить его, не дать его заметить, но мог ли я это сделать? Это был невольный порыв. Душе трудно было не смотреть на то, что создала она давно желанным, столько ей близким. Пусть существует оно, ей родное, близкое — и вместе беско-

^a Далее густо зачеркнуты две строки.

нечно далекое? Оно будет для меня звуком, аккордом, который носится по пространству, заключая в себе светлые образы, чудные видения, но не принадлежащие ни здешнему миру, ни его действительности.

Бог с вами, господа, вы отравили самые прекрасные, святые минуты жизни моей. Хороши друзья! Нет, не оскорбленное самолюбие говорит во мне, а мое глубокое оскорбленное чувство.⁶

Утро 17 июля.

Я торжествуя свое возрождение, свое возвращение в гармоническое, светлое состояние, в котором нет ни одного конечного желания, нет ни ревности, ни страсти, ни чувствительности. Одушевление сменило слезы и тоску, которые преследовали меня до вчерашнего вечера и под которыми я изнемогал. Я поехал сегодня верхом, посетил мое любимое Измайлово,⁴ рассказал ему о себе, как старому другу, снова осмотрел его запустелые храмы, лег на его заросший густою травой пустынный двор, — лошади вздумалось лечь возле меня, и мы лежали долго. Вот вззошел месяц, заблестели разбитые стекла в церковных окнах, вечер был тих и душист, — светло и торжественно в душе у меня, весело вскочил я на лошадь, мне не хотелось ехать по дороге, я поехал лесом, через овраги, переправился вброд <через> реку — плутал, плутал, скакал, пел, и вот в 1-м часу воротился домой, и пишу это к тебе. Прекрасно, Миша, — все прекрасно. Прощай, друг, напиши мне о Лангере. Устал я и спать хочется; да — мне пришли на ум стихи, которые мне очень нравятся:

О милых странниках земли, что нам собой весь свет животворили —
Не говори с тоской: их нет! — А с благодарностию: были.⁵

Я не могу приняться ни за какие занятия, — дай простыть сердцу, оно теперь слишком полно.

17 июля, ночь.

Посылаю тебе книги завтра с тяжелою почтою.

Датируется 1838 г. по связи с предшествующими письмами и по бумаге: из всей пачки писем Боткина на такой бумаге написано лишь письмо 6.

¹ Вместе с Боткиным в июле 1838 г. в Прямухине гостили Белинский и Лангер (Белинский, т. XI, с. 289, 340).

² Речь идет о бестактном вмешательстве Бакунина в чувства Боткина к Александре Бакуниной.

³ Бакунин на несколько дней уезжал из Прямухина в Торжок встречать ожидаемого П. П. Ключникова (Бакунин, т. II, с. 193—194).

⁴ Измайлово — село за окраиной Москвы (ныне в черте города), усадьба царей Романовых XVII в.

⁵ Неточная цитата из стихотворения В. А. Жуковского «Воспоминание» (1821):

О милых спутниках, которые наш свет
Своим соотутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.

⁶ Далее зачеркнуто семь строк.

В. Я. БРЮСОВ

ПИСЬМА К Ф. СОЛОГУБУ

Публикация В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского

Валерий Брюсов познакомился с Федором Сологубом в середине 1890-х годов. Это были годы, когда русский символизм оформлялся как боевая литературная школа. Брюсов и Сологуб были представителями двух центров раннего русского символизма: Брюсов — московского центра (К. Д. Бальмонт, А. Миропольский (псевдоним А. А. Ланга), А. А. Курсинский), а Сологуб — петербургского (Д. С. Мережковский, З. Н. Гишпиус, Н. М. Минский и др.). Первые незадолго до этого заявили о себе шумевшими сборниками «Русские символисты», вторые группировались вокруг журнала «Северный вестник». Имя Брюсова, уже осознавшего себя в то время вождем нового литературного течения, очень быстро завоевало широкую, хотя по преимуществу и скандальную, известность, как имя поэта, нарушающего все установленные нормы литературного поведения и покушающегося на общепризнанные эстетические и общественные ценности. Сологуб же, несмотря на то что выступил в печати раньше Брюсова, был известен лишь в сравнительно узком кругу читателей.

Брюсов неоднократно пытался наладить связи с петербургскими символистами, но это удалось осуществить только к 1900 г., когда в Москве на средства поклонника «новой поэзии» мецената С. А. Полякова было организовано издательство «Скорпион». «„Скорпион“, — пишет Брюсов в своей автобиографии, — сделался быстро центром, который объединил всех, кого можно было считать деятелями „нового искусства“, и в частности сблизил московскую группу (я, Бальмонт и вскоре присоединившийся к нам Андрей Белый) с группой старших деятелей, петербургскими писателями, объединенными в свое время „Северным вестником“ (Мережковский, Гишпиус, Сологуб, Минский и др.). Объединение это было как бы засвидетельствовано изданием альманаха „Северные цветы“, в котором впервые появились на тех же страницах и вся группа „московских символистов“, и большинство сотрудников „Северного вестника“»¹.

Брюсов стоял в центре всех московских издательских и журнальных предприятий символистов, он был главным редактором «Скорпиона», альманахов «Северные цветы» и журнала «Весы». Этим отчасти объясняются его широкие литературные связи — русские и заграничные.

В цитированной выше автобиографии Брюсов писал: «Мережковские <...> встретили меня сначала довольно враждебно, и сблизились мы лишь на почве „Скорпиона“. С Сологубом, напротив, с самого начала у нас установились отношения дружественные: может быть, нас сближала сходная судьба в литературе»². И тем не менее взаимоотношения Брюсова и Сологуба никогда не были особенно близкими. Встречались они сравнительно редко, а переписывались преимущественно по деловым вопросам. Это переписка редактора с высоко ценимым им сотрудником — сначала сотрудником «Северных цветов» и «Весов», затем «Русской мысли», литературным отделом которой Брюсов руководил в 1910—1912 гг., и наконец участником сборника «Поэзия Армении» (1916). Некоторая сдержанность тона писем Брюсова находит объяснение отчасти в личных свойствах Сологуба — человека крайне замкнутого, самолюбивого и обидчивого.

Сдержанность в отношениях Брюсова и Сологуба иллюстрируется колоритным эпизодом, рассказанным поэтом, художественным критиком и теоретиком искусства К. Эрбергом (псевдоним К. А. Сюннерберга). Дело было в 1905 г. в Петербурге. «Брюсов на одной из сред Вячеслава Иванова читал свои стихи и среди них шумевшее тогда в литературных кругах символистов стихотворение „Приходи путем знакомым“ (зов умершей, обращенный к своему любовнику). На обращение кого-то из присутствующих к Сологубу: „А у Вас, Федор Кузьмич, не найдется ли подобных стихов?“ — Сологуб сухо и коротко, но во всеуслышание ответил: „Нет, не имею опыта“. На это можно было бы многое возразить автору позд-

¹ Русская литература XX века, т. I. Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914, с. 113—114.

² Там же.

нейших его произведений, например „Творимой легенды“ и таких стихотворений, как „Когда я был собакой“ и пр. Но Брюсов тогда промолчал».³

Несмотря на деловой характер, публикуемые письма дают ряд интересных сведений не только для биографии, истории личных и литературных взаимоотношений двух крупных деятелей русского символизма, но и для истории символистской журналистики и борьбы различных тенденций внутри школы. Особенный интерес представляет письмо 9 (от 31 августа 1907 г.), посвященное конфликту между Н. П. Рябушинским и сотрудниками издававшегося им «Золотого руна».

Меценатство в те годы проявлялось в разных формах. В одних случаях меценат, чувствуя себя идейно связанным с символистами, лишь предоставлял средства на их издания (как, например, С. А. Поляков — культурный человек, владелец издательства «Скорпион» и журнала «Весы», в редакции которого главную роль играл Брюсов); в других же он полностью сохранял свой контроль над журналом, вмешивался в редакционные дела и подчас грубо напоминал о своих правах «хозяина». Таким «хозяином» и был Рябушинский. Издавая роскошный по своему внешнему виду журнал, он, по отзывам современников, слабо разбирался в вопросах литературы и искусства.

Публикуемые письма В. Я. Брюсова к Ф. Сологубу хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, в архиве Сологуба (ф. 289, оп. 3, № 94). Письма Сологуба к Брюсову, использованные в примечаниях, находятся в Рукописном отделе Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, в архиве Брюсова (ф. 386). Там же хранится несколько писем Брюсова к Ф. Сологубу. Судя по письмам Сологуба и по реестру полученных писем, который он вел в 1883—1902 гг. (ф. 289, оп. 6, № 82), не все брюсовские письма к нему сохранились.

Отчество Сологуба Брюсов писал то с мягким знаком после «з», то без него, заглавия произведений и названия периодических изданий иногда не заключал в кавычки. Мы не считали целесообразным сохранять этот разнобой. Исправлены также явные опiski.

Письмо 9 с изложением инцидента в «Золотом руне» было опубликовано нами в газете «Литературный Ленинград» (1934, № 51, 8 октября), отрывки из писем 2 и 5 приведены К. Д. Муратовой в ее книге «Возникновение социалистического реализма в русской литературе» (М.—Л., «Наука», 1966, с. 168 и 182); отрывок из письма 32 опубликован И. Р. Сафразбеяном в книге «Брюсовские чтения 1966 года» (Ереван, 1966, с. 227).

1

Москва.

〈Начало ноября 1896〉.

Многоуважаемый г. Сологуб!

Я уже давно получил «Тени», но не хотел на этот раз ограничиться условной благодарностью. Со времени Вашей «Первой книги» Вы сделали значительный шаг на пути к оригинальности. Ваши стихи несомненно произвели на меня впечатление, и мне суждено еще много раз перечитывать их.¹

Уважающий Вас

Валерий Брюсов.

Письмо датируется на основании пометы Сологуба: «Получено 9 нб. 96».

¹ В 1896 г. в Петербурге вышли два сборника Сологуба — «Стихи. Книга первая» и «Тени. Рассказы и стихи».

2

〈Середина ноября 1900〉.

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Может быть, вы не изменили Вашего намерения принять участие в скорпионовском альманахе. В нем уже приняли участие (т. е. уже дали свои рукописи) З. Гиппиус, К. Д. Бальмонт, М. Лохвицкая, К. Фофанов, Ив. Коневский, Ю. Балтрушайтис, М. Криницкий и я; обещали свое участие наверное — М. Горький, Н. Минский, Е. Чириков, И. Бунин, Н. Черногоубов; не наверное, но «если что найдется», Д. Мережковский. В историко-литературном отделе будут стихи Фета и К. Павловой, письма

³ См. примечания мемуарного характера к собранию писем из архива Конст. Эрберга: ф. 474, № 53, л. 27—28 (указано С. С. Гречишкиным). Об отношениях Брюсова и Сологуба см. также: Перцов П. Литературные воспоминания. М.—Л., 1933, с. 229—231.

Вл. Соловьева и т. под. Есть предположение просить участвовать еще К. Случевского. Условия — обычные журнальные. Выйдет альманах в феврале 1901 г. От Вас очень надеемся получить стихов, а может быть, и рассказ. Название альманаху — «Северные цветы».¹

Сердечно Ваш

Валерий Брюсов.

Москва, Цветной б<ульвар>.

Как указано в реестре полученных Сологубом писем, письмо Брюсова пришло 19 ноября 1900 г. Помета под этой датой: «В. Брюсов. О Альманахе» (ф. 289, оп. 6, № 82, л. 106).

¹ «Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством „Скорпион“, вышли в Москве в начале 1901 г. В нем были помещены семь стихотворений Сологуба: «Вести об отчизне...», «Он темен и суров — и взор его очей...» и др. Посылая стихотворения для альманаха, Сологуб писал Брюсову 11 декабря 1900 г.: «Хотел было прислать еще рассказ „Обруч“, да не успел его кончить». Из указанных в письме лиц в первом альманахе «Скорпиона» не приняли участия Минский, Мережковский и Чириков. Упоминаемый в письме Н. Н. Черногоубов (1873—1942) — московский коллекционер, собравший много материалов, относящихся к Фету, А. Григорьеву и др., искусствовед, впоследствии помощник хранителя, а затем хранитель Третьяковской галереи. Для «Северных цветов» на 1901 г. издательство приобрело у него стихотворение Фета «Твоей приветливой щедротой...» и записку А. С. Пушкина к А. А. Муханову (см.: Брюсов В. Дневники. М., 1927, с. 91). Что же касается участия М. Горького, то данные об этом можно найти в письмах его к Брюсову. В ответ на предложение Брюсова дать рассказ для «Северных цветов» Горький писал 26 ноября 1900 г.: «Сообщите-ка мне последний срок для альманаха <...> Думаю, что моя реплика о писателе, к~~ото~~рый зазнался, не понравится Вам; она плохо написана — раз, и написана на социальный мотив — два» (М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. 28. М., Гослитиздат, 1954, с. 141). 12 января 1901 г. Горький писал: «Ваш первый альманах выйдет без меня. Искренно говорю — мне это обидно. Почему? А — извините за откровенность — потому, что вы в литературе — отверженные и <вы>ходить с вами мне приличествует. Да и публику это разозлило бы. А хорошо злит публику» (там же, с. 149—150). И, наконец, письмо от 4 или 5 февраля 1901 г. подробно характеризует отношение Горького к символистам: «Знаю, что делаю нечто непростительное, отказываясь от участия в „Северных цветах“, и не могу даже просить извинения у Вас, и не оправдываюсь. Но, пожалуй, объясню, в чем дело — времени у меня написать что-либо сносное и раньше не было, и теперь нет, теперь — особенно. Вы, Брюсов, наверное, и по „Троим“ видите, что писать я — не могу. Настроение у меня — как у злого пса, избитого, посаженного на цепь. Если Вас, сударь, интересуют не одни Ассаргадоновы надписи да Клеопатры и прочие старые вещи, если Вы любите человека — Вы меня, надо думать, поймете. Я, видите ли, чувствую, что отдавать студентам в солдаты — мерзость, наглое преступление против свободы личности, идиотская мера обожравшихся властью прохвостов. У меня кипит сердце, и я был бы рад плюнуть им в нахальные рожи человеконенавистников, кои будут читать ваши „Северные цветы“ и их похваливать, как и меня хвалят. Это возмутительно и противно до невыразимой злости на все — на „цветы“ „Скорпионов“, и даже на Бунина, которого люблю, но не понимаю — как талант свой, красивый, как матовое серебро, он не отточит в нож и не ткнет им куда надо? Вы мне страшно нравитесь, я не знаю Вас, но в лице Вашем есть что-то крепкое, твердое, какая-то глубокая мысль и вера. Вы, мне кажется, могли бы хорошо заступиться за угнетаемого человека, вот что, Бальмонт! Вам нравится его демонизм в книге сатурналий? (речь идет о поэме Бальмонта «Художник-дьявол», — И. Я.). Мне — противно. Все это выдумал он; все это он напустил на себя. „Людишки — мошки“. Врет он. Людишки — несчастны не менее его, и — что, если они более его заслуживают внимания и уважения?» (там же, с. 152—153).

3

Дорогой и уважаемый Федор Кузьмич!

Надо бы покончить нам дело со сборником Ваших стихов.¹ Не отгадите ли Вы наконец и Ваши «дьявольские» стихотворения.² Пожалуйста, договоритесь окончательно с Мих. Ник. Семеновым.³

Ваш неизменно

Валерий Брюсов.

<Начало> 1903.

¹ Сборник стихов Сологуба — «Собрание стихов. Книга III—IV. 1897—1903» — вышел в издательстве «Скорпион» в ноябре 1903 г. (на титульной странице — 1904 г.). Переговоры об издании сборника стихов Сологуба начались еще в конце 1901 г. (см. его письмо к Брюсову от 2 ноября 1901 г.); в начале 1902 г. Сологуб отправил рукопись, но издание значительно задержалось. По утверждению П. П. Перцова, не очень спешил с изданием сборника Сологуба сам Брюсов, холодно относившийся в то время к его поэзии (Перцов П. Литературные воспоминания, с. 231).

² По-видимому, в ответ на это Сологуб писал Брюсову 14 января 1903 г.: «На включение новых стихов вполне согласен».

³ Семенов Михаил Николаевич — издатель и переводчик, работник издательства «Скорпион», в котором вышел сделанный им перевод романа С. Пшибышевского «Homo sapiens». В 1897 г. — издатель марксистского журнала «Новое слово».

4

«Апрель» 1904.

Дорогой Федор Кузьмич!

Простите молчание. Всё домашние, семейные бедствия. Получил Ваши рукописи — «Я» и «Балладу». За посвящение спасибо очень. И, конечно, Вы правы — баллада мне близка. Можно ли напечатать то и другое? Я сомневаюсь. «Я» решительно противоцензурно. «Баллада» очень опасна.¹ Не дадите ли нам чего иного для «Сев<ерных> цветов», которые выйдут лишь осенью? Ах, если б рассказ! но и стихов!²

«Жало смерти» сегодня подано в цензуру. Вы забыли, что здесь были праздники недели *две*, когда в типографиях не работали. Отсюда задержка.³

Гонорар, сколько это от меня зависит, постараюсь Вам поторопить.

Ваш сердечно

Валерий Брюсов.

Ответ на письмо Сологуба от 4 апреля 1904 г.

¹ «Я. Книга совершенного самоутверждения» — стихотворение в прозе, проникнутое философией солипсизма; напечатано впоследствии в журнале «Золотое руно» (1906, № 9). «Баллада» (полное название «Своды и своды. Баллада. Валерию Брюсову»; автограф сохранился среди писем Сологуба к Брюсову) в 1906 г. вошла в сборник Сологуба «Родина. Стихи. Книга пятая» под заглавием «От злой работы палача. Баллада. (Валерию Брюсову)».

² Речь идет об альманахе «Северные цветы Ассирийские», вышедшем только в 1905 г. Здесь помещено семь стихотворений Сологуба — «Восходит змий горящий снова...», «В предутренних потьмах я видел злыя сны...» и др., а также рассказ «В плену».

³ Сборник рассказов Сологуба «Жало смерти» вышел в издательстве «Скорпион» в июле 1904 г. За месяц до этого книга была задержана цензурой. «Не из-за „Милого ли пажа“ этот скандал? — писал Сологуб Брюсову 7 июня 1904 г. — Но разве нельзя было его вырезать, если с ним цензура не пропускает? Впрочем, любопытно было бы знать, в чем дело». Новелла «Милый паж» в сборнике не появилась и впервые напечатана в журнале «Весы» (1906, № 8).

5

Июль 1904.

Дорогой Федор Кузьмич!

Стихи получил. Спасибо. Рассказ бы! Ваши прежние рассказы *заперты* у Серг<ея> Алекс<андровича>,¹ а он в Омске. Статья Ваша явно не может идти в «Весы», поэтому что? «Весы» *обязаны* по программе печатать только статьи о книгах и «по литературе и искусствам». Все, касающееся политики, нарочито воспрещено. Конечно, те же мысли могли бы пройти, если б они были прицеплены как рецензия к какой-нибудь книжке или статье.² Почему вообще Вы не хотите писать для «Весов»? Не верю, что это уже в такой мере претит вам — писать статьи. Преодолейте-ка свою гордость поэта и «унизьтесь до смиренной прозы!»³

Сердечно Ваш

Валерий Брюсов.

¹ Сергей Александрович Поляков (1874—1948) — математик по образованию, владелец книгоиздательства «Скорпион» и официальный редактор журнала «Весы», переводчик.

² О какой статье Сологуба идет речь, неизвестно. Вероятно, о ней Сологуб писал в редакцию «Весов» 1 июля 1904 г.: «Покорнейше прошу напечатать прилагаемую заметку в „Весех“, если она подойдет».

³ В ответ Сологуб писал Брюсову 5 августа 1904 г.: «Вы напрасно думаете, что я не хочу написать для „Весов“. Я только боюсь писать теоретическое что-нибудь. Для мысли иногда очень трудно найти должную оболочку». Слова о «смиренной прозе» — из «Евгения Онегина» Пушкина («унижусь до смиренной прозы»).

6

Уважаемый Федор Кузьмич!

Чешский журнал «Moderní revue», напечатавший недавно восторженную рецензию на «Жало смерти» (№ 1 от 1 ноября 1904 г.),¹ просит через нас Вашего позволения перевести Ваш рассказ «Красота». Позволите ли ответить утвердительно?²

Как хороша Ваша «Книга сказок»! Буду сам писать о ней в «Весех».³
Очень Ваш

Валерий Брюсов.

<Ноябрь> 1904.

¹ См.: Kříž Gustav. «Severní květy». — «Moderní revue», 1904, říjen (октябрь), № 1, s. 52.

² Перевод помещен в № 3 «Moderní revue» за 1904 г. (декабрь) г. (с. 114—125).

³ Сборник Сологуба «Книга сказок» (М., «Гриф», 1905) вышел в конце 1904 г. Рецензия Брюсова появилась в № 11 «Весов» за 1904 г. (с. 50—61). Брюсов писал в ней, что среди символистов Сологуб «один из немногих, взор которого не только проникает насквозь, но и видит самые вещи, — один из немногих, сохранивших живую, органическую связь с землею. Он тоже знает порывания за пределы, жажду захватить хоть каплю „стихий чуждой“, но он свой и „в пределах“, он у себя дома и здесь, на земле. Эта двойственность его отношений к миру ведет к такой же двойственности его творчества. Поэт изысканно-замкнутых, достигающих полной безукоризненности словесного выражения стихов, он в то же время автор грубо-реалистических рассказов <..> В „Книге сказок“ обе особенности творчества Ф. Сологуба как-то удачно соединены <..> „Книга сказок“ едва ли не лучшая изо всего, что написал Ф. Сологуб».

7

5 июля 1907.

Дорогой Федор Кузьмич!

Меня очень поразило неожиданно Ваше сообщение о смерти Вашей сестры. Я знал ее мало, но так привык соединять Ваш образ с ее образом, что испытываю как бы потерю давно и хорошо знакомого человека.¹ Совсем недавно, всего несколько дней назад, мне также пришлось встретиться со смертью друга, и Ваши чувства сейчас мне понятны живо.²

Что касается деловой стороны Вашего письма, то мне хотелось бы считать сказанное Вами — следствием Вашего невеселого состояния духа. Обвинять «Весы», что они не любят и не ценят Вашего творчества, — глубоко несправедливо.³ В 1906 мы напечатали два Ваших рассказа, и «Литургия Мне» была отложена до начала этого года,⁴ конечно, не потому, что мы что-то «предпочли» ей, а потому, что типографские забастовки лишили нас возможности напечатать все 12 №№ нормально. Пересмотрите наш «Указатель авторов», и Вы увидите, что в 1906 в «Весех» и Вы, и З. Гиппиус, и А. Белый, и я, мы все, в беллетристическом отделе, были представлены равномерно. Правда, представительство это оказалось для каждого из нас очень скромным, но в этом виноваты уже малые размеры «Весов». Подумайте, что ежемесячно для литературного отдела мы имеем в своем распоряжении всего 2¹/₄ или 2¹/₂ листа, а для отдела стихов всего 12—14 страниц! Удивительно ли, что некоторым рукописям приходится ждать своей очереди 2—3 месяца, что стихотворение С. Рафаловича ждало ее 14 месяцев или что З. Гиппиус печатно жа-

луется (см. выходящий № 6) на то, что ее рукопись лежала у нас целый год.⁵ Мы заставляли ждать наших сотрудников не из «злонравия» или «враждебного» к ним отношения, но в силу горькой необходимости. Конечно, Вы можете ответить нам: если у вас так много материала, увеличьте свой журнал вдвое! Но, во-первых, кроме беллетристического отдела, мы должны вести еще чисто журнальные отделы, пополнять которые достойным материалом гораздо труднее. А во-вторых, печатая ежемесячно 6—7 листов, мы можем быть уверены, что вступим и в 5-ый и в 6-ой «год издания», тогда как при размерах «Вопросов жизни» мы, вероятно, повторим и прискорбную судьбу этого «толстого» ежемесячника.⁶

Теперь в частности о Ваших «Качелях». Если из скорого помещения этих стихов Вы делаете *casus belli*,^a можно ли сомневаться, что мы отложим стихи кого-либо другого или прибавим к № несколько лишних страниц, чтобы только остаться с Вами в добрых отношениях. Если только Вы согласны покончить эту нашу размолвку, право, основанную на недоразумении, мы поместим Ваши «Качели» и другое стихотворение, которое Вы предлагаете, в № 8 (ибо № 7 почти до конца сверстан и изменять в нем что-либо уже очень затруднительно).⁷ Примите нашу уступку как наше извинение и верните нам Вашу дружбу, чем меня лично Вы обрадуете очень. Я думаю, Вы не сомневаетесь, что я издавна и твердо люблю Вашу поэзию и Вас и что мне руководить журналом, в списке сотрудников которого нет Вашего имени, было бы очень грустно.

Всегда и сердечно Ваш

Валерий Брюсов.

Р. С. Еще два слова о «Люцифере». Сколько вспомню, стихотворение это Вы доставили нам вместе с «Литургией». Мы ответили Вам, что предпочитаем напечатать «Литургию» (делать выбор приходилось все из тех же малых размеров журнала), и думали, что тем самым оставляем «Люцифера» в Вашем распоряжении. Если Вы по-прежнему хотите напечатать «Люцифера» у нас, Вам остается только выслать нам стихотворение вторично, ибо я его сейчас не помню и рукописи в редакции не сохранилось.⁸

¹ Смерть сестры сильно подействовала на Сологуба. Жена его — Анастасия Чеботаревская пишет в его биографии: «В 1907 г. Сологуб лишился любимой и единственной сестры, скончавшейся летом в Финляндии от наследственной чахотки. Памяти ее посвящена написанная непосредственно вслед за ее смертью трагедия „Победа смерти“, поставленная в том же году режиссером Мейерхольдом в театре Комиссаржевской» (Русская литература XX века, т. 2. Под ред. С. А. Венгерова. М., 1915, с. 12).

² Друг, о котором упоминает Брюсов, — поэт Георг Бахман, умерший 15 июня 1907 г. (он жил в Москве, писал по-немецки). Брюсов напечатал в «Весах» некролог, где очень тепло охарактеризовал Бахмана (А в р е л и й. Памяти Георга Бахмана. — «Весы», 1907, № 7).

³ 1 июля 1907 г. Сологуб писал Брюсову: «Меня очень огорчает пренебрежительное отношение ко мне „Весов“. Тем более огорчает, что я очень люблю „Весы“ <...> Я, наконец, убеждаюсь, что для „Весов“ я излишен, а потому ясно, что мое сотрудничество в „Весах“ прекращается».

⁴ В 1906 г. в «Весах» были напечатаны рассказы Сологуба «Чудо отрока Лина» (№ 2) и «Милый паж» (№ 8). Мистерия «Литургия Мне» появилась в «Весах» в 1907 г. (№ 2).

⁵ Речь идет о статье З. Гиппиус «Мы и они». Статья датирована маем 1906 г., а послесловие — июнем 1907 г.; в нем автор говорит: «Год тому назад было написано... Целый год!».

⁶ Журнал «Вопросы жизни» выходил в Петербурге в течение 1905 г.; издание его прекратилось из-за недостатка средств.

⁷ «Чертовы качели» и «другое стихотворение» Сологуба («Что было — будет вновь...») появились в № 8 «Весов» за 1907 г.

⁸ Стихотворение «Люцифер человеку» было напечатано не в «Весах», а во «Всемирном вестнике» (1908, № 5).

^a Повод для ссоры (лат.).

1907, 17 июля.

Дорогой Федор Кузьмич!

Благодарю Вас за письмо и за Ваше согласие не покидать «Весы».¹ Нам это очень радостно. «Качелям» Вашим теперь уже суждено появиться в № 8, ибо соответствующие письма уже были написаны и т. д. Будем очень благодарны, если к этому стихотворению Вы присоедините другое, о котором говорили. Надеюсь, что в будущем, когда жизнь Ваша устроится и Вы вернетесь к работе (ибо, верю я, что для Вас, как для меня, она и самый сильный магнит и лучшая радость), Вы не откажете нам в нескольких страницах Вашей прозы.²

Ваш всегда

Валерий Брюсов.

¹ Сологуб писал Брюсову 8 июля 1907 г.: «Возможно, что <...> я был несправедлив относительно „Весов“ <...> Я чувствовал в чем-то, не умею точно сказать в чем, враждебный холод; Ваше милое и дружеское письмо убедило меня, что я грубо ошибался, в чем виною тень смерти, уже давно омрачившей мою жизнь».

² В 1907 г. Сологуб не напечатал в «Весах» ни одного прозаического произведения.

31 августа 1907.

Дорогой Федор Кузьмич!

М. Ф. Ликиардопуло¹ говорил мне, что он уже изъяснил Вам причины нашей распри с «Руном». Боюсь, что мне придется повторять его слова.

После ухода из «Руна» С. А. Соколова² мы, московские сотрудники «Весов», хотели принять в «Руне» деятельное участие. Заведующим литературным отделом остался в нем А. А. Курсинский,³ человек образованный, культурный, и мы надеялись, что он сумеет вести журнал. Мы охотно бывали на разных редакционных собраниях и не раз принимали участие в редакционных работах, вплоть до чтения рукописей и составления объявлений. Понемногу, однако, выяснилось, что Рябушинский расстался с С. Соколовым исключительно потому, что желал распоряжаться журналом самодержавно. Когда он увидел, что в лице Курсинского он тоже не имеет покорного исполнителя своих вздорных причуд, он постарался избавиться и от него. Вы знаете, из прежних сообщений, что для этого он прибег к самому непристойному способу: намеренно-оскорбительному обращению с Курсинским. Так, *дважды* Рябушинский в обществе не подал руки Курсинскому, только кивнул ему головой, как это принято (к сожалению) по отношению к прислуге. Вы знаете также, что Курсинский после этого просил «Весы» организовать третейский суд между ним и Рябушинским. Сначала Рябушинский от третейского суда отказался, но потом согласился приехать в «Весы» и дать свои объяснения. Формально эти объяснения кончились тем, что Рябушинский перед Курсинским извинился. Но на этом совещании выяснилось окончательно, что отношения Рябушинского к своим сотрудникам и к писателям вообще таковы, что исключается возможность участия в его журнале для людей, себя уважающих. Не хочу приводить всего сказанного им, но вот две фразы, которые он повторял несколько раз, с ударением: «Неужели я не могу *отказать* своей *кухарке*, без того, чтобы в это дело не вмешались „Весы“?» и: «Я вполне убедился, что писатели — то же, что проститутки: они отдаются тому, кто платит, и, если заплатить дороже, позволяют делать с собою что угодно». Я после этого разговора с Рябушинским не дал в «Руно» ни одной строки. Но так как уже тогда можно было предположить, что «Руно» не просуществует долго, мы не нашли нужным предавать наш разрыв с ним гласности. Однако инцидент с Андреем Белым, происшедший недели три назад, заставил нас изменить наше решение.

Белый просил «Руно» напечатать его «письмо в редакцию» в ответ на нападки, помещенные в «Руно», в статье Вольфинга-Метнера (NB — личного друга А. Белого). Рябушинский сначала отказался, ссылаясь на то, что «письмо» Белого «неприлично», потом согласился на условии, что Белый вернется в число сотрудников «Руна»! Когда же Белый предпочел напечатать свое письмо в «Перевале», Рябушинский попытался и в печатном «письме в редакцию» одной газеты, и в частном письме к Вольфингу-Метнеру всячески *оклеветать* Белого, говоря неправду, заведомую и непростительную. После этого мы нашли, что числиться дальше со-работниками Рябушинского невозможно и что настало время показать ему, что не все русские писатели — «проститутки». К тому же, около этого времени, к такому же решению пришли и Мережковские, совсем по другому поводу, под влиянием своих личных отношений с Рябушинским, в которых он тоже проявил себя с некрасивой стороны.⁴ Таково происхождение нашего, довольно громкого, отречения от «Руна», а вернее от Рябушинского. И я убежден, что каждый уважающий себя писатель *принужден* будет поступить так же, как и мы, если только судьба столкнет его несколько ближе с Рябушинским. Участвовать в его журнале можно только живя в другом городе и не имея ни времени, ни случая вникнуть в истинную сущность, казалось бы «изысканного» и «аристократического», «Руна». Этим я хочу объяснить продолжающееся в нем сотрудничество — Ваше, Вяч. Иванова и А. Блока.⁵ Что до меня, я предпочту печатать свои стихи в бульварной газетке, чем в журнале Н. Рябушинского.

Сердечно Ваш

Валерий Брюсов.

Р. С. Дорогой Ф. К.

Прилагаемое «письмо о Руно» я предоставляю Вам, по Вашему усмотрению, читать всем, кто заинтересуется причиной моего ухода из «Руна».

У меня есть к Вам просьба от редакции московской газеты «Столичное утро»: не дадите ли Вы ей рассказ и стихов? Вы писали в газетах и знаете, что именно им нужно. В сентябре «С<толичное> утро», в литературной своей части, реформируется и обещает быть пристойным. Гонорар оно платит аккуратно.⁶

Два Ваших стихотворения помещены в № 8 «Весов», который Вы получите на днях. Не оставляйте «Весы» Вашими рукописями.

Всегда Ваш

В. Б.

Ответ на письмо Сологуба от 23 августа 1907 г. «Узнал я о том, что Вы из „Золотого руна“ ушли, — писал Сологуб. — Т<ак> к<ак> газет московских я не вижу, то об инциденте с Андреем Белым мне равно ничего не известно. Может <быть>, Вы как-нибудь найдете время осведомить меня об этих делах».

¹ Ликиардопуло Михаил Федорович (1883—1925) — секретарь редакции журнала «Весы», переводчик.

² Соколов Сергей Алексеевич (1879—1936) — московский адвокат, журналист и поэт (псевдоним — Сергей Кречетов), владелец и руководитель книгоиздательства «Гриф», с которым группа сотрудников «Весов» во главе с Брюсовым была в неприязненных отношениях. В своих воспоминаниях о поэте Викторе Гофмане Брюсов писал: «В 900-х годах в среде писателей, составлявших „школу символистов“, определилось два не столько течения, сколько кружка. Один группировался около издательства „Скорпион“ и его журнала „Весы“; издателем книг с маркой „Скорпиона“ и „Весов“ был С. А. Поляков, а в редакции наряду с ним одна из главных ролей принадлежала мне. Другой кружок примыкал к издательству „Гриф“, которым руководил С. А. Соколов <...> Как то часто бывает в родственных группах, между двумя издательствами и редакциями существовало некоторое соперничество и род антагонизма» (Гофман Виктор. «Сочинения», т. 1. Берлин, 1923, с. 13). До лета 1906 г. Соколов исполнял обязанности секретаря редакции журнала «Золотое руно», а после разрыва с Рябушинским редактировал журнал «Перевал».

³ Курсинский Александр Антонович (1873—1919) — поэт и литературный критик, сотрудник символистских журналов и альманахов, товарищ Брюсова по университету (см. о нем: Брюсов В. Дневники. М., 1927).

⁴ Метнер Эмилий Карлович (1872—1936) — философ и музыкальный критик (псевдоним — Вольфинг). В ответ на статью Бориса Бугаева (Андрея Белого) «Против музыки» («Весы», 1907, № 3) он напечатал в «Золотом руне» (1907, № 5) свои возражения под заглавием «Борис Бугаев против музыки». Когда письмо Белого в редакцию «Золотого руна», содержащее ответ Метнеру, было отвергнуто Рябушинским, Белый поместил его в № 10 «Передела». «Это письмо, — писал он, — было отвергнуто редакцией „Золотого руна“ на том основании, что я не захотел вернуться в состав сотрудников. Между прочим мне было указано на то, что в моем письме есть „выходки“ против некоторых писателей. Предоставляю на суд публики, представляет ли мое письмо „выходку“ или нет». Дальше следует полемика с Метнером по вопросу теории музыки. После этого в августовских номерах многих московских и петербургских газет были напечатаны письма в редакцию Брюсова, Белого, Мережковского, Гиппиус, Балтрушайтиса, Кузмина, Ликиардопуло (перепечатаны: «Весы», 1907, № 8, с. 78—79), в которых они заявляли, что «более не считают возможным сотрудничать в „Золотом руне“ г. Н. Рябушинского и никакого участия в этом журнале более не принимают». Для истории этого инцидента интересна также полемика между Белым и Рябушинским на страницах газеты «Столичное утро»; в №№ 58, 60, 62, 66 газеты были помещены два письма в редакцию Андрея Белого и два ответных письма Рябушинского, в которых он пытался оправдаться. См. также письмо Белого в редакцию газеты «Час» (1907, № 23, 3 сентября).

⁵ Брюсов, по-видимому, надеялся, что его письмо повлияет на Сологуба и других петербургских символистов в том смысле, что и они разорвут с «Золотым руном», конкурирующим с «Весами». Но дифференциация внутри символизма, оформившаяся к тому времени теория «мистического анархизма», к которой были прикосновены, кроме Георгия Чулкова, Вяч. Иванов и отчасти Блок, размовка Блока с Белым, недовольство главенством Брюсова и его редакторской деятельностью в «Весях» и пр. привели к тому, что Сологуб, Блок и Иванов продолжали сотрудничать в «Золотом руне» и после инцидента с Андреем Белым.

⁶ Сологуб в «Столичном утре» не печатался.

10

16 окт<ября> 1907.

Дорогой Федор Кузьмич!

Издание «Литературных приложений» к «Голосу Москвы»¹ окончательно устраивается на тех условиях, какие я Вам излагал. Не повторяю их все, но вот существеннейшие:

1. «Голос Москвы» становится газетой внепартийной.
 2. «Литературное» приложение^а выходит отдельно от газеты, под нашим редакторством, ^а четыре раза в месяц.
 3. В каждом № «Приложения» 2000 строк, оплачиваемых в 400 р., а в месяц 8000 строк, оплачиваемых 1600 р.
 4. Каждый из нас четырех (я, Вы, А. Блок, А. Белый) имеет право ежемесячно поместить своих произведений на сумму до 200 р.
 5. Вы, я и А. Белый имеем право получить в месяц по 100 р., хотя бы в данный месяц и не поместили в газете соответствующего количества строк.
 6. Наш гонорар:^б стихи — 80 коп. стих; художественная проза — 25 коп. строка; критика — за подписью 20 к., без подписи — 10 к. строка. Если нужны еще подробности, спросите — я сообщу немедленно.
- Пока позвольте Вас считать согласным на эти условия. «Литературное» приложение^в начнет выходить с ноября и потому материал необходимо собирать теперь же. Очень хотелось бы в первом же № поместить Ваш рассказ (строк на 400, т. е. на 100 р.). Кроме того, хорошо было бы получить от Вас Ваши стихи и разные рукописи Ваших друзей, какие Вы найдете подходящими для газеты.

Всю корреспонденцию пока необходимо адресовать мне.

Всегда Ваш

Валерий Брюсов.

^а Общая редакция газеты сохраняет за собою право *veto* на тот случай, чтобы не появилось в газете произведений, которые могли бы повлечь за собою ее закрытие или тяжелый штраф. (Прим. В. Я. Брюсова).

^б Это для нас четырех. Для других: стих — 35 коп., проза — 15 и 10 к. строка. (Прим. В. Я. Брюсова).

Р. С. В дополнение к двум книжкам, оставленным мною у Вас, послал Вам еще одну. Кроме рецензий об них, «Весы» ждут отзыва о «Электре».²
В.

¹ «Голос Москвы» — газета октябристов, издававшаяся крупным финансистом и фабрикантом В. П. Рябушинским, братом издателя «Золотого руна».

² См. прим. 1 к письму 13.

11

〈Конец октября 1907〉.

Дорогой Федор Кузьмич!

Октябристы после победы оказались гораздо менее сговорчивыми, нежели были до выборов.¹ С другой стороны, А. Белый, вспомнив вдруг, что он «левый», отказался от участия в «Голосе». В результате вся комбинация с этой газетой расстроилась.

У нас в Москве, однако, есть другая газета: «Правда живая», направления вполне левого, которая весьма желает нашего сотрудничества.² Там уже пишут Мережковские. Дал кое-что свое и я. Сегодня даю туда стихи А. Блока. Нет ли у Вас какого-либо, хотя бы незначительного, рассказа. Очень прошу — пришлите: напечатаю *немедленно* с самым приличным гонораром. Если пришлете стихов, и им место всегда найдется. Вообще жду Вашего ответа.

Всегда Ваш

Валерий Брюсов.

Р. С. Что Вашего можно анонсировать для «Весов» 1908 г.?³

¹ Брюсов имеет в виду выборы в 3-ю Государственную думу.

² Вышло только три номера этой газеты (26—28 октября), после чего издание ее было приостановлено московским генерал-губернатором. Из писателей-символистов в газете сотрудничали только Брюсов, Белый и Балтрушайтис.

³ В объявлении о «Весках» на 1908 г. сказано, что в журнале появятся стихи Сологуба и рассказ «Сладкая жизнь»; были напечатаны цикл стихов «Моя змея» (№ 9) и легенда «Претворившая воду в вино» (№ 10).

12

Дорогой Федор Кузьмич!

Обращаю Ваше внимание на то, что приглашая Вас в «Голос Москвы», я прежде всего указал на то, что это — газета октябристов, и Вы дали свое согласие именно при этом условии. Но так как дело все равно расстроилось, к обоюдному удовольствию сотрудников и редакции, не будем более говорить об нем.¹

Я очень прошу Вас ответить мне вот на какие деловые и очень для нас важные вопросы:

1. К какому числу (точно) можем мы получить Ваши рецензии на те 3 сборника стихов, которые мы Вам доставили, и каких размеров будут эти рецензии?²

2. К какому числу (точно) можем мы получить Вашу заметку, Вами нам обещанную, об «Электре»?

3. Что из Ваших произведений можем мы анонсировать в «Весках» 1908 г., и не можете ли Вы доставить нам рассказ уже для № 1 (так, чтобы рукопись рассказа была уже у нас в руках к 20 декабря)?³

Повторяю то, что лично говорил Вам в Москве. «Весам» очень хотелось бы, чтобы Вы приняли в них участие более деятельное. Ждем от Вас рассказов, и стихов, и статей: всему будем рады.

С нетерпением жду Вашего Верлэна.⁴ Извиняюсь, что еще не доставил Вам Мэтерлинка.⁵ Только что начинаю рассылку.

Всегда Ваш

Валерий Брюсов.

2 ноября 1907.

¹ Ответ на письмо Сологуба от 28 октября 1907 г. Он писал Брюсову: «К сожалению, я принужден отказаться от комбинации с „Голосом Москвы“ <...> Причины тому вот какие: 1) „Голос Москвы“, как говорят, остается октябристским органом <...> Я этой газеты не вижу, но по выпискам из нее других газет убеждаюсь, что это так. 2) Вы пишете, что общая редакция газеты сохраняет за собою право veto, — следовательно, нельзя напечатать ничего такого, что могло бы с очевидною ясностью убедить читателя, что участие в газете не обозначает склонения к октябризму. В данный момент я не могу уклониться вправо дальше кадетов».

² Рецензий Сологуба в «Весах» в 1907—1908 гг. не появлялось.

³ См. прим. 3 к предыдущему письму.

⁴ См.: Верлен Поль. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб., «Факелы», 1908.

⁵ См.: Мэтерлинк Морис. Пелеас и Мэлизанда и стихи в переводе Валерия Брюсова. М., «Скорпион», 1907.

13

«Конец ноября 1907».

Дорогой Федор Кузьмич!

Благодарю Вас за обещание рассказа для «Весов» и за статью о Вечере Гофмансталия. Очень прошу Вас, если это возможно, прислать теперь же рецензии на те книги, которые я передал Вам: мы постарались бы включить рецензии еще в № 12.

В Вашей статье о Вечере Гофмансталия я прошу у Вас позволения сделать одно «смягчение». Вы пишете: «пьеса — ничтожная». Нам трудно так отозваться о «Электре» Гофмансталия. В ближайшем № у нас появится статья (Н. Киселева), в которой этой драме придано большое значение. Может быть, и Вы отнеслись к драме слишком сурово под влиянием плохой игры актеров, а главное — плохого перевода О. Чюминой. Позвольте или пропустить это выражение, или заменить его более мягким: «пьеса не увлекательная» и т. под.¹

Желательно ли Вам разбирать в «Весах» новые, всё появляющиеся сборники стихов? Пока, не получая от Вас ни вестей, ни рецензий, я отдал «Весною на север» Г. Чулкова и «Дали» Е. Тарасова — в другие руки.²

Всегда Ваш

Валерий Брюсов.

¹ Статья Сологуба «Вечер Гофмансталия. Письмо из Петербурга» о спектакле Нового театра А. А. Савина была напечатана в № 11 «Весов» за 1907 г. Это очень резкий отзыв и о пьесе «Электра», и о постановке; слова «Пьеса — ничтожная» были сохранены, хотя Сологуб (см. его письмо от 3 декабря 1907 г.) не возражал против «смягчения». Но редакция сопроводила статью следующим примечанием: «Считая очень интересным ряд мыслей, высказываемых в настоящей статье г. Федором Сологубом, редакция „Весов“, однако, решительно расходится с ним как во взглядах на театр вообще, так и в оценке драм Г. ф. Гофмансталия». Статья Н. Киселева о Гофманстале в «Весах» не появилась.

² О сборниках Чулкова и Тарасова писал в «Весах» (1908, № 1) К. Чуковский; см. его фельетон «Третий сорт».

14

Дорогой Федор Кузьмич!

Решительно несправедливы Вы к «Весам». Говорю о тоне обиды, который чувствуется в Вашем письме. Мне кажется, что статья А. Белого¹ никак не должна была Вас обидеть.

Прежде всего, по существу, статья эта к Вам относится не только сочувственно, но прямо восторженно. «Большой писатель», «громadный писатель», «писатель, соприкасающийся с Гоголем», «фразы его — колосья, полные зернами» и т. д. и т. д. — все эти выражения достаточно показывают, как чтит Вас А. Белый. Наконец, самый факт появления всей этой статьи, изучающей Ваше творчество медленно, подробно, старающейся вникнуть в его глубину, — свидетельствует о том, что и автор ее и журнал, поместивший ее, придают Вашим произведениям значение исключительное.

В частности в статье действительно есть направленные против Вас удары. Но ведь не считаете же Вы непогрешимыми ни себя, ни Белого! И у Вас могут быть недостатки, и А. Белый может ошибаться. Белый уверяет, что Вы — не колдун, и даже подсмеивается над Вашими колдованиями. Так что же? Не удовлетворетесь ли Вы именем великого художника, предоставив звание великого колдуна кому-либо другому?

Что касается Вашего обвинения, будто Белый раскрыл Ваш псевдоним, то в этом Вы совсем не правы. Возьмите «Энциклопедический словарь» Брокгауза, последний дополнительный том, и там под именем «Сологуб Федор» поставлено «См. Тетерников Фед. Кузьм.». После этого каждый грамотный имеет право и даже обязан знать, что «Федор Сологуб» это Ваш псевдоним. И если новый знакомый, услышав Вашу фамилию, сделает лицо равнодушное, Вы имеете право подумать: ну, друг, на счет литературы ты беззаботен!

Нет, дорогой Федор Кузьмич! Вы написали Ваше письмо в припадке меланхолии. Переглядите еще раз статью Белого. Вы не со всем в ней согласитесь, иное в ней будет Вам неприятно, но Вы увидите, что написана она с большой, с восторженной любовью к Вашему творчеству.

Всегда Ваш

Валерий Брюсов.

1908, 15 апр<еля>.

¹ Статья А. Белого о Сологубе «Далай-Лама из Сапожка» появилась в № 3 «Весов» за 1908 г.

15

24 апр<еля> 1908.

Дорогой Федор Кузьмич!

Меня все-таки очень печалит наша размолвка, или, точнее, Ваша размолвка с «Весами». Не понимаю, почему Вы не хотите обсуждать статью А. Белого по существу. Кажется, так просто, что важнее существо статьи, чем отдельные ее выражения. Мне, при чтении статьи А. Белого, представлялось, что несколько шутливый, если хотите шутовской, тон ее — это *метод* автора, а существо статьи — любовь и уважение к Вам и Вашему творчеству. Так смотря на статью, мы (редакция «Весов») и печатали ее. В таком убеждении оставил нас и А. Белый, когда мы говорили с ним лично о его статье. Остается думать, что мы ошибались или были обмануты. Видев недавно А. Белого, я сообщил ему содержание Ваших писем. Он, по-видимому, был ими огорчен, хотел писать Вам и готов печатно «оговориться», если его статья дает повод к недоумениям. «Весы» с своей стороны для этих «оговорок» и «поправок» раскрывают свои страницы так широко, как только можно. Если Вы находите нужным еще что-либо, чтобы вполне выяснить наше отношение к Вам, укажите: мы исполним. Ибо, повторяю, «Весы» любят Вас и высоко ценят.

Ваш

Валерий Брюсов.

В «Весах» никаких «оговорок и поправок» по поводу статьи А. Белого не появилось. Большое, написанное в взволнованном тоне письмо Белого к Сологубу по поводу его статьи опубликовано в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 г.» (Л., «Наука», 1974, с. 132—135). В нем Белый разъясняет смысл статьи и характеризует свое отношение к творчеству Сологуба.

16

Дорогой Федор Кузьмич!

Как читатель, от всей души благодарю Вас за «Пламенный круг».¹ Очень редко приходится читать по-русски с такой радостью и таким удов-

летворением, как я читал Вашу книгу. Считаю ее лучшей среди сборников Ваших стихов, самой зрелой, самой сильной. «Пламенный круг» и «Павел» Мережковского, по-моему, два самых значительных литературных явлений этого года. Буду писать о «Круге» в «Весах» (вероятно, в июньском №, так как майский уже приготовлен к печати).

Ваш всегда
Валерий Брюсов.

13 мая 1908.

¹ См.: Пламенный круг. Стихи. Книга восьмая. М., Изд. журнала «Золотое руно», 1908. В № 6 «Весов» появилась статья Брюсова «Две книги», в которой он называет «Пламенный круг» лучшей из книг Сологуба, но в то же время указывает, что в сборник вошел ряд слабых стихотворений. Брюсов отмечает небрежность иных стихов, «условные, ничего не говорящие» эпитеты («плащ разлуки», «в чарах лунных» и т. д.) и возражает против «мало оригинальной и мало убедительной» философии «крайнего солипсизма». В постскриптуме Брюсов говорит об общей судьбе «Пламенного круга» и драмы Мережковского «Павел I», имея в виду арест, наложенный на обе книги (с «Пламенного круга» он был вскоре снят). Высоко ценит этот сборник стихотворений Сологуба М. Горький. «Да, помер Сологуб, прекрасный поэт, — писал он С. Н. Сергееву-Ценскому 30 декабря 1927 г., — его „Пламенный круг“ — книга удивительная и — надолго» (М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. 30. М., Гослитиздат, 1956, с. 57).

17

18 марта 1909. Москва.

Дорогой Федор Кузьмич!

Принимаю покорно Ваш дружеский упрек, ибо он совершенно справедлив. Но в этом моем приезде в Петербург было «нечто романтическое», и Вы, человек столь опытный в сих вопросах, может быть, извините мне некоторые мои небрежности. Право, я не вполне располагал собою в Петербурге и иное совершал, а другого не совершал *не по своей воле*. Вот причина, почему я не поспешил, как обычно, к Вашему подъезду. Я надеялся лично извиниться перед Вами на лекции Вяч. Иванова, но Вам там быть не случилось.¹

Верьте моей давней любви к Вам, как к художнику и славному соратнику.

Ваш сердечно
Валерий Брюсов.

¹ В дневнике Брюсова читаем: «Вечера с Вяч. Ивановым. Его лекция. Не был у Сологуба, который обиделся» (Брюсов В. Я. Дневники. М., 1927, с. 141). 16 марта 1909 г. Вяч. Иванов прочел в Петербурге лекцию «Древний ужас» (по поводу картины Л. Бакста «Теттог antiquus»); она была напечатана в журнале «Золотое руно» (1909, № 4).

18

22 июня 1909.

Дорогой Федор Кузьмич!

Вы очень порадовали меня Вашим приветом и выражением сочувствия «Испепеленному». Что до последнего, считаю нападки на него, с одной стороны, смешными и несправедливыми, с другой — незаслуженными. Статья *средняя* и только среди юбилейных пошлостей и благоглупостей показавшаяся «чем-то».¹ Слышал о Ваших скитаниях и надеюсь, что при случае Вы мне подробнее расскажете о своих впечатлениях.² Много читаю Вас и о Вас, — последнее, впрочем, напрасно, ибо опять-таки кроме благоглупостей не пишут ничего. Думаю этой зимой провести в Петербурге несколько месяцев; верю, что теперь всякого рода беды не помешают мне прийти к Вам на поклон, а Вы не будете злопамятны и не

запрете передо мной дверь. Пока, в скорости, собираюсь на летний отдых в Савойю.

Сердечно Ваш
Валерий Брюсов.

¹ «Испепеленный» — речь Брюсова на гоголевском юбилейном заседании Общества любителей российской словесности 27 апреля 1909 г. (появилась в № 4 «Весов» за 1909 г. и тогда же была издана отдельно). В отчете Общества любителей российской словесности о праздновании гоголевского юбилея инцидент, имевший место во время речи Брюсова, изложен следующим образом: «В своей оценке творчества Гоголя оратор разошелся с обычным взглядом на Гоголя, как на писателя-реалиста, дававшего в своих произведениях верное и точное изображение современной русской жизни. Гоголь как писатель был, по мнению оратора, великим фантастом вроде Гофмана и Эдгара По. Главной, преобладающей чертой его творчества было пристрастие к гиперболизму, стремление к безмерному и беспредельному <...> Во время речи г. Брюсова произошел прискорбный инцидент, несколько нарушивший общее торжественное настроение. Некоторые лица, быть может, не совсем верно понявшие мысль оратора и усмотревшие в словах его выражение неуважения к памяти великого писателя, стали громко выражать свое неудовольствие шиканьем и криками „довольно“; другая часть публики ответила на это рукоплесканиями и возгласами: „просим продолжать!“ Когда шум, вызванный этим инцидентом, затих, г. Брюсов спокойно окончил свою речь» (Гоголевские дни в Москве. М., 1910, с. 89—90). Пресса также подняла шум, обвиняя Брюсова в оскорблении памяти великого писателя.

² В 1909 г. Сологуб впервые совершил заграничное путешествие.

19

8 февраля 1910.

Дорогой Федор Кузьмич!

Мы здесь все очень помним, что Вы обещались подарить «Свободной Эстетике» вечер при своем ближайшем приезде в Москву. Если не ошибаюсь, «Победа смерти»¹ идет в первый раз 15-го февраля. К этому дню Вы, вероятно, будете в Москве. Не может ли поэтому «Эстетика» рассчитывать на Вас на среду, 17-го? Что бы Вы ни захотели нам предложить — стихи, рассказ, рассуждение, — Вы всем нас, и наших гостей, обрадуете.

Очень было бы важно получить Ваш ответ своевременно, так как повестки надо напечатать заранее и озаботиться их широким распространением. Если Вы согласны, то не телеграфируете ли Вы мне об том, хотя бы в двух, буквально, словах? А если Вы не согласны, т. е. если Вам почему-либо быть в Москве 17-го нельзя, тоже не откажите сообщить об том, хотя бы открытым письмом. Дело это общественное, и против воли приходится быть педантом.²

Неизменно Ваш

Валерий Брюсов.

Прошу передать мой сердечный привет Анастасии Николаевне.³

¹ Трагедия «Победа смерти» шла в Москве в театре Незлобина; Сологуб присутствовал на премьере 15 февраля 1910 г.

² «Общество свободной эстетики» было организовано в Москве в 1907 г. и существовало до 1917 г. Брюсов принимал в работах общества деятельное участие. Сологуб писал Брюсову: «Я в Москве, остановился в Национальной гостинице и, если не встретится неожиданных препятствий, готов читать у Вас в Свободной эстетике, в среду, рассказ „Путь в Дамаск“ и стихи» (почтовый штемпель: 15 февраля 1910 г.). 17 февраля чтение состоялось («Утро России», 1910, 18 февраля).

³ Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876—1921) — писательница и переводчица, жена Сологуба.

20

27 августа 1910.

Дорогой Федор Кузьмич!

Если Вы еще не освободились от пагубного обычая современных людей — читать газеты, Вы, может быть, знаете, что с этой осени я, говоря

официальным языком, «принимаю ближайшее участие в редактировании литературного отдела „Русской мысли“». В одной из последних книжек ее было несколько строк о Вашем прекрасном рассказе «Путь в Дамаск», строк нелепых и неприличных.¹ Нужно ли Вам говорить, что они напечатаны были раньше, чем я вошел в редакцию, в те дни, когда на состав книжек я не мог иметь никакого влияния. Нужно ли также говорить, что пока я буду иметь какое-либо влияние в журнале, повторение чего-либо подобного совершенно невозможно. И я надеюсь, что выходящие томы собрания Ваших сочинений дадут «Русской мысли» повод более серьезно оценить Вашу деятельность, как первый том этого собрания дал мне случай высказать свое мнение о Вашей поэзии.²

От времени до времени Вы отдавали свои рукописи в «Русскую мысль». Неужели я буду столь неудачлив, что из числа всех (последнее время часто сменявшихся) руководителей этого журнала³ — я один не получу от Вас ничего? Мне было бы слишком тяжело примириться с такой мыслью. Я все же хочу думать, что Вы дадите нам (и притом для одной из *близких* книжек) или рассказ, или по крайней мере ряд стихотворений. «Русской мысли» Вы этим окажете большую поддержку, а меня, как Вашего давнего поклонника и усердного читателя, обрадуете очень.

Лик журналу дают те, кто в нем пишет, не правда ли? Если бы Вы и все наши «друзья» захотели писать в «Русской мысли», она могла бы стать в лучшем смысле слова «нашим» журналом.

Прошу передать мой привет Анастасии Николаевне.

Всегда Ваш

Валерий Брюсов.

Кстати, вот мой новый личный адрес: 1-ая Мещанская, д. 32 (Москва). Покорнейше прошу посетить на новосельи.

¹ Речь идет о рецензии В. Малахеевой-Мирович на 12-ю книгу альманаха «Шиповник» (1909), где были помещены рассказ «Путь в Дамаск» и несколько стихотворений Сологуба. О рассказе она писала, что это «чрезвычайно грубый и обставленный разными неправдоподобностями эротический анекдот» («Русская мысль», 1910, № 6, с. 164).

² Рецензия Брюсова на первый том «Собрания сочинений» Сологуба была помещена в «Русской мысли» (1910, № 3).

³ До Брюсова литературным отделом «Русской мысли» руководил Д. С. Мережковский.

21

Дорогой Федор Кузьмич!

Благодарю Вас очень за Ваше согласие. Оно мне очень дорого. Жду Ваших стихов, которые помещу в одной из ближайших книжек журнала, — надеюсь, в ноябре. Сохраняю Ваше обещание дать «Русской мысли» впоследствии (не очень не скоро?) рассказ.

Что до гонораров, то больших «Русская мысль» действительно платить не может. Но, кажется мне, размер установленных ею гонораров все же благопристойн. Так, за стихи ее высшая оплата (на которую Вы, конечно, имеете больше права, чем все другие) — по 1 р. за стих, если стихов немного, и по 20 р. за страницу, если печатается поэма или длинный цикл стихотворений.

Не премину посетить Вас, как только буду в Петербурге, ибо это посещение давно уже Вам должен. Но надеюсь, что и в этом году какие-либо добрые дела завлекут Вас в Москву.

Сердечно Ваш

Валерий Брюсов.

4 сент<ября> 1910.

Москва, 19 $\frac{X}{11}$ 10.

Дорогой Федор Кузьмич!

Большое спасибо за присланные стихи. Присылкой их Вы меня очень, очень обрадовали. Сообщите, пожалуйста, хотите ли Вы, чтобы все четыре стихотворения были напечатаны одновременно или можно их разделять. Если разделять можно, то для двух стихотворений я нашел бы место еще в декабрьской книжке (первые листы ноябрьской уже напечатаны).¹ Хочется надеяться, что это Ваш не последний вклад в «Русскую мысль».

Поклон Анастасии Николаевне.

Всегда Ваш

Валерий Брюсов.

¹ Два стихотворения Сологуба — «Пришла и розы рассыпаешь...» и «Дорогие наряды...» — напечатаны в декабрьской книжке «Русской мысли» за 1910 г., а другие два — «Пришла опять, желаньем поцелуя...» и «Господи, имя звериное...» — в январской книжке за 1911 г.

9 декабря 1910.

Дорогой Федор Кузьмич!

Благодарю Вас очень за память и за внимание. Мне было весьма дорого и приятно, что Вашу драму Вы предложили именно «Русской мысли». Но — увы! — на Ваше предложение в конце концов я мог только — не гневайтесь — улыбнуться. Не только того гонорара, о котором Вы говорите, но даже в половину меньшего мы не можем предложить никак. Весь тот излишек, которым мы располагали, мы уже назначили на одно приобретенное нами произведение (Вы догадываетесь, о каком я говорю).¹ И всю остальную беллетристику 1911 г. мы принуждены оплачивать гонораром, который Вам должен показаться весьма скромным. Конечно, для какого-нибудь *небольшого* Вашего рассказа (если Вы будете столь милостивы, что нам его дадите) мы можем сделать исключение, но Ваша драма, как это нам ни грустно, решительно нам недоступна...²

Москва Вас поминает, и «Свободная эстетика» надеется, что Вы вновь выступите на одном из ее вечеров. Меня же в Петербург всё дела не пускают, как в народной поговорке грехи в рай.

Кланяюсь Анастасии Николаевне.

Ваш всегда

Валерий Брюсов.

¹ Речь идет, по-видимому, о повести Брюсова «Алтарь победы», которая печаталась в «Русской мысли» в 1911—1912 гг.

² Имеется в виду драма Сологуба «Заложники жизни» (см. его письмо к Брюсову от 30 ноября 1910 г.), за которую он хотел получить 2000 рублей. «Заложники жизни» были напечатаны в 1912 г. в «Литературно-художественном альманахе издательства „Шиповник“» (книга 18).

18 декабря <1>910.

Дорогой Федор Кузьмич!

Вы очень неправы, говоря, что я отнесся с насмешливостью к Вашему предложению.¹ Если я писал Вам, что оно заставило меня *улыбнуться*, то в этом был совершенно иной смысл. Я улыбнулся горько при мысли о том, что Вы считаете доступными «Русской мысли» такие гонорары! Нет, к большому нашему сожалению, мы в этом отношении, как и

другие журналы, решительно не можем соперничать с альманахами. Гонорары, которые мы можем предложить, определяются нашим бюджетом, и мы сами хорошо сознаем, что их надо признать скромными. Это обстоятельство уже лишило нас возможности поместить полностью роман Мережковского,² теперь лишает нас Вашей драмы... Разве же это поводы для «насмешки»? право, скорее для слез! И в конце концов я могу только очень, очень жалеть, что внешние причины не позволили мне воспользоваться Вашим предложением, за которое еще раз благодарю Вас.

Что до Ваших стихотворений, то Вы меня огорчили своим сообщением. Два последних Ваших стихотворения (из числа четырех), оставшиеся у меня, *напечатаны* мною в январской книжке «Русской мысли», которая выйдет в начале января 1911. Наш обычай, согласный вообще с литературными нравами, требует, чтобы между появлением вещи в журнале и ее выходом в отдельном издании прошло не менее *трех месяцев*. Я не решаюсь в данном случае настаивать на таком сроке, но все же очень прошу Вас задержать выход Вашего IX тома, чтобы между его появлением и появлением № 1 «Русской» мысли за 1911 г. *некоторый промежуток был*. Согласитесь, что редакция «Русской» мысли в этом деле не виновата нисколько. Она напечатала присланные Вами стихи без всякого промедления в двух *ближайших* книжках, как я об том и предупреждал Вас (когда получила Ваша рукопись, ноябрьский № уже был составлен). Мы вправе были думать, что присланные Вами стихи предоставлены в наше распоряжение, и надеемся, что Вы не откажетесь исполнить нашу просьбу, не только «законную», но и вполне справедливую.

Благодарю Вас и за присылку новых стихов. Как читатель, я прочел их с величайшим интересом. Как и все последние Ваши стихи, они *совершенны, безупречны*. Как редактор, я буду счастлив дать им приют в своем журнале. Но Вы понимаете, что после того как в двух книжках подряд (декабрь и январь) появлялись Ваши стихи, я должен буду в ближайших книжках исполнить свои долги и перед другими поэтами. Позвольте поэтому поступить так. Стихотворение «Пришла опять, желаньем поцелуя...» я все же постараюсь напечатать в одной из первых книжек наступающего года, так что я хотел бы его безусловно сохранить за «Русскою» мыслью».³ Другие же я хотел бы сохранить за нами условно. В свое время я обращусь к Вам с указанием, что в таком-то № я думаю напечатать такие-то Ваши стихотворения, из числа присланных Вами, и Вы мне ответите, свободны ли они. Во всяком случае я постараюсь сократить этот срок настолько, насколько будет это возможно, так как мне дорого видеть в «Русской» мысли Ваше имя хотя бы под маленькими стихотворениями, если уже не суждено под большими произведениями.

Примите мои добрые пожелания на Рождество и не откажите передать их также Анастасии Николаевне.

Всегда Ваш
Валерий Брюсов.

¹ Сологуб писал Брюсову 12 декабря 1910 г.: «В Вашей насмешливости по поводу того гонорара, о котором я Вам писал, нет ничего для меня неожиданного и досадного, но все же она несправедлива. Мне, как и многим другим, приходится жить только на то, что я заработаю; ничего другого у меня нет».

² Роман Д. Мережковского «Александр I» был все же полностью напечатан в «Русской мысли» в 1911—1912 гг.

³ Какая-то неясность: стихотворение «Пришла опять, желаньем поцелуя...» появилось в январской книжке журнала; в т. 9 «Собрания сочинений» Сологуба оно не вошло. Возможно, что январская книжка еще не была напечатана и Брюсову удалось заменить им какое-то другое, вошедшее в т. 9 стихотворение, или же лист «Русской мысли» был перепечатан, как об этом просил Сологуб в письме от 20 декабря.

20 сент〈ября〉 1911.

Дорогой Федор Кузьмич!

Нужно ли говорить об том, как мне хотелось бы напечатать Ваш роман¹ в «Русской мысли», в которой слишком часто мне приходится скреплять своей подписью произведения того-то и того-то (*nomina sunt odiosa*^a). Но, к сожалению, предвижу я и некоторые затруднения. Что ваш роман хорош, и очень хорош, я в этом не сомневаюсь, в этом я убежден и не читав его. Но чтобы судить, подходит ли он именно «Русской мысли» (у которой есть свои традиции, есть определенный круг читателей и т. под.), — об этом я буду иметь возможность судить, только получив Вашу рукопись. Итак, прежде всего мне хотелось бы, чтобы Вы прислали мне Ваш роман для просмотра (конечно, всего на несколько дней). Далее, я уже писал Вам в прошлом году, что «Русская мысль» может платить сравнительно лишь скромные гонорары и лишена возможности соперничать с гонорарами альманахов. Поэтому мне необходимо знать Ваши «условия». Наконец, в виду того что два романа в «Русской мысли» (моя повесть и «Александр» Мережковского) переходят из 1911 в 1912 год, — я должен спросить Вас, какой срок ставите Вы для напечатания Вашего романа. Простите мне все эти деловые рассуждения и вопросы, но они — увы, — продиктованы мне «прозой журнального дела».

Во всяком случае благодарю Вас за память о «Русской мысли». И так как Вы ее не забыли, то, может быть, дадите что-либо для журнала и независимо от судьбы Вашего романа: стихи или рассказ. Это можно было бы поместить в одной из «самых ближайших» книжек (конец 911 или начало 912 г.) и оплатить более справедливым гонораром, чем длинный роман.²

Думаете ли Вы бывать в Москве этой зимой? Не забывайте тогда нашу «Свободную эстетику», которая очень рада будет вновь увидеть Вас в кругу своих сочленов.

Кланяюсь Анастасии Николаевне и благодарю ее за книгу.³

Ваш

Валерий Брюсов.

¹ Речь идет о романе Сологуба «Заклинательница змей» (см. письмо Сологуба к Брюсову от 9 сентября 1911 г.). Он был окончен только в сентябре 1918 г. и впервые издан отдельной книгой в 1921 г. Рукопись романа сохранилась в архиве Сологуба.

² Кроме указанных в примечании к письму 22 двух стихотворений, больше никаких произведений Сологуба в «Русской мысли» в 1911 г. не появлялось.

³ По-видимому, Брюсов благодарит за книгу «О Федоре Сологубе. Критика, статьи и заметки. Сост. А. Чеботаревская» (СПб., <1911>).

Москва, 14-ое октября 1911 г.

Дорогой Федор Кузьмич!

Очень рад был получить вести от Вас и благодарю Вас за Ваше доброе отношение к «Русской мысли». Я думаю, что Ваши условия для «Русской мысли» вполне приемлемы, хотя окончательное решение этих вопросов принадлежит не мне, а П. Б. Струве.

Должен, однако, сделать одну оговорку. Вы понимаете, что никакой журнал не может начинать нового года, не запасшись предварительно материалом. И у «Русской мысли» для 1912 г. есть уже четыре принятых романа (продолжение «Александра I», «Алтаря победы», роман Андрея Белого¹ и Д. Абельдяева²). Поэтому вопрос о сроке, когда можно будет поместить Ваш роман (которому, конечно, редакция постарается

^a Об именах лучше умолчим (*лат.*).

отдать всевозможное предпочтение), надо будет обсудить отдельно. Но разумеется, это удобнее будет сделать, когда точно будут известны размеры романа и рукопись его будет в наших руках.

Приветствую Анастасию Николаевну.

Ваш сердечно

Валерий Брюсов.

¹ Роман Андрея Белого «Петербург» был отвергнут редактором «Русской мысли» П. Б. Струве.

² Роман Д. А. Абельдяева «Тень века сего. Записки Абашева» напечатан в №№ 6—12 «Русской мысли» за 1912 г.

27

Москва. 29 фев<аля> 1912.

Дорогой Федор Кузьмич!

Как я уже писал Анастасии Николаевне, — я совсем не располагаю своим временем. Редакционные дела — такие, что никогда нельзя знать вперед, будешь ли свободен в такой-то день. Боюсь, что 5 марта мне все же окажется невозможным приехать в Петербург. Очень об этом жалею, но ничего сделать не могу.¹

Вы опять совсем забыли «Русскую мысль». Не пришлете ли хотя бы стихов, если уж нет надежды получить Вашу прозу? Как Вы знаете, у меня осталось еще 2 стихотворения из числа присланных Вами раньше. Но, пользуясь Вашим добрым разрешением (о чем Вы мне писали из-за границы), я предпочел бы иметь другие.² Вы понимаете это тщеславие редактора, желающего, чтоб в его журнале именем Федора Сологуба были подписаны стихи, принадлежащие к числу его лучших созданий.

Всегда Ваш

Валерий Брюсов.

¹ См. прим. 1 к следующему письму.

² Сологуб писал Брюсову в октябре 1911 г.: «Мои стихи у Вас еще есть, если не ошибаюсь, может быть, они Вам не нравятся? Тогда попросту возвратите мне их, я пришлю Вам другие». Пять стихотворений Сологуба («Там, внизу, огни горели...», «Похвалы земному раю...» и др.) были напечатаны в «Русской мысли» (1912, №№ 8 и 12).

28

<3 или 4 марта> 1912.

Дорогой Федор Кузьмич!

Еще и еще раз извиняюсь, что не мог приехать 5 числа на вечер в честь Бальмонта.¹ Не было не только свободного дня, но и нескольких часов! Последние годы я работаю как каторжник. Очень огорчен, если мое отсутствие причинило Вам какие-либо неудобства.

Ваш всегда

Валерий Брюсов.

¹ 5 марта 1912 г. друзья и почитатели К. Д. Бальмонта устроили вечер по поводу двадцатипятилетия его литературной деятельности. 11 марта состоялось посвященное Бальмонту торжественное заседание петербургского Неофилологического общества, на котором должен был выступить в числе других докладчиков и Брюсов с докладом «Творчество Бальмонта». Но Брюсов и на этом заседании не присутствовал.

29

30 июня 1912.

Дорогой Федор Кузьмич!

И обрадовали Вы меня и огорчили Вашим письмом. Обрадовали тем, что вспомнили о «Русской мысли» и обо мне. Огорчили тем, что не прислали ни своих стихов, ни рассказа, а предлагаете перевод... Я «Гавани»

Штукена не читал, и что это такое, не знаю. Давно ли появился оригинал?¹ «Русская мысль» избегает печатать произведения *не-новые* (разве уже совсем «древние», Эсхила, Эврипида). Кроме того, читатели журналов почему-то уклоняются от чтения драматических произведений и страницы с ними оставляют неразрезанными. Но, конечно, я ничего определенного не могу сказать, *не прочтя Вашего перевода*. Не сердитесь на меня за это: мне кажется,— это долг, обязанности каждого уважающего себя редактора принимать рукопись только после того, как он с ней ознакомится. Вы знаете, как я высоко ценю Ваши стихи и Вашу прозу, но я считаю себя не вправе «принять» что-либо *даже Ваше* с закрытыми глазами. Я должен знать, что я напечатаю в «Русской мысли». Уверен, что на моем месте Вы поступили бы так же...

Еще раз, не сердитесь на меня и, если можно, пришлите и «Гавань», и свои стихи, и свою прозу.

Приветствую Анастасию Николаевну.

Сердечно и всегда Ваш
Валерий Брюсов.

¹ Штукен Эдуард (1865—1936) — немецкий драматург, поэт и прозаик. В этом письме Брюсов неверно называет его произведение — следует не «Гавань», а «Гаван» (имя собственное). Пьеса была издана в 1902 г.

30

12 июля 1912 г.

Дорогой Федор Кузьмич!

Ваш перевод «Гавана» я прочел. Не буду Вам писать похвал по поводу перевода: Вы сами знаете, как иные стихи должны были порадовать «старого ловца».¹ Лично я читал эти стихи с великим наслаждением. Что касается самой драмы Штукена, то, говоря откровенно, она мне показалась «средней». Это «реставрация» (довольно искусная) романтической драмы-баллады, которых писалось немало в доброе старое время. Есть интересные места, но в целом это — далекое прошлое литературы, воскрешенное талантом ее автора. В «Русской мысли», конечно, драму напечатать можно. Штукен все же писатель видный и познакомить с «Гаваном», в Вашем переводе, задача заманчивая. Опять-таки мне лично очень хотелось бы напечатать драму, хотя бы уже потому, что на страницах «Русской мысли» так давно не было Вашего имени, что мне очень грустно. Но вот в чем дело: драма могла бы быть напечатана только в отделе *переводных вещей*. Поэтому редакция могла бы ее оплатить только тем гонораром, который определен для переводов. В данном случае максимум 75 р. за лист: гонорар, который получил в «Русской мысли» проф. Ф. Зелинский за свой перевод «Аянта Биченосца».² Будьте добры сообщите, согласны ли Вы на такие скромные условия,³ и во всяком случае не забывайте меня и «Русскую мысль». Очень хочется считать Вас по-прежнему в числе лиц мне не чужих.

Привет Анастасии Николаевне.

Ваш всегда
Валерий Брюсов.

¹ Слова из послания А. Фета Л. Н. Толстому «Как ястребу, который просидел...», написанного в ответ на присылку нескольких песен кавказских горцев. Последняя строка послания: «Полакомил ты старого ловца».

² «Аянт Биченосец» — трагедия Софокла (напечатана: «Русская мысль», 1912, № 5).

³ Мистерия Э. Штукена в стихотворном переводе Сологуба и А. Н. Чеботаревской напечатана в № 11 «Русской мысли» за 1912 г.

Москва, 6 сентября 1912 г.

Дорогой Федор Кузьмич!

Не сумею и не уполномочен ничего Вам ответить на Ваш вопрос. Мне кажется, что было бы всего лучше, если бы Вы заехали в петербургскую редакцию «Русской мысли» (Ньюстадтская, 6) и переговорили лично с П. Б. Струве. Все такие дела вне моей компетенции.

Давно я мечтаю об том, чтобы в «Русской мысли» появилось что-нибудь значительное, написанное Вами. Сейчас редакция занята собиранием материала для будущего года. Неужели не найдется у Вас какой-либо повести, которую Вы, на доступных для журнала условиях, могли бы предложить «Русской мысли»?¹

В конце сентября думаю быть в Петербурге и, пользуясь Вашим добрым приглашением, поспешу навестить Вас.

Неизменно Ваш

Валерий Брюсов.

¹ В 1913 г. в «Русской мысли» (№№ 1 и 9) появилось лишь три стихотворения Сологуба.

Москва, 1<-> Мещанская, 32.

10 сентября 1915.

Дорогой Федор Кузьмич!

Может быть, Вы не забыли еще, что любезно дали согласие перевести что-либо для сборника «Поэзия Армении».¹ Переговоры об этом вел с Вами П. Н. Макинциан.² В настоящее время я взял на себя редактирование этого сборника (для чего несколько месяцев усердно изучал армянский язык) и присоединяю свою просьбу к убедительным просьбам всех членов редакции. Вы *очень* нас всех обяжете, так сказать — «осуществив» свое согласие. С этим письмом я высылаю Вам стихотворение Ваана Теряна (между прочим, переведившего Ваши стихи на армянский язык)³ — текст-транскрипцию и подстрочный перевод. Мне кажется, что эти стихи достаточно хороши, чтобы быть достойными Вашего перевода. Если, однако, стихотворение Вам не придется по сердцу, я охотно вышлю другое, или несколько, на выбор, и, наконец, целый ряд, если Вы захотите перевести для нас не одно, а два-три или более.

Надеюсь, что лето, несмотря на грозовой небосклон мира, было для Вас, как всегда, «урожайным», и Вы привезли с собой в город новую книгу стихов. Если будете в Москве, не забудьте

неизменно дружески Вам преданного

Валерия Брюсова.

¹ См.: Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов... Под редакцией, со вступительным очерком и примечаниями В. Брюсова. М., 1916. В этом сборнике помещены переводы Сологуба из Наапета Кучака (поэт XVI в.) и Ваана Терьяна.

² Макинциан Павел Никитич (1884—1938) входил в редакционную коллегию сборника «Поэзия Армении». О его роли в подготовке и издании сборника см. в статье А. П. Макинциана (Брюсовские чтения 1966 г. Ереван, 1968).

³ Терьян Ваан (1885—1920) — армянский поэт; выступил с первой книгой стихов в 1908 г. В 1914 г. познакомился с М. Горьким и готовил вместе с ним «Сборник армянской литературы» (Пг., 1916). С 1917 г. — член коммунистической партии и активный деятель молодого Советского государства. Брюсов во вступительной статье к сборнику «Поэзия Армении» писал о Терьяне как о «наиболее видном деятеле среди молодых поэтов русской Армении»: «ученик символистов, Терьян сделал попытку усвоить армянской поэзии все, что было достигнуто европейской поэзией (особенно русской и французской) за самые последние десятилетия» (с. 86—87). В сборнике в переводе Сологуба помещено стихотворение Терьяна из цикла «Наирские песни»: «Ты не горда, страна моя...».

〈5 января 1916〉.

Многоуважаемый Федор Кузьмич!

Высылаю Вам гонорар за Ваши прекрасные переводы с армянского. Сердечно благодарю за внимание. Ваши переводы будут украшением нашего сборника.

Дружески преданный Вам
Валерий Брюсов.

Письмо датируется на основании почтового штемпеля.

В. Я. БРЮСОВ

ПИСЬМА К Л. Н. ВИЛЬКИНОЙ

Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова

Людмила Николаевна Вилькина (Виленкина) (1873—1920) — писательница символистского лагеря, жена поэта и философа, одного из первых русских символистов Н. Минского (1855—1937). Наиболее значительное литературное достижение ее — переводы пьес Метерлинка (совместно с Минским), переиздаваемые и по сей день.¹ Оригинальное творчество Вилькиной менее интересно. К русским символистам 1890-х годов, равно как и к Метерлинку, восходят основные темы ее сонетов — утверждение иррациональных начал жизни, одиночество души и демонстративная сосредоточенность в мире прихотливых личных переживаний:

Пускай толпа отринет или осудит.
Я целый мир. Мой мир мне верен будет.²

Художественная интерпретация этих тем, однако, в большинстве случаев не поднимается над уровнем расхожих символистских клише. Необходимо отметить также, что Л. Вилькина была одной из заметных фигур петербургского литературного быта. В «салоне» Минских на Английской набережной бывали как петербургские, так и приезжавшие в столицу московские литераторы. С Вилькиной поддерживали личные связи лидеры символистского движения; в числе ее близких друзей были К. Д. Бальмонт, Д. С. Мережковский, С. А. Соколов (псевдоним — С. Кречетов) и др.

Брюсов познакомился с Вилькиной в начале ноября 1900 г., в один из приездов в Петербург. «Видели вчера Минского и беседовали с ним долго и хорошо; и с г-жей Минской, которая в сторонке соблазнила меня „полюбить страшное“, — писал Брюсов 4 ноября 1900 г.³ Встречи были продолжены в 1902 г., когда, находясь в Петербурге, Брюсов участвовал в подготовке к изданию журнала «Новый путь». Уже в это время у него проявлялся ирония по отношению к «декадентской» поэтессе; в дневниковой записи от 16 ноября 1902 г. он отмечает: «Людмила подражает Зиночке, лежит на кушетке у камина <...> Она говорила декадентские слова и кокетничала по-декадентски».⁴ Аналогичны и его отзывы в письмах к И. М. Брюсовой: «Г-жа Минская продолжает меня прельщать <...> Я пишу ей стихи <...> и делаю вид, что интересуюсь ею»,⁵ и т. д.

Для Брюсова были неприемлемы религиозные искания «Нового пути» и второстепенное внимание руководителей журнала — Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус — к вопросам собственно художественного творчества. «Брюсов, даже в период наибольшей близости к „Новому пути“, во время своего секретарствования, чувствовал себя в журнале инородным телом», — пишет Д. Е. Максимов.⁶ Внимание, которое Брюсов оказывал Минским, объяснялось, в частности, тем, что он избегал постоянного общения с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус, увлеченными религиозно-философскими вопросами: «<...> у них мне легче дышать, чем у Мережков-

¹ См.: Метерлинк М. Пьесы. М., «Искусство», 1958; Верхарн Э. Стихотворения. «Зори». Метерлинк М. Пьесы. М., «Художеств. литература», 1972 (Библиотека всемирной литературы, т. 142).

² Вилькина (Минская) Л. Мой сад. М., «Гриф», 1906, с. 13. В. В. Розанов, близко знавший поэтессу, писал в предисловии о стихах Вилькиной: «Читатель редко сумеет связать их с действительностью. В дни войны или мира, сытости или голода, болезни или здоровья — она не отрываясь творит в этой зале своего воображения, как бы ничего не было, кроме нее» (с. 6).

³ Письмо к А. А. Шестеркиной, см.: Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ), О. Р., картон 128, № 2. Ср.: Брюсов В. Дневники. 1891—1910. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1927, с. 95.

⁴ Брюсов В. Дневники, с. 125. Зиночка — З. Н. Гиппиус (1869—1945).

⁵ Письмо от 22 ноября 1902 г., см.: ГБЛ, ф. 386, картон 69, № 3.

⁶ Максимов Д. Валерий Брюсов и «Новый путь». — В кн.: Литературное наследство, т. 27—28. М., Изд. АН СССР, 1937, с. 278.

ских, — признавался Брюсов. — И люди у Минских бывают более мне по сердцу, чем богословы от Мсрежковских». ⁷ К 1902 г. и относится начало увлечения поэта Вилькиной (1903—1904). Брюсов посвятил Вилькиной стихотворение «Лесная дева». ⁸

Письма к Вилькиной позволяют увидеть Брюсова как бы в двух ипостасях. Многие из них характеризуют его как лидера литературной группы, вождя «направления», руководителя издательства «Скорпион» и журнала «Весы», ниспровергателя общепризнанных авторитетов. В то же время в письмах к Вилькиной Брюсов одновременно выражает собственное мироощущение, делится своими воззрениями и «подыгрывает» корреспонденту. Отсюда экзальтированная утонченность ряда писем, подчеркнутая эстетизация собственной жизни. «Твои годы были прояснением одного лика, мой — сменой двойников, — писал Брюсов К. Д. Бальмонту 5 (18) апреля 1905 г. — При замкнутости моей души, при моей привычке везде, перед всеми носить маски, при моей вечной лжи перед всеми (о, я так люблю свою правду, что предпочитаю таить ее в себе!) — эта смена свершалась тайно, невидимо. Одну износившуюся маску я заменял другой, сходной, — всем казалось, что я тот же, и никто не примечал, что под этой сходной маской уже другое лицо, *другой человек*». ⁹

Большой интерес в письмах Брюсова к Вилькиной представляют суждения о К. Гамсуне, М. Метерлинке, П. Д. Боборыкине, М. Горьком, З. Н. Гиппиус и др., во многом проливающие свет на литературные вкусы и пристрастия поэта в начале 1900-х годов.

Впоследствии отношения Брюсова и Вилькиной становились все менее духовно близкими. После 1904 г. связь сохранялась только благодаря переписке, которая постепенно утрачивала черты интимности. Окончательно нарушились взаимоотношения Брюсова и Вилькиной после появления в «Весях» его отрицательной рецензии на ее книгу «Мой сад». ¹⁰ «Статью о Вилькиной я писал „скрепя сердце“, — сообщал Брюсов К. И. Чуковскому. — Но ведь должен же был кто-нибудь откровенно заявить, что она как поэт — бездарность (и очень характерная, очень совершенная бездарность)». ¹¹ Брюсов критиковал как художественную невыразительность советов Вилькиной, так и во многом уже устаревшую, по его мнению, мировоззренческую позицию автора: «Содержание „Моего сада“ исчерпывается кругом „декадентского“ мировоззрения. „Я — целый мир“, „Я — в пустыне“, „Мне жизнь милей на миг, чем навсегда“, „Я и обычно считаю чудом“, „Люблю я не любовь, — люблю влюбленность“ и т. под. — все это мысли, которые уже довольно давно перестали быть новыми даже у нас». ¹² Характерно, что несколькими годами ранее Брюсов сам печатал раскритикованные им сонеты Вилькиной в альманахах «Северные цветы». Но в 1906 г. он уже писал: «Я не могу более жить „декадентством“ и „ниществом“ <...> в поэзии не могу жить „новым искусством“, самое имя которого мне нестерпимо более». ¹³ А в письме к Вилькиной от 18 января 1907 г. Брюсов заявлял: «Я далеко ушел от своих прежних переживаний, взглядов, верований, не знаю, в той ли Вы стране, где я, и боюсь, что нет».

⁷ Письмо к И. М. Брюсову от 21 ноября 1902 г., см.: ГБЛ, ф. 386, картон 69, № 3.

⁸ Брюсов В. Urbi et Orbi. М., «Скорпион», 1903, с. 102—104. К Вилькиной обращен также стихотворный экспромт Брюсова «Я путешественник случайный...» (ноябрь 1902 г.) (Брюсов В. Собрание сочинений в 7 томах, т. 3. М., «Художеств. литература», 1974, с. 275, 599).

⁹ ГБЛ, ф. 386, картон 69, № 26. В этом высказывании Брюсова ощутим, конечно, элемент поэзы, но вместе с тем оно убедительно свидетельствует о замкнутости внутреннего мира поэта. Н. И. Петровская (1884—1928), писательница, близко знавшая Брюсова, отмечает в воспоминаниях: «Будучи человеком бездонных духовных глубин, В. Брюсов никогда не обнаруживал себя перед людьми в синтетической цельности. Он замыкался в стили, как в надежные футляры, — это был органический метод его самозащиты, — увя, кажется, мало кем понятый <...> Жизненные встречи его были лишь профессионально-социальными отношениями, лучше сказать, — „клише“ отношений <...> Всю боль развоенности, весь огонь чувств, всю трагедию свою он укрывал под „маской строгой“» (Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 376, оп. 1, № 2).

¹⁰ Брюсов В. Новые сборники стихов. — «Весы», 1907, № 1, с. 69—73.

¹¹ Письмо от 21 февраля 1907 г., см.: Чуковский К. Из воспоминаний. М., «Сов. писатель», 1959, с. 445. Возможно, что Брюсов намекал на положительные отзывы о книге Вилькиной С. Соловьева («Золотое руно», 1907, № 1, с. 89—90) и Андрея Белого («Перевал», № 3, 1907, январь, с. 52—53), написавшего рецензию по просьбе Н. Минского (Белый встречался с Минским в Париже зимой 1906—1907 г.).

¹² «Весы», 1907, № 1, с. 73. В связи с рецензией Брюсова Н. Минский писал жене: «Что же касается того, что ты берешь декадентские темы, то, конечно, ты сама этого отрицать не станешь — и в этом что же обидного. Да, ты — декадентка, как и мы все. Из круга декадентских тем никто из нас не выходит» (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 884).

¹³ Письмо к Н. И. Петровской от 13—14 июня 1906 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 376, оп. 1, № 4.

47 писем Брюсова к Л. Вилькиной (1902—1907 гг.) хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в архиве З. А. Венгеровой и Н. Минского (ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 833). Для настоящей публикации отобрано 8 писем, представляющих наибольший интерес.

1

1902, <сентябрь>.

Ведь и Вы тоже меня не знаете, Людмила Николаевна.¹ Да и откуда нам знать друг друга? Трудно узнать кого по стихам. Поэзия — это вечное усилие одолеть в себе ложь и лицемерие, которое никогда не кончается успехом. Узнаешь другого, лишь когда душа посмотрит ему в душу (как о том хорошо рассказывает Метерлинк) — в любви, в минуту великой опасности, в миг одного общего порыва. Я не «жертва», и не могу ею быть, и никогда не бывал «жертвой» в этом смысле. Это не похвальба и не особое мое достоинство, а просто верное определение моего характера. Вернее даже это — недостаток моей души, что она стать жертвой не способна. Я никогда не чувствовал достаточно сильно, «в сурьез» — не любил, не ненавидел, не страдал. Я вне этого, всегда как зритель, даже когда другим кажусь актером. Я знаю все ухватки людей влюбленных, обижаящихся, ненавидящих и подражаю им, ибо иначе мне не дали бы жить на свете (я уже пробовал), но в сущности, в глубине души никого я не люблю, никого мне не было бы жалко, и ни на кого я не сержусь в мире. Это самое искреннее признание делал я уже несколько раз и только в этом, кажется, и бываю я вполне откровенным, — и никто до сих пор не поверил мне, как, вероятно, не поверите и Вы.

Но будет обо мне. Я хочу посоветовать Вам не откладывать печатания Метерлинка.² Очень уж многие замышляют начать то же. Некто Саблин, издавший Красного Петуха и еще несколько переводных книжек, уже собрал даже довольно значительный материал тоже для полн<ого> собр<ания> сочинений Метерлинка.³ Да это и понятно. После Льва Толстого и Ибсена (о Горьком не хочется упоминать)⁴ — Метерлинк теперь наиболее читаемый писатель в Европе. Если немного умело повести дело, его сочинения должны дать издателю верный доход. Только печатайте прилично, чтобы книжки не расплзались, чтобы поля страницы не обращались в узенькую рамку. Именно покупатели Метерлинка таковы, что потребуют этого. Будет ли приложен к собранию портрет Метерлинка и очерк жизни? Ах, это не дорого стоило бы, а было бы очень приятно. Хлопочите, добрая Людмила Николаевна, старайтесь. Метерлинк — это тот мост, который будет перекинут от новой поэзии к среднему читателю. Метерлинка могут читать все, и он научит всех, как читать и Вас, и меня, и Ник<олая> Макс<имовича>, и тех, кто близко в Вашем лагере, и кто в лагере «Ваших недругов». Кстати. В этом последнем лагере, кажется, придется снять все палатки и разойтись, не начиная военных действий, по зимним квартирам.

Ваш Валерий Брюсов.

¹ Ответ на письмо Вилькиной от 7 сентября 1902 г. (ГБЛ, ф. 386, картон 80, № 13), в котором она писала: «Брюсов, я хочу, чтобы было так, как будто вы меня никогда не видели <...> Не ждите, что вы меня знаете, я совсем, совсем не та».

² Имеется в виду издание сочинений Мориса Метерлинка в 6 выпусках («бесплатные приложения к литературному, общественному и политическому журналу „Звезда“») в переводе Л. Вилькиной. Каждый выпуск имел индивидуальное заглавие: «Сокровище смиренных», «Принцесса Мален» и др. В 6-й выпуск входили пьесы «Аглаена и Селизета», «Монна Ванна» и сборник стихотворений «Теплица», переведенный несколькими поэтами. Брюсову принадлежат в этом издании переводы 5 стихотворений Метерлинка: «Душа теплицы», «Намерение», «Душа ночи», «Печальная песня», «А если он возвратится...».

³ Речь идет об издании: Метерлинк М. Полное собрание сочинений в 6 томах. М., изд. В. М. Саблина, 1908—1909. «Красный петух» — трагикомедия Г. Гауптмана, вышедшая в переводе Ю. Балтрушайтиса и В. М. Саблина (М., 1902).

⁴ Об отношениях Брюсова и М. Горького см.: Ильинский А. Горький и Брюсов. Из истории личных отношений. — В кн.: Литературное наследство, т. 27—28. М., Изд. АН СССР, 1937, с. 639—660; Литвин Э. С. Горький и Брюсов. К истории личных и литературных отношений. — Труды Ленинградского библиотечного института, 1957, т. II, с. 79—100; Ахумян Т. С. М. Горький и Брюсов. — В кн.: Брюсовские чтения 1962 г. Ереван, 1963, с. 127—137; Муратова К. Д. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. М.—Л., «Наука», 1966, с. 164—200.

2

1902. Рождество.

Теперь, когда мы, Людмила Николаевна, перестали быть необходимы друг для друга,¹ позвольте мне просто болтать с Вами. Да и что лучшее можно делать на расстоянии 600 верст в пространстве и трех недель во времени. Я Вам расскажу предпраздничные московские новости. И прежде всего, конечно, о На дне.² До сегодняшнего дня театр при Горьком полон, переполнен, затоплен. Нет билетов и на 5 января. В первое представление зрители карабкались на сцену, раздвигали занавес руками и венчали Максима I-го. Но и на втором представлении Горький стал выходить на зовы с первого акта. Занавес закроют, а он все стоит, не уходит со сцены, ждет, пока его еще раз вызовут. Дамы перевешивались через барьер, как куклы в петрушке, крича «Горький!», и, увидя его, откидывались назад в изнеможении от счастья. Почтенный П. Д. Боборыкин до того был уязвлен этим королевским успехом, что на другой день целый час (я встретился с ним за завтраком, в ресторане) бранил мне Горького, то умно, то неумно, то по-новому, то по трафарету. А в конце выдал себя: ³ «Я, говорит, сорок лет работаю, написал 80 томов, а мне таких оваций не бывало!». Впрочем, Боборыкина все у нас уязвляют. Третьего дня читал он в Литерат <урном> кружке ⁴ о рецензентах и со старческим брюзжанием их побранивал. На беду ползалы состояло именно из рецензентов. Уж они его не пощадили. Припомнили, как он сам писал плохие драмы и как, будучи рецензентом, напал на Ермолову.

Старик до того рассердился, что утратил дар членораздельной речи, стал что-то выкрикивать, путаясь и сбиваясь. И я в тот вечер говорил к публике. Было такое настроение, что хотелось кого-нибудь обидеть. А так как «публика» состояла вся из либералов, то я — нарочно отчетливо и медленно — стал бранить Белинского, Добролюбова, Михайловского, Чехова, Горького (очень бранить) и славить Метерлинка, Анпунцио,⁵ Гамсуна. Я думал и надеялся даже, что меня освищут (есть в этом своя сладость). Но нет, пошло поаплодировали. «Они» все снесут и стерпят.⁶ Между прочим на этом вечере был Рафалович (все же «Ваш», ибо я встречал его всего чаще у Вас).⁷ Расспросите его, если упомните: стóит, это — все московское общество, «цвет» его. Девять десятых его — либералы, а одна десятая — нет, не консерваторы и не марксисты, а декаденты. Да, Москва город очень декадентский, более Петербурга (есть целые улицы из декадентских домов). На Монну Ванну, которая пойдет трижды (с Комиссаржевской), 2, 3 и 4-го, уже нет билетов.⁸ Когда исполнится, опишу Вам. Теперь же надо ехать к разным почтенным людям, так как в Москве «делают визиты» не на Новый год, а на Рождество. Благо тема для разговора есть — это Новый Путь! Новый Путь! Новый Путь!⁹

Ваш Валерий Брюсов.

¹ Отклик Брюсова на слова Вилькипой в письме к нему от 21 декабря 1902 г.: «Но если нет нас томящей, неумолимой необходимости, то я — в своей слабости — отхожу. Не обессудьте <...> До сегодняшнего дня в моей хрустальной вазе жили Ваши ландыши — странно долго. Но сегодня бросила их в камин и вдела, как они сгорели» (ГБЛ, ф. 386, картон 20, № 13).

² Премьера пьесы «На дне» М. Горького в Московском Художественном театре (18 декабря 1902 г.) прошла с огромным успехом. Вот один из отзывов: «По окончании пьесы овация приняла прямо небывалые размеры. Горький был вызван всем

театром более 15 раз <...> Нечто не поддающееся описанию произошло, когда Горький, наконец, вышел на вызовы один. Такого успеха драматурга мы не запомним» («Русское слово», 1902, № 349, 19 декабря). С. Рафалович, находившийся в те дни в Москве, в свою очередь сообщал Вилькиной: «Успех пьесы Горького — нечто небывалое и невиданное» (26 декабря 1902 г. — ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 907). Анализ «тактики» Брюсова в связи с успехом пьесы Горького — литературного «противника» символистов см. в книге К. Д. Муратовой «Возникновение социалистического реализма в русской литературе» (с. 170—171), где, в частности, цитируется публикуемое письмо.

³ В черновике письма Брюсов сообщал также о беседе с Боборыкиным: «<...> на мои слова, что Горький — современный Марлинский, Боборыкин возразил: „Нет, с милостивый государь, Марлинский был человек умный, образованный и талантливый“; а под конец выдал себя <...>» (ГБЛ, ф. 386, картон 70, № 21). В это же время Горького составляла с Марлинским также З. Н. Гишпиус: «Нет, нет, Горький скоро поникнет; увидите. Прочитала недавно об успехе Марлинского, соответственно сопоставила (исторически) подробности — и многое поняла» (письмо к П. П. Перцову от 15 июля 1902 г. — ИРЛИ, р. III, оп. 2, № 1235).

⁴ Лекция П. Д. Боборыкина о драматургах и рецензентах состоялась 23 декабря в Московском Литературно-художественном кружке. Эти эпизоды с Боборыкиным Брюсов отразил в дневниковых записях (Брюсов В. Дневники, с. 128—129), здесь же в примечаниях Н. С. Апукина (с. 182) содержатся выдержки из газетного отчета по этому поводу («Новости дня», 1902, 24 декабря).

⁵ Д'Аннунцио Г. (1863—1938) — итальянский писатель-модернист.

⁶ В черновике письма дана более подробная характеристика этого выступления: «Мне на этом собрании хотелось говорить бранные слова. Я желание это испытываю всегда, когда передо мной довольная и давно обо всем согласившаяся толпа, что добро, что зло, где правая, где левая сторона. Я встал и начал говорить, словно возражая, что вот Белинский не понимал Пушкина, Добролюбов — Достоевского (верно ли это, я точно не помнил, но мне даже приятно было сказать нелепость), что Некрасов как поэт — ничтожество (я этого вовсе не думаю), что Мережковский — великий писатель, а Михайловский, ничего не поняв в его книге, только глухо острит, что пьесы Чехова и Горького — совершенная дрянь и что вообще после Гоголя никто не писал настоящих драм, тогда как на Западе есть великие драматурги: Метерлинк, Аннуцио, Кнут Гамсун... а потом прибавил, что ни один порядочный человек в газетах писать не станет (заметьте: сам пишу). Я думал, что по крайней мере меня после такой речи освищут: ведь вся зала состояла из мелких либералов и газетчиков! Нет, представьте себе! Двое-трое решились произнести „ш-ш“, а потом кончилось все самыми банальными аплодисментами». Ср. характеристику этого эпизода в письме к П. П. Перцову от 28 декабря 1902 г.: «В Москве в Литературно-Художественном кружке почтенный Петр Дмитриевич читал о рецензентах и очень нападая <...> Я тоже немного „поозорничал“, сказал речь к публике и очень обругал Белинского, Михайловского, Чехова и Горького, попутно попрославляя Дмитрия Сергеевича. Думал меня освищут; ничего — похлопали (все стерпят)» (Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (ИМЛИ), ф. 13, оп. 3, № 21; Дмитрий Сергеевич — Мережковский).

⁷ Рафалович Сергей Львович (1875—1943) — поэт-символист, драматург, беллетрист; был дружен с Вилькиной в начале 1900-х годов.

⁸ Премьера пьесы Метерлинка «Монна Ванна» с В. Ф. Комиссаржевской в главной роли состоялась 6 января 1903 г. в московском театре «Аквариум». См. заметку Брюсова о спектакле — «Монна Ванна и г. Дорошевич» («Новый путь», 1903, февраль, с. 191—192; подпись «Москвитянин»).

⁹ «Новый путь» — литературный и религиозно-философский журнал, издававшийся П. П. Перцовым, Д. С. Мережковским и З. Н. Гишпиус в 1903—1904 гг. См.: Максимов Д. 1) «Новый путь». — В кн.: Евгеньев-Максимов В. и Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930, с. 131—254; 2) Валерий Брюсов и «Новый путь». — В кн.: Литературное наследство, т. 27—28, с. 276—298.

3

1903. Старое Село.

Вы спрашиваете с меня, Людмила, письма, ответа, отклика, — но жизнь моя так онемела, что мне это почти невозможно. В жаркие полдни есть такая пора, когда время не двигается. Она — в моей жизни. Я замер, и мне сладко это знойное замирание. От нас до почтовой станции два часа езды. Понятно ли Вам это? Мудрые китайцы и практичные американцы считают расстояние не верстами, а часами. Они правы. Что мне до того, что от нас до Москвы сто с небольшим верст, если письма оттуда я часто получаю на пятый день. Я чувствую себя не ближе к своему обычному «дому», чем Вы. Газеты приходят тоже на пятый день. На пятый день

газет читать не хочется, когда бывало в Париже прочитывал не менее пяти в день. Медленно, но непобедимо вошел я в область забвения, в область не-жизни. Какие-то окна захлопнулись и погасли, какие-то забытые ставни открылись. И я, как стебель, сам невольно обратился туда, где теперь свет. Порой мне кажется, что просто не было тех десяти-одиннадцати лет, 10 дней, когда я издавал первые свои книжки и лепетал свои первые признания, что мне мои восемнадцать лет. Только тогда была жажда *начать* идти куда-то, а теперь тихое желание, чтобы ничто не изменялось. подождать, помедлить. И также безвольно вернулся я к радости моей ранней молодости — к числам. Я не написал здесь ни одного стихотворения. И целые дни — и у себя за круглым столом, и в лесу, где стрелозы и белки, и в однообразный дождь и в сегодняшнюю зной — я дифференцирую и интегрирую, с последней страстью, непобедимо. Вам это, конечно, непонятно. Вы никогда не были математиком и никогда не будете. Но я знаю, что здесь есть пути к таким высотам, к которым взойти иначе — нельзя: ни в искусстве, ни в любви, ни в преступлении. Эти вершины за пределами даже вечных льдов, потому что за пределами земли и ее атмосферы. И весь мир отсюда обнимается действительно одним взглядом... Так проходят дни. Небо то бледнеет от страсти и жжет неумолимо, то гаснет, мутнеет, словно Божий глаз, покрывшийся бельмом, в мире что-то совершается, убивают королей и умирают папы,¹ мне пишут, зовут меня по имени, окликают, — но в моей жизни длящийся полдень, остановившееся время, я заворочен виденьями чисел, вечных! вечных!

Ваш Валерий Брюсов.

Р. С. Писал о Вас и Н. М. в Athenaeum'е в обозрении нашей литературы за год, — № от 2 июля, 3949.²

Письмо написано в середине июля. Старое Село — дачная местность в Можайском уезде под Москвой. Это письмо было направлено Брюсовым в Монако, но получено Вилькиной по прибытии в Швейцарию, 10 августа 1903 г.

¹ Имеются в виду смена королевской династии в Сербии, сопровождавшаяся свержением и убийством короля Александра Обреновича (28 мая 1903 г.), и кончина римского папы Льва XIII (7 июля 1903 г.). В связи с избранием нового папы Брюсовым написана заметка «Папство» («Новый путь», 1903, август, с. 236—238; подпись «Вал. Бр.»).

² «The Athenaeum» — английский журнал, в котором Брюсов в 1901—1902, 1904—1906 гг. публиковал обзоры новинок русской литературы. Н. М. — Минский.

4

1903. Старое Село.

Я вспоминаю Вас часто, Людмила, но не знаю, как стал бы говорить с Вами при встрече. Быть может, нам было б не о чем говорить. Да, я печатаю свои стихи: книга выйдет в сентябре.¹ И опять, как это бывало каждый раз, чувствую я, что все это, все стало для меня прошлым и ненужным. Есть особое чувство перепутья, чувство границы. С закрытыми глазами ощущаешь блеск пересекающихся дорог и невидимую линию, разделяющую два мира, и вдыхаешь воздух новых полей, на которые еще не ступал раньше. Приходят минуты этого ощущения, совершенно особого, не сходного ни с каким другим, и знаешь, что нечто в жизни кончено и началось что-то иное; что? — еще не знаешь, но не все ли равно! Мне было б трудно говорить с Вами, потому что я стою на перепутье. У меня еще нет слов, чтобы высказать все новое, наступающее, увлекающее в себя. Я еще не могу отказаться от старых слов, они еще владеют мной; но для меня они мертвые: я говорю теперь мертвые слова. Поймите (это трудно понять мне самому), что я не хочу теперь ничего из того, чего недавно желал так полно: ни силы, ни полноты мига, ни блаженства. Да, ни блаженства. Я пройду мимо мгновений, которые дали бы мне

величайшее блаженство, все счастье, о котором можно помыслить, которые испепелили бы все мое существо пламенем восторга... Я когда-то тоже проходил мимо их — из страха; потом искал их и бросался в огненный водопад всем телом, теперь опять я *должен* идти мимо. О, конечно, не потому, что я «насытился» ими! Этих мгновений было так мало! их может быть так мало! Но есть какая-то Судьба, Рок, Голос, не знаю... Здесь кончается власть «мертвых» слов, — и у меня еще нет живых.

Быть 16<го> в те часы...² Но почему не так: Вы будете, скажем 10 октября, там, где я, хотя бы и в Петербурге? О, это «почему» в таких словах всегда останется между нами.

Шестова³ весьма «ценю», но никак «не смею» назвать ни себя его другом, ни его моим: ни по нашему знакомству (мы виделись раза два), ни по сходству наших взглядов (мы ни в чем не сходимся). Что до «Сони»,⁴ то ведь Бальмонт во всех был влюблен столь же, сколько в нее, т. е. вполне, и все верили ему, как она, т. е. тоже вполне. В этом счастье Бальмонта и тех, кто ему верил.

«Грифа»⁵ я послал Вам в Петербург. Посылаю еще и сюда.

«Ваш» Валерий.

Письмо написано между 15 и 20 августа.

¹ Речь идет о сборнике «Urbi et Orbi» (М., «Скорпион», 1903).

² 12 августа 1903 г. Вилькина из Краттигена (курорт на Тунском озере в Швейцарии) писала Брюсову: «<...> назначаю Вам свидание у себя на набережной 16 сентября в 4 ч. дня или в 8 ч. вечера. Будьте непременно. Я буду одна, но Вы придете не математиком, а со стихами» (ГБЛ, ф. 386, картон 80, № 13). «На набережной» — квартира Минских на Английской набережной, д. 62, в Петербурге.

³ Шестов Лев (Шварцман Лев Исаакович, 1866—1938) — философ и публицист, в 1895—1914 гг. преимущественно жил в Швейцарии. В упомянутом письме Вилькина писала Брюсову: «Заходит сюда иногда ваш „друг“ Шестов. Удивительно он милый, простой, но „скучный“».

⁴ Соня — одна из парижских поклонниц К. Д. Бальмонта. О ней упоминает Вилькина в цитированном письме.

⁵ Альманах книгоиздательства «Гриф». М., 1903. В нем было впервые опубликовано посвященное Вилькиной стихотворение «Лесная дева» (с. 26—27).

5

<4 февраля 1>904.

Мне лично нравится первое Ваше стихотворение, Людмила, о Влюбленности; не нравится второе.¹ Рассказ в общем тоже не соблазняет.² Меня удивляет, что Вы, так ищущая утонченности в стихах, в письмах, в разговоре, написали рассказы таким бесцветным «расхожим» языком, который можно получать всюду «оптом и в розницу». И приемы рассказа — старые, бессильные, стесняющие творчество. Так пишет Зина Гишпиус, но ведь не ей быть образцом, когда есть Гамсун, Пшибышевский³ и сколько других, открывших «новеллистам» новые миры, давших им новое оружие, новый взрывчатый состав в сто тысяч раз более сильный, чем плохонький порох Тургеневых да Чеховых. Но я вовсе не «редактор Скорпиона».⁴ Все присланное Вами я передам нашему «общему собранию», изложив эти свои мнения — только. «Сев<ерные> Цветы» ввиду войны выйдут оппю.

Ваш Валерий Брюсов.

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Сопеты были присланы Вилькиной для альманаха: Северные цветы Ассирийские. Альманах IV книгоиздательства «Скорпион». М., 1905. В нем были напечатаны пять ее сонетов, в том числе «Влюбленность» (перепечатано: Вилькина (Минская) Л. Мой сад. М., «Гриф», 1906).

² Рассказ «Ее руки» (см.: Вилькина (Минская) Л. Мой сад, с. 122—133).

³ Пшибышевский Станислав (1868—1927) — польский писатель-модернист.

⁴ «Скорпион» (1899—1916) — московское символистское книгоиздательство. Брюсов наряду с владельцем издательства С. А. Поляковым играл в нем главенствующую роль.

1904, август 31.

Вы, конечно, вправе, Людмила, упрекать меня в невнимании и невежливости. Но я только несколько дней как вернулся из деревни,¹ а последнее время — так как я со дня на день думал переезжать в город — мне туда не пересылали писем. Вот причина, почему я не ответил Вам тотчас. Теперь рукопись Ваша уже послана. Разумеется, в моем молчании Вы можете быть более чем уверены, но вряд ли меня кто и спросит.² Эротические сонеты присылайте. «Северные Цветы» все еще формируются.³ Я мучительно и бесполезно занят все теми же «Весами», где я один буквально. Летние №№ я и писал (под десятком псевдонимов), и редактировал, и корректировал... только что не набирал.⁴ В декабре думаю бросить все свои «долги», как говорите Вы, и начать «ничего не делать». Может быть, уеду жить вне России, которая в дни этой глупой, тупой войны становится нестерпима.

Посылаю Вам несколько строф;⁵ из них лучше увидите мое настроение.

Ваш неизменно

Валерий Б.

¹ Брюсов отвечает на два письма Вилькиной, от 16 и 17 августа, по возвращении из села Антоновка.

² В письме от 17 августа Вилькина просила выслать рукопись своего рассказа «Ее руки», который она предполагала опубликовать в журнале «Новый путь» под псевдонимом: «...» и, быть может, псевдоним этот Вам будет уже знаком. Так будьте хорошим товарищем и не выдавайте меня» (ГБЛ, ф. 386, картон 80, № 14).

³ В альманахе «Северные цветы Ассирийские» были напечатаны «Пять сонетов» Вилькиной, «эротических», по ее определению в письме от 17 августа.

⁴ В письме Брюсова к П. П. Перцову от 25 августа 1904 г. (ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, № 24) говорилось: «„Весы“ должен был делать я один, т. е. сочинять, писать, редактировать и корректировать (слава богу, что не набирать еще!). В № 7 и в № 8 большая половина текста написана моей рукой». Подробно состояние дел в «Весех» Брюсов осветил в неотправленном письме к Вяч. Иванову (июль 1904 г.), сохранившемся в четырех черновых вариантах (ГБЛ, ф. 386, картон 71, № 18).

⁵ Стихи, приложенные к письму, в архиве отсутствуют.

7

18 мая 1905.

Я все еще — «пропадный», «несуществующий», все еще в вихре. Долго, не правда ли? Но это лишь для объяснения моих невозможных молчаний.

Вот дела.

Рисунки Рериха получили, написали ему благодарственное письмо и, конечно, воспроизведем их. Но думаем лучше осенью.¹ Вы знаете, что летние журналы остаются непрочитанными.

Рецензию на Иней² напишите Вы, очень прошу. Вяч. Ив.³ не имеет никаких притязаний на нее. Если я поручил ему, то лишь потому, что не видел никого другого, кто мог бы написать «сочувственно». (А бранить неловко, ибо Сережа Соловьев⁴ становится близким нашим сотрудником). Сам же я считаю стихи милой Поликсены Сергеевны невинным, хотя и не совсем непритязательным, вздором.⁵

Вы находите, что я расхвалил хлопущки Маковского.⁶ Бог с Вами, помилосердуйте! Что за похвала, когда больше всего говорится о виньетках и формате книги, о самих же стихах только, что они соперничают с Буниным и близятся к Эредиа.⁷ Не желаю себе такой похвалы.

За Вами много обещаний для «Весов» — неисполненных.

Буду скоро проездом в Петербурге. Позвольте ли смиренно стать на Вашем пороге, ибо иначе уже не смею. Или Вы не в городе?

Всегда Ваш

Валерий Брюсов.

¹ См.: Р е р и х Н. Девассари Абунту. — «Весы», 1905, № 8, с. 1—4.

² «Иней» (СПб., 1905) — сборник стихов Поликсены Сергеевны Соловьевой (псевдоним — Allegro) (1867—1924).

³ Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт и теоретик символизма.

⁴ Соловьев Сергей Михайлович (1885—1943) — поэт-символист, племянник философа В. С. Соловьева и П. С. Соловьевой.

⁵ Брюсов напечатал в «Весах» собственную рецензию на «Иней», в которой, отметив несколько «прекрасных» стихотворений в сборнике, писал: «Насколько не оригинально содержание стихов г-жи Соловьевой, настолько же не оригинальна (а подчас и плоха) их форма» («Весы», 1905, № 8, с. 55—56).

⁶ Имеется в виду рецензия Брюсова на «Собрание стихов» (СПб., 1905) Сергея Маковского («Весы», 1905, № 4, с. 65). Вилькина писала Брюсову: «Что Вас угораздило так расхвалить Маковского? Вот нелепость! Хлопушки — не стихи. Не постигаю» (письмо от 13 или 14 мая 1905 г. — ГБЛ, ф. 386, картон 80, № 14). Маковский Сергей Константинович (1878—1962) — поэт, художественный критик, редактор и издатель журнала «Аполлон» (1909—1917).

⁷ Эредиа Жозе-Мариа де (1842—1906) — французский поэт, представитель «парнасской» группы; автор книги сонетов «Трофеи» (1893).

8

11 ноября 1906.

Дорогая Людмила!

Ваше раздраженное письмо меня удивило и опечалило. Я никогда не предполагал, чтобы «писательская психология» могла когда-либо повлиять на Ваши отношения ко мне. А она повлияла настолько, что Вы совсем не поняли слов моего письма, не поняли того настроения, того чувства, которые его продиктовали.

А рецензию наших «Весов» я должен взять под свою защиту.¹ Во-первых, те слова Мэтерлинка, в которых Вы сомневаетесь, были им действительно сказаны, в одной анкете, — и Вам, изучавшей Мэтерлинка, следовало бы это знать. Во-вторых, смысл их вовсе не тот, что драмы Мэтерлинка написаны определенными размерами, но тот, что в его речи есть свой *ритм*. Рецензия не приглашает переводить драмы Мэтерлинка рифмованными строчками или белыми пятистопными ямбами, но требует, чтобы по-русски был передан ритм французской речи, *чего Вам сделать не удалось*. Охотно верю, что Вы перевели лучше Щепкиной-Куперник (я ее переводов не читал), но ведь это не важно: переводить хуже Щепкиной-Куперник довольно трудно. Что до Вашего восклицания: «Кто больше меня прочувствовал Мэтерлинка?» — то, думаю, Вы на нем не настаиваете. Нет такого аппарата, чтобы измеривать, кто прочувствовал данного писателя больше, кто меньше. А теоретически Вы, вероятно, допускаете, что может оказаться где-нибудь на земле еще один смертный, которому Мэтерлинка не менее близок, чем Вам. Наконец, на милого, доброго, всеми нами любимого Вас. Вас. Розанова в вопросах критики, право, лучше не ссылаться. Может быть, он и говорил, что «подобный перевод читает в первый раз», но ведь он вообще ничего не читает, не читал, конечно, переводов Бальмонта, да не читал, вероятно, и самого Мэтерлинка в подлиннике.

Ах, Людмила, грустно, тысячу раз грустно, что Вас может так ослеплять мелочное писательское самолюбие. Где же Ваша чуткость к словам, к чувствам. В Вашем последнем письме я не узнаю Вас.

Всегда Вам преданный

Валерий Б.

Ответ на письмо Вилькиной от 10 ноября 1906 г. Вилькина была оскорблена фразой Брюсова из письма от 8 ноября 1906 г.: «Вы хотите, чтобы мы все-таки встречались»; в ответ она писала: «Нет, Валерий, не хотите — не встречайтесь».

¹ Речь идет о рецензии Брюсова (скрывшегося под псевдонимом «Пентаур») на первый том сочинений Мэтерлинка в переводе Л. Вилькиной (СПб., 1906). Основным недостатком перевода Брюсов считает утрату «своеобразного» ритма речи Мэтерлинка: «Сам Мэтерлинка говорил о своих драмах: „Они написаны стихами и

только напечатаны как проза“. Г-жа Вилькина перевела драмы Мэтерлинка прозой — вот самое существенное, что можно сказать о переводе» («Весы», 1906, № 10, с. 66). Вилькина писала Брюсову в этой связи 10 ноября 1906 г.: «<...> прочла в Вашем журнале преглуцую рецензию о Метерлинке. Где это Метерлинк требует стихотворного перевода?! И кто больше меня прочувствовал Метерлинка? Я помню, как после первого издания перевода ко мне прибежал Розанов и кричал, что подобный перевод в первый раз в жизни читает. Но посоветуйте Вашему критику прочесть перевод Щепкиной-Куперник. В стихах. Поэтично !..» (ГБЛ, ф. 386, картон 80, № 14). Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — писатель, философ и публицист, близкий друг Л. Н. Вилькиной (см. его письма к ней: ИРЛИ, ф. 39, оп. 3, № 913) и автор предисловия к ее книге «Мой сад». Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874—1952) — драматург, поэтесса и переводчица. Вилькина имеет в виду ее перевод пьесы Метерлинка «Монна Ванна» («Монна Джиованна». М., 1903).

ИЗ СТУДЕНЧЕСКИХ ЛЕТ М. А. ВОЛОШИНА

Публикация Р. П. Хрулевой

Известный художник и поэт Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин (1877—1932) окончил феодосийскую гимназию в 1897 г. Отец его был юристом, и потому мать Волошина Елена Оттобальдовна, женщина строгая и властная, настоятельно советовала сыну пойти по отцовским стопам. И Максимилиан поступил на юридический факультет Московского университета.

Университет произвел на недавнего гимназиста «унылое и мрачное впечатление: полутемные, мрачные, холодные коридоры с каменными полами, в которых гулко отдается каждый шаг, скучная пустая канцелярия» (письмо к А. М. Петровой от 26 августа 1897 г.). Унылое впечатление произвело и знакомство со студентами. Волошин с горечью писал: «*...* я думал, что они все-таки будут лучше, чем то, что я здесь нашел. Они все ужасные гимназисты, и от них можно было бы потребовать большего развития и умственного, и нравственного». Начинающему студенту скучны читаемые предметы и не нравятся профессора, среди которых он выделяет только А. И. Чупрова. С некоторым интересом Волошин прослушал лишь курс римского права и увлекся политической экономией (лекции А. И. Чупрова и И. Х. Озерова), а затем он стал охотно посещать «посторонние» лекции на естественном и историко-филологическом факультетах. Так им были прослушаны курсы: «История Франции XIX века» (С. Ф. Фортунатов), «История политических учений XVIII—XIX вв.» (С. Р. Виппер), «Развитие научного мировоззрения» (Н. А. Иванцов). Ему нравились лекции Алексея Ник. Веселовского по истории западных литератур XIX столетия.

Юный Волошин много читал и часто посещал театры. «Волшебная сказка» И. Потапенко, «Ганнеле» и «Потонувший колокол» Г. Гауптмана, «Чайка» А. П. Чехова, «Двенадцатая ночь» Шекспира, «Дама с камелиями» А. Дюма-сына — вот далеко не полный перечень спектаклей, которые привлекли его внимание в театральном сезоне 1897—1898 г. Особенно сильное впечатление произвел на него «Потонувший колокол» в Московском Художественном театре. «*...* видел „Потонувший колокол“ *...* в таком исполнении и в такой обстановке, что просто с ума схожу от восторга *...* Голова кружится от обаяния этой вещи», — писал Волошин А. М. Петровой 24 февраля 1898 г.

Волошин следил также за современной русской литературой, особенно за творчеством Льва Толстого и Чехова, и разделял увлечение многих передовых людей произведениями Максима Горького. В январском письме 1900 г. к А. М. Петровой он писал: «*...* вот вы прочтите роман Горького „Фома Гордеев“, напечатанный в журнале „Жизнь“ за этот год *...* Горький — это будущая громадная сила, да и теперь он уж не маленький. Вы читали книжки его рассказов? Если нет, то непременно прочтите и напишите, какое впечатление произведет». А в письме от 7 апреля 1900 г. говорится: «Ваши восторги относительно Горького я вполне разделяю и могу сказать только: „А вот прочтите-ка второй да третий том“ (речь идет об «Очерках и рассказах» М. Горького, — Р. Х.). Чехова новый рассказ „В овраге“ напечатан в январской „Жизни“, и в нем есть великолепные страницы, в которых даже как будто что-то новое проскальзывает *...* Прочтите в „Жизни“ в последней книжке тоже новый рассказ Горького „Мужик“ *...* Р. С. Посылаю Вам на память портрет Горького. Боюсь только, что Вы разочаруетесь в нем по портрету. Но ведь он такой именно и должен быть».

Сам Волошин начал писать стихи и переводить еще будучи гимназистом. Его первое стихотворение, посвященное умершему директору феодосийской гимназии — «Над могилой В. К. Виноградова», было опубликовано в сборнике памяти последнего.¹ В Москве Волошин переводил «Германию» Г. Гейне и стихи из «Ганнеле» Г. Гауптмана; последние должны были войти в прозаический перевод «Ганнеле», сделанный Е. Юнге.

Увлечение русской и западноевропейской историей XVIII и XIX вв. не прошло для начинающего поэта даром. В начале 1898 г. он задумал написать поэму «XIX век». «Тема очень необыкновенная, — сообщил Волошин в январе 1898 г. Петровой, — я хочу в стихах обрисовать XIX век как личность: его воспитание, обстоятельства жизни, характер».

¹ Памяти Василия Ксенофоновича Виноградова. Сост. Ю. Г. [Ю. Галабутский]. Феодосия, 1895.

Самобытность Волошина ярко проявлялась в широте его знаний, в его увлечении литературой и искусством, в его ранних творческих опытах. Но многое характеризовало его и как типичного русского студента конца XIX в., стремившегося к участию в общественной жизни. Волошин вступил в «Общество попечительства о бедных», в котором было немало студентов, и активно в нем работал. Он пытался издать сборник «в пользу недостаточных» студентов, который должен был состоять из статей и художественных произведений самих учащихся. Сборник этот, так и не увидевший света, был горячо поддержан редактором «Русской мысли» В. А. Гольцевым и профессором К. А. Тимирязевым.

Но всего этого Волошину было мало. 24 февраля 1898 г. он пишет Петровой: «Все мы живем в каком-то искусственно созданном для нас парнике, в который доступ внешним впечатлениям и свежим струям закрыт. Когда мы хотим узнать, что делается там, за стенами, нам отвечают (подцензурные газеты), что там ничего хорошего нет, а если выглянем из окошка, то нас волк съест. И вот мы сидим по глухим провинциям и ничего не знаем, что вокруг нас в России делается и делается. А делается такое, что волосы дыбом становятся и дух от негодования захватывает».

Это негодование заставляло Волошина всячески возбуждать дух протеста в среде студентов. В конце января он писал Петровой по поводу «дела Золя»: ² «Московские студенты отправили несколько писем Золя, причем первое было отправлено по моей инициативе. Только поражаешься на то, что теперь делается во Франции. Вот они причины франко-русских симпатий — это не что иное, как соучастие душ. Раньше я думал, что такие безобразия и такой культ генералов возможны только в России — оказывается нет. Поразительно!». Позже Волошин написал статью «Дело Дрейфуса», которая была опубликована в газете «Двадцатый век» (1906, № 109, с. 2).

В годы студенчества Волошин, проявлявший большой интерес к истории, стремился узнать как можно больше о революционном прошлом России. «Месяц рождественских каникул очень многое дал мне, — пишет он Петровой в конце января 1898 г. — Передо мной раскрылся целый мир, о котором я раньше не имел понятия. Предо мной раскрылись течения и движения семидесятых годов, и раскрылся в таком свете и в таком виде, что я был поражен и подавлен. Мы, русские, совсем не знаем своего прошлого, — новое поколение приходит, не зная ничего о поколении предыдущем. Это прошлое — наше наследство, наше достояние — скрыто и отнято у нас. А прошлое действительно великое: какие громадные личности, какая железная сила воли, какая страстная любовь к родине — и это все уничтожено, замыто, скрыто, искажено».

В цитируемом уже письме (от 24 февраля) Волошин дал следующую характеристику смены поколений: «Интересно проследить волнообразную линию русских поколений: шестидесятники — логический разум, увлечение наукой, отрицание чувства, семидесятники — „диктатура сердца“, увлечение народом, полное самопожертвование в пользу его, восьмидесятники — царство Льва Толстого, самоанализ, погружение в себя, вопросы совести, девяностодесятники — отсутствие деятельности, увлечение Марксом, научным материализмом, все объясняется экономическими факторами. Что-то скажем наконец мы — первое поколение двадцатого столетия? Что? Пока я еще чувствую себя в положении оратора на юбилейном обеде, который с бокалом в руке торжественно поднялся со стула, чтобы сказать спич, но совершенно не знает, с чего начать. Тем масса, но какую выбрать — он не знает».

Первоначально студенческие волнения не носили политического характера, студенчество еще не было готово к нему.³ Но размах стихийно вспыхнувшего студенческого протеста и всероссийская студенческая забастовка в марте 1899 г. сразу же показали, что студенчество представляет большую взрывчатую силу. Волошин принял активное участие в первых выступлениях московских студентов, поддержавших своих петербургских товарищей.

8 февраля студенты Петербургского университета обычно довольно шумно отмечали годовщину его основания. В 1899 г. им было в резкой форме запрещено шествие по Невскому проспекту с пением студенческих песен. На годовичном акте студенты встретили ректора, подписавшего запрещение, шумом и свистом, а по окончании акта направились к Дворцовому мосту, чтобы пройти на Невский. Но путь им преградила полиция, применившая к студентам силу. Возмущенные студенты прекратили занятия и выдвинули ряд требований. В ответ последовали исключения из университета и другие репрессии. В знак солидарности со студентами университета учащиеся ряда учебных заведений Петербурга, а затем других городов также прекратили занятия. Началась первая общероссийская студенческая забастовка.

² 13 января 1898 г. Э. Золя выступил со своим знаменитым письмом к президенту Франции Форю («Я обвиняю»), в котором защищал Дрейфуса. Золя был привлечен к суду.

³ См.: Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899—1907. М., «Мысль», 1971.

Волошин принадлежал к числу поднадзорных студентов. Директор феодосийской гимназии характеризовал его как человека, обладающего «отрицательным мировоззрением» и пользующегося большим влиянием на товарищей. Это послужило поводом к установлению над ним полицейского надзора, о чем он узнал от инспектора университета. «...» напрасно Вы думаете, — писал Волошин Петровой 11 декабря 1897 г., — что я волнуюсь из-за этого надзора. Он сказывается только в том, что меня знают все университетские педеля да градовой на нашем углу вытягивается предо мной во фронт и отдает честь — вот и все видимые последствия, исключая вскрытия писем, что относится к невидимым.

Внимательно следя за поднадзорным студентом, университетский инспектор обратил внимание на его «склонность ко всякого рода агитациям». В первый же день московских студенческих «беспорядков» Волошин был замечен «в стараниях произвести волнение в актовом зале, где собирал вокруг себя кружок слушателей; то же он пытался делать и в аудитории своего курса».⁴ Это явилось достояточным основанием для того, чтобы 15 февраля 1899 г. правление университета постановило уволить студента четвертого семестра юридического факультета Кириенко-Волошина из Московского университета.

Как и многие другие студенты, Волошин был выслан со свидетельством о неблагонадежности по месту жительства, каким для него явилась Феодосия, где он окончил гимназию. Туда же был выслан его товарищ Михаил Свободин. К концу марта из Москвы было выслано 2160 студентов.

Но отдаленность от центра не погасила у Волошина интереса к студенческим событиям. Желая узнать побольше о том, что делается в Москве, он вступает в обширную переписку с товарищами, профессором И. Х. Озеровым, матерью, которая жила до начала апреля в Москве, и другими родственниками. «Писать, право, нечего, так как <...> самые жгучие интересы — это известия из Москвы», — пишет он матери. «Жду от тебя всяких сведений и отчета о студенческих» делах <...> Пиши, пожалуйста, и побольше, — просит он Я. А. Глотова, добавляя: — «...» если бы я только был в Москве, то я агитировал бы за забастовку» (22 марта 1899 г.).

Известия из Москвы радуют Волошина. 3 апреля он пишет Якову Глову: «Чем это кончится все — бог его весть, но все совершающееся так ново и необычно, что рождает массу надежд на лучшее будущее. Мы все-таки сила». В конце апреля в письме к Глову же он сетует: «<...> ничего не знаю, что делается в Москве <...> Кое-какие слухи доходят из Харькова и из Клева, потому что оттуда только теперь начинают тянуться вереницы высланных. Доходят тоже более ясные слухи о предполагаемых и о начинающихся рабочих стачках, но все это так туманно, неясно, что ничего не разберешь».

Интерес к студенческому движению подогревался разговорами с политическими ссыльными. «Тут в Феодосии я нашел, — писал Волошин Я. А. Глову 29 марта, — нескольких интересных людей: политических высланных (по рабочим движениям). Все бывшие московские студенты <...> Все они чрезвычайно милые люди, особенно Пав<ел> Пав<лович> Покровский, с которым <...>, оказывается, я вместе учился в Москов<ской> 1-ой гимназии, и он был старше меня на два года. Он ярый марксист <...> и я благодаря ему начинаю чувствовать к марксистам глубокое почтение. Он пишет статьи в „Научном обозрении“, получает „Начало“ и несколько английских экономических журналов».

Невольное бездействие удручало Волошина, беспокоила его и возможность продолжения учебы. По распоряжению министра просвещения от 17 марта все студенты, причастные к забастовке, были исключены из столичных университетов. Они должны были подавать прошение о новом зачислении их в число учащихся, подписав при этом обязательство не участвовать в забастовках и не вступать в какие-либо общества и кружки (см. публикуемое письмо от 22 марта 1899 г.). Волошин стал подумывать о поступлении в один из зарубежных университетов.

В ответ на настоятельные рекомендации матери подать прошение в Московский университет Волошин писал 25 марта, предвидя, что «неудобные» студенты не будут приняты обратно: «Вчера, после того как мы получили Вашу телеграмму, Миша отправил сейчас же прошение; я же на основании сведений, полученных из Яшиного письма, пришедшего вслед за телеграммой, в своем решении упорствую. Яша пишет, что он, по словам Озерова, едва ли будет принят, и поэтому ждет высылки. Какой же смысл мне-то подавать прошение? Ведь у меня еще больше шансов быть непринятым, чем у Яши, и выходит, что если я подам теперь прошение, то, пожалуй, еще меня снова заочно вышлют из Москвы и определят мне в течение года сидеть в Феодосии, и тогда я уже не смогу в Берлин уехать. Кроме того, подача прошения с моей стороны не имеет смысла и для поддержки товарищей, потому что все равно же я не смогу принять участие в последующих забастовках».

Таким образом, Волошин был уверен в том, что студенческие волнения не прекратятся, несмотря на данные студентами обязательства, но полагал, что его в университет уже не допустят. В связи с этим он просил мать перед отъездом из Москвы

⁴ См. «Дело канцелярии инспектора студентов имп. Московского университета о принятии в студенты Кириенко-Волошина Максимилиана»: Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 418, оп. 314, № 436, л. 19 об.

поблагодарить профессора Озерова за хлопоты о нем, взять из университета документы и захватить с собой побольше прокламаций и бюллетеней.

В начале апреля Е. О. Волошина вернулась в Крым и поселилась вместе с сыном и М. Свободным в Коктебеле. Видимо, по ее настоянию Волошин все же подал в августе 1899 г. прошение о зачислении его в Московский университет и получил разрешение поступать на второй курс осенью 1900 г.

Летом 1899 г. Волошин путешествовал по Крыму вместе с Я. Готовым и М. Свободным, а осенью уехал с матерью в свое первое заграничное путешествие (Италия, Швейцария, Париж, Берлин). В январе 1900 г. он вернулся в Москву, чтобы, по его словам, «окончательно выяснить свои отношения к университету».

«Относительно же обязательств, — писал он 27 февраля 1900 г. Петровой, — я решил представить ультиматум и в случае разногласия проститься с русским университетом. Вышло все очень хорошо. Инспектор был глубоко либерален, я возвышенно-радикален, он меня отечески увещевал не портить своей карьеры, я ему доказывал огромное воспитательное значение студенческих беспорядков; он меня просил дать слово в том, что я не буду больше участвовать в беспорядках, обещая, что он „об этом никому не скажет“, я же говорил, что не могу не участвовать, что мои убеждения и т. д. Наконец мы сошлись на том, что я в случае наступления новых беспорядков, в которых я сочту своим долгом принять участие, сам подам прошение об увольнении и уеду за границу». В результате этих переговоров Волошин был допущен к экзаменам за второй курс экстерном. Не разрешив ему посещать лекции, университетское начальство хотело изолировать его от товарищей, но этого не удалось достигнуть. В Москве Волошин снова оказался в гуще общественных и литературных интересов. В упомянутом письме к Петровой он сообщал: «Затем я пустился в общественную деятельность и начал говорить речи на разных юбилеях и обедах. Речи были все радикальные и поэтому имели успех. О речи, сказанной на юбилее „Русской мысли“, даже писали в газетах, а „Северный курьер“⁵ даже напечатал выдержки из нее». В это же время Волошин начинает выступать в печати с критическими статьями (см. публикуемое письмо от 26 апреля 1900 г.). Весной 1900 г. Волошин был избран в Исполнительный студенческий комитет Московского университета.

В апреле и мае 1900 г. Волошин сдал экзамены за второй курс юридического факультета, однако окончательно решив для себя не быть юристом: в его письмах говорится о невозможности защищать правопорядок, который он ненавидит.

Юридический факультет не привлекал Волошина с самого начала. В сентябре 1897 г., только что поступив в Московский университет, он писал своему гимназическому учителю Ю. А. Галабутскому, что слушал несколько лекций на естественном факультете, от которых был «в полном восторге», и что его решение по окончании юридического факультета поступить на естественный стало еще крепче. О том же говорит письмо к Петровой от 12 апреля 1898 г.: «<...> на юридический четыре года терять не следует <...> естественные науки гораздо важнее пройти, как основу всякого знания». Но затем Волошина начинает увлекать историко-филологический факультет, лекции на котором он посещает охотнее, чем на юридическом. В начале 1900 г. он окончательно убеждается в том, что история и история искусства его интересуют «больше всего», а «юридические науки ни капельки». Но Елена Оттобальдовна, с мнением которой Волошин всегда считался, продолжала настаивать на окончании юридического факультета, и он стал сдавать экзамены за второй курс.

Во время летних каникул 1900 г. состоялось второе заграничное путешествие Волошина (Австро-Венгрия, Германия, Швейцария, Италия, Греция). Денег было немного, но он был непритеснен. В его архиве сохранились две тетради записей под названием «Журнал путешествия (26 мая 1900 г.—24 июля)», или Сколько стран можно увидеть на полтораста рублей».

Возвратившись в июле в Крым, Волошин, по его словам, «заметался: в Севастополь, в Балаклаву, сейчас же оттуда с Яшей в Ялту, из Ялты той же ночью через Яйлу на Чатырдаг, в Алушту. Наконец в Феодосию, в Коктебель, в Керчь <...>, снова в Коктебель, в Судак...».

Неожиданно он был задержан жандармами, которые, как писал Волошин А. Пешковскому позднее, ловили его с момента переезда через границу и только через две недели поймали. «За что и почему меня арестовали, — писал он, — я не знал абсолютно и терялся в самых неправдоподобных догадках, что не мешало мне все-таки сиять радостью и весельем по поводу этого факта. Я тогда чувствовал себя ужасно гордым, особенно когда меня провезли под конвоем по улицам Феодосии⁶ <...> Я просидел день в Харьковской центральной тюрьме, а затем был по-

⁵ «Северный курьер», 1900, № 88, 30 января, с. 4. В статье Т. «Два юбилея» (о юбилее «Русской мысли» и ее редактора В. А. Гольцева) говорилось о взволнованной и горячей речи юноши-студента, которая «была покрыта рукоплесканиями».

⁶ При высылке в Феодосию в феврале 1899 г. Волошин очень сожалел, что эта высылка была лишена какой-либо романтичности. 29 марта он писал Я. Готову: «Ужасно мне хочется, чтобы меня снова выслали, а то, право, меня так скромно, без всякой обстановки в 10 часов утра взяли, да еще целые сутки ждать заста-

сажен в Москве в Басманную часть, где и отсидел в одиночке две недели, удивляя охранников своим прекрасным расположением духа» (11 января 1901 г.).

Что же вызвало этот неожиданный арест? Сведения о том, что Волошин продолжает будоражить студентов, заставили насторожиться наблюдавших за ним, выборы же его в Исполнительный студенческий комитет усилили подозрения в опасности столь «беспокойного» студента. После двухнедельного заключения Волошина выпустили, сказав, что дело еще не закончено, что возможна далекая высылка. Не дожидаясь ее, Волошин принял предложение знакомого инженера В. О. Вяземского поехать на изыскания по строительству железной дороги Ташкент—Оренбург.

Вынужденная поездка в Азию (август 1900—февраль 1901) сыграла значительную роль в духовном становлении будущего писателя, пробудив в нем большой интерес к Востоку. Здесь же, «в пустыне с караваном верблюдов», Волошин впервые познакомился с произведениями Ф. Ницше и Вл. Соловьева, «Три разговора» которого произвели на него огромное впечатление.

В декабре 1900 г. Волошин получил известие из Москвы о том, что его «дело» «оставлено без последствий», но в университет в этом году он принят не будет. Волошин решил ехать в Париж и в феврале 1901 г. стал хлопотать в Ташкенте о заграничном паспорте. Судя по письму к Петровой от 12 февраля 1901 г., он ехал во Францию, чтобы «познать всю европейскую культуру в ее первоисточнике и затем, отбросив все „европейское“ и оставив только человеческое, идти учиться к другим цивилизациям „искать истинны“, — в Индию, в Китай. Да, и идти не в качестве путешественника, а пилигримом, пешком, с мешком за спиной, стараясь проникнуть в дух незнакомой сущности <...> а после того в Россию окончательно и навсегда».

«Вы боитесь, — писал Волошин, — что я отрешусь от всего родного. Теперь пока это, может, и надо будет сделать, чтобы получить полный и абсолютный простор для мысли. А потом, когда наступит время, родное само хлынет в душу неизбежным, неотразимым потоком и тем сильнее хлынет. Вертится у меня одна фраза Щедрина: „Хорошо за границей, а в России лучше, лучше — потому что больнее“».⁷

В архиве М. А. Волошина (ф. 562), хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, находится обширная переписка Волошина с матерью — Е. О. Волошиной. Из нее в настоящую публикацию включено 7 писем.

В письмах М. А. Волошина часто упоминаются имена одних и тех же лиц, часть из них упомянута и во вступительной заметке. Пояснения к этим именам даются при первом упоминании в письмах. Сокращения имен, сделанные Волошиным («Пав. Павл.» и др.), сохраняются при публикации.

1

«Начало марта 1899».
«Феодосия».

Дорогая мама!

Прежде всего об учебных книгах: мне нужны: Русское Государственное право Алексеева,¹ История древней философии права — Зверева,² Средней — Новгородцева³ (Новая у меня есть). Затем политическая экономия Чупрова (теория)⁴ — моя находится у студента Владимира Антоновича Макарова⁵ (Никитский бульвар, д. Государств<енного> банка, а може<т> и Казенной палаты, не помню — от Арбатских ворот на правой стороне, почти посередине бульвара).

Вот, кажется, и все. Остальное у меня есть. Очень благодарю Кобылинского⁶ за участие. Кроме этого, у меня очень мало белья. И чтобы покончить с поручениями, вот еще: мои лекции Ключевского⁷ находятся у студента Браилки (Леонтьевский пер., д. Ланге, кв. 2). Так попросите, пожалуйста, Пешковского,⁸ чтобы он достал их.

Сегодня я получил второе ваше письмо. Относительно Миши⁹ вы не совсем правы. Кое в чем я с вами согласен, а кое в чем и даже во многом — нет: вы не знаете его вполне, а знаете только по рассказам ма-

вили. Вот ты счастливцев, — тебя как следует — ночью, торжественно... Вчера тут был высланный Бобович и рассказывал, с какими овациями их встречали при проезде харьковские студенты».

⁷ Цитата из «Убежища Монрепо» приведена не совсем точно, см.: Щедрин Н. (Салтыков М. Е.) Полное собрание сочинений, т. XIII. М., ГИХЛ, 1936, с. 97.

тери.¹⁰ Впрочем, об этом мы лучше поговорим после при свидании, когда вы сами поближе его узнаете.

Он уже начал усердно заниматься, чего нельзя сказать вполне про меня, но после прочтения вашего письма я этому последую. Мы были с ним в Ялте два дня. Эти два дня мы провели у Лаврова,¹¹ ходили на Учач-Су,¹² который теперь громаден и грандиозен, и в Массандру. Я познакомился с Чеховым и был у него с Мишей два раза. Чехов по наружному виду очень напоминает своего Тригорина: молчалив, вял и неподвижен, на портреты свои не похож. Впечатление производит очень располагающее к себе.

Разговора «интересного» не было: говорили о студенческих делах,¹³ расспрашивал он о постановке «Чайки»,¹⁴ но сам, видимо, тщательно воздерживался от [того, чтобы самому в] выражения собственных мнений. В то время как мы были у него, он занимался чтением «Требника».¹⁵ Очевидно, в одном из ближайших рассказов требник будет фигурировать. Вообще он очень прост и добродушен. Производит впечатление человека скучающего. Был я, конечно, и у m-те Пешковской.¹⁶ Она меня между прочим спрашивала, может ли она меня иметь в виду, если Саше понадобится 4000 для уплаты долга сестре (по 6%)? Затем я совершенно случайно, придя к Анне Николаевне, очутился на даче Шмелевой. Я отправился тогда к Шмелевым. Все на даче осталось так же без изменений, как тогда, когда мы жили там. Г-жа Шмелева¹⁷ почему-то была так мне обрадована, что заключила меня в свои объятия и облобызала. Ее я узнал сейчас же. Дети¹⁸ же сильно переменялись, разумеется. Одна дочь, самая младшая — Клавдия, умерла десять лет назад. Теперь у меня есть урок — готовлю одну девочку в V кл'ассе гимназии. Сам я уже теперь занимаюсь, так же как и Миша.

Отчего вы ничего не пишете о Яше?¹⁹ Не узнавали ли вы о моем положении? Есть ли у меня шансы держать экзамены? Как мне быть с деньгами, если меня пустят теперь в Москву? Ведь мне тогда придется платить в Университет, на дорогу, на житье в Москве и т. д., а у меня ведь уроков не будет тогда уже ни в Москве, ни в Феодосии. Чехов, между прочим, говорил, что Суворин²⁰ ему писал, что последует всеобщая амнистия. А из других источников в Ялте ([где] там много высланных) я слышал нечто совсем иное. Вот не знаю тоже, что мне делать, если в Москве устроят то же, что и в Харькове, т. е. предложат всем исключенным подавать снова прошение и давать при этом подписку. Подавать прошение при таких условиях уж совсем нечестно.²¹ Отчего Пешковский ничего не пишет? Я ему не писал потому, что не знал, в Москве ли он, но от него я все жду. Скоро ли вы приедете? Целую бабушку, Лелю, Любу и Мишу.²² Кланяюсь Ольге Михайловне, Пешковскому, Кобылинскому и др'угим знакомым. Мы живем против городского сада в доме, где помещалась раньше женская гимназия. Если Мишель уедет, то я, разумеется, квартиру эту брошу, переселюсь к Петровым.²³

Макс.

Дата письма устанавливается по содержанию. В Феодосию М. А. Волошин был выслан в связи со студенческими волнениями в Москве.

¹ Алексеев Александр Семенович (1851—1916) — профессор Московского университета. Имеется в виду его учебник «Русское государственное право» (М., 1892).

² Зверев Николай Андреевич (1850—1917) — профессор Московского университета. По-видимому, Волошин имел в виду гектографированное задание курса его лекций.

³ Новгородцев Павел Иванович (1866—1924) — юрист, философ, профессор Московского университета, директор Московского коммерческого института. После 1917 г. эмигрировал.

⁴ Чупров Александр Иванович (1842—1908) — профессор политической экономии и статистики Московского университета. Волошин писал о его лекциях А. М. Петровой 11 сентября 1897 г.: «Его встречают оглушительными аплодисмен-

тами. Он раскланивается угловатым резким поклоном, и седая грива на его голове потрясается. „Господа! Благодарю вас! Но я не могу принять этих рукоплесканий на свой счет, так как вы меня не знаете еще. Я их отношу к той науке, представителем которой я являюсь“⁴. Голос у него приятный, гибкий. Говорит он несколько торопливо, но сердечно. Чувствуется какая-то внутренняя приподнятость, которая паружу не прорывается, но слушателем невольно передается. Он не ораторствует, а беседует <...> Говорит он великолепным литературным языком. Рассуждений не чувствуется — прямо видишь картины. Провожают его с восторгом.

⁵ Макаров Владимир Антонович — студент юридического факультета Московского университета. Отец его, Антон Семенович Макаров, служил секретарем московской конторы Государственного банка.

⁶ Кобылинский (псевд. Эллис) Лев Львович (1879—1947) учился вместе с М. А. Волошиным в гимназии Л. И. Поливанова и затем на юридическом факультете Московского университета (см.: Гречишкин С. С., Лавров А. В. Эллис — поэт-символист, теоретик и критик. — В кн.: 25 Герценовские чтения. Литературоведение. Л., 1972, с. 59—62).

⁷ Ключевский Василий Осипович (1842—1911) — известный историк, профессор Московского университета.

⁸ Пешковский Александр Матвеевич (1878—1933) — студент-естественник, товарищ М. А. Волошина с гимназических лет. Принимал активное участие в студенческом движении, в феврале 1902 г. был арестован. Видимо, под его влиянием Волошин хотел перейти с юридического на естественный факультет. Позже Пешковский под влиянием Волошина поступил на филологический факультет. «Вы возмутились, — пишет Волошин Петровой 27 августа 1901 г., — что Пешковский идет на филологический факультет? Почему? Мы весной много говорили об этом. Я его убеждал всеми силами сделать это. Он колебался, но наконец <...> решил бесповоротно перейти на филологический. Разве Вы не видите, что без широкого гуманитарного образования он не будет полон, он не будет Пешковским». И тот действительно стал крупным специалистом в области русского языка; широко известна его книга «Русский синтаксис в научном освещении». В начале 1900-х годов Волошин начинает «отходить» от Пешковского. 14 сентября 1901 г. он пишет А. М. Петровой, что Пешковский «неуклонно и прямо идет все в ту же сторону, в какую пошел он еще в VI классе гимназии. Он идет медленно и твердо, ошупывая каждый шаг и прорубая просеку, строго придерживаясь намеченного румба». «Я же, — продолжает Волошин, — бегу извилистыми тропинками, может быть, теперь я очень далеко впереди него, но я легко теряю дорогу и направление, и после он, наверно, меня перегонит. Он не умеет скакать через логические преграды, как скаковая лошадь через барьер, он их должен разрушить, чтобы пройти. Зато назад он никогда не вернется. А мне это всегда приходится делать. Но себя я считаю настолько же правым, так как» на его способ я не способен совсем.

⁹ Речь идет о Свободине (наст. фам. Козиенко) Михаиле Павловиче (1880—1906) — сыне известного артиста П. М. Свободина, однокурснике Волошина по юридическому факультету Московского университета. За участие в студенческих волнениях он был выслан в Феодосию. М. Свободин знал А. П. Чехова с детства. В дальнейшем он стал журналистом.

¹⁰ Мать М. П. Свободина, Струкова Ольга Михайловна (ум. 1908), встречалась с Е. О. Волошиной в Москве. Позднее бывала в Коктебеле.

¹¹ Лавров Михаил Вуколович (1874—1929) — сын известного издателя и редактора журнала «Русская мысль» В. М. Лаврова. Учился вместе с Волошиным на юридическом факультете. Известно его письмо к А. П. Чехову о студенческом движении (Литературное наследство, т. 68. М., Изд. АН СССР, 1960, с. 453—454).

¹² Учан-Су — река и водопад того же названия в окрестностях Ялты.

¹³ А. П. Чехов живо интересовался студенческим движением и оказывал денежную помощь пострадавшим от репрессий студентам. См. об этом в статье А. Н. Дубовикова в «Литературном наследстве» (т. 68, с. 449—476).

¹⁴ После провала в Александринском театре (1896) «Чайка» Чехова была поставлена Московским Художественным театром. Первый спектакль прошел с огромным успехом (17 декабря 1898 г.).

¹⁵ Богослужбная книга, употребляемая при совершении церковных обрядов (брак, крестины и т. д.). Чехов читал ее, видимо, в связи с замыслом рассказа «Архиерей».

¹⁶ Пешковская Анна Николаевна — мать А. М. Пешковского. Волошин получил от своего деда Максима Яковлевича Кириенко-Волошина 12 000 руб. и жпл на проценты с этого капитала (ежемесячно 40 руб.). Зная об этом наследстве, многие обращаются к Волошину с просьбой одолжить деньги. Об одной из таких просьб и сообщается в данном письме. Е. О. Волошина не разрешала трогать этот капитал.

¹⁷ Шмелева Анна Павловна — свекровь двоюродной сестры М. А. Волошина Любви Сергеевны Ляминой (в замуж. Шмелевой), в доме которой часто бывал Волошин.

¹⁸ Речь идет о Владимире, Марии, Ольге и Клавдии Шмелевых.

¹⁹ Глотов Яков Александрович (1877—1943) — двоюродный брат М. Волошина, с которым он дружил и путешествовал по Крыму. Об Я. А. Глотове см. в кн.: Ре-

волюционное движение в Крыму (1880—1904, 1905—1907 гг.). Сборник документов и материалов. Симферополь, 1940, с. 77.

²⁰ Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — писатель, журналист, редактор реакционной газеты «Новое время». Выступил в своей газете против студентов, за что подвергся широкому общественному бойкоту. Студенты возвращали Суворину подписки на газету. Волошин принял участие в этом бойкоте. 29 марта 1899 г. он писал Я. Глову: «Я тут занимаюсь пробуждением общественного сознания: вывесил в городской читальне протест против получения „Нового времени“. Под ним уже подписалось 30 посетителей, и сегодня назначено экстренное собрание членов комитета заведующего городск[ой] библиотекой для обсуждения этого инцидента, который приобретает особенный характер потому, что Суворин летом всегда живет в Феодосии на собственной даче и уверен в верноподданности своих феодосийцев. Посмотрим! Если даже читальня и не откажется от „Нового времени“, то во всяком случае это попадет в местную газету...».

²¹ См. об этом во вступительной заметке.

²² Имеются в виду Лямины — Елена Сергеевна (1870—1952), Любовь Сергеевна (1874—1957) и Михаил Сергеевич, двоюродные сестры и брат Волошина.

²³ Волошин в гимназические годы жил вместе с А. Пешковским в Феодосии на квартире у Петровых. Дочь Петровых Александра Михайловна (1874—1921) была большим другом и первой ценительницей стихов Волошина. Ей он посвятил цикл стихотворений «Звезда Полюнь» (Стихотворения. 1900—1910. М., «Гриф», 1910, с. 72—98). Сохранилась большая переписка Волошина и А. М. Петровой. Ей же он посвятил статью «Киммерийская сивилла. (Памяти А. М. Петровой)», рукопись которой хранится в архиве поэта.

2

⟨22 марта 1899 г.⟩.
⟨Феодосия⟩.

Дорогая мама!

Сегодня получил ваше письмо с приложением прошения и обязательства.¹ Мое решение остается то же. Прощение в предлагаемой форме еще, пожалуй, можно подать, но подписать подобное обязательство — нет!

Это было бы еще осмысленно, если бы действительно сейчас же после принятия и открытия университета возобновить забастовку — тогда это бы носило совершенно несерьезный и опереточный характер и показало бы, что студенты смотрят на закрытие университета как на пустую формальность, которую они готовы скорее исполнить для того, чтобы продолжать прежнюю борьбу. Так это и разумно и честно. Желаете подписку? — Извольте-с! — ведь она имеет ровно столько же значения, как ваше «честное» слово! Так что же тут разговаривать. Но будут ли беспорядки продолжаться? Я думаю, что нет. Ведь большинство, наверное, воспользуется этой подпиской как благовидным предлогом для того, чтобы спокойно заботиться о своем переходе на следующий курс. Я вполне согласен с Пешковским, что вторых беспорядков начинать не следовало, но теперь, раз уж они начаты, оканчивать их моментально, по первому требованию начальства принося повинную и давая подписку, — нечестно. А потом обратите-ка внимание на самый текст: «не участвую и не буду участвовать в забастовке» — ведь этим они воспользуются еще в будущем, когда не будут удовлетворены первые три требования нашей программы.² А что они удовлетворены не будут, ведь это теперь наверняка можно сказать. Нет! Я только тогда решусь подать такое прошение с обязательством, когда узнаю, что решено забастовку продолжать? Продолжать, если даже и лекции прекратятся и начнутся экзамены, продолжать даже и во время экзаменов, не являясь на них так же, как мы раньше не являлись на лекции. Но это все, впрочем, невозможные утопии, и хотя студенчество в этом году сделало столько, сколько я никак от него ожидать не мог, но все-таки забастовку во время экзаменов оно не устроит. За свою идею — ехать за границу — я держусь твердо и препятствий в этом отношении в сущности нет никаких: помните, после окончания гимназии вы мне сами одно время советовали ехать в заграничный университет; из этого я заключаю а priori,^a что вы лично и теперь ничего против этого

^a Умозрительно (лат.).

иметь не будете. Относительно места — куда именно? я вам писал, что либо в Брюссель, либо в Берлин. Но в Брюсселе, как оказывается, тот Université Nouvelle, о котором я думал, последними известиями закрыт по недостатку средств. Остается Берлин, в котором, кстати, будет и Пешковский и в котором вот уже 2 года как живет Гауфлер.³ Я собирал тут в Феодосии сведения об условиях жизни в Берлине, и оказывается, по словам людей, живших там в качестве студентов, что там жизнь дешевле, чем в Москве. Я слышал вполне достоверные сведения о людях, живших там, получая 20—25 рублей в месяц, а у меня целых 40. Но самое лучшее было бы, если б вы согласились на второе мое предложение и мы бы отправились вместе. Состояние Мишеля⁴ теперь значительно лучше: галлюцинации реже и бывают только моментами, но в высшей степени первое состояние продолжается; занимается он по два часа в день, а иногда и больше (я вам же писал уж, что Пав. Павлов.⁵ разрешил ему заниматься только по 2 часа в день). На днях мы отправимся в Коктебель,⁶ и я думаю, что если мы там проведем неделю, то это окажет на него в высшей степени успокоительное и хорошее действие. Озерову⁷ я писал вчера и просил его не хлопотать обо мне и, кроме того, просил совета относительно заграничного университета. До свиданья. Целую бабушку, дядю Гришу и дядю Колю,⁸ Любу, Лелю, Мишу, Яшу, Кобылинского и т. д. Поклон Ольге Мих. Не говорите же ей, пожалуйста, о болезни Миши. Что же такое с дядей Гришей? Почему Вы его привезли? Что дядя Коля?

Макс.

22 марта 1899 год.

Да, кстати — ведь если б я подавал бы прошение, то это было бы только ненужным унижением, так как ведь они, конечно, будут выбор производить и меня едва ли бы приняли, разве уж только бы ради хлопот Озерова, но я бы его поручительства бы не принял (а он, как мне Пешковский передавал, поручился за меня). А потом, что это за комедия с медицинск<им> свидетельств<ом>: ехать нельзя, потому что опять вышлют, а свидетельство все-таки представь; хотя это мелочи, но все-таки это ужасно глупо и нелепо.

Упреки ваши я Мише передал, сам же вам ничего не возражаю потому, что вы все уже поймете из предыдущего письма. В этом письме прилагается же и письмо Миши к Ольге Михайловне.

¹ См. об этом во вступительной заметке.

² Во время забастовок в Петербургском и Московском университетах в марте 1899 г. студенты требовали отмены университетского устава 1884 г., принятия законов, гарантирующих неприкосновенность личности, открытого суда над виновниками избиения студентов 8 февраля и возвращения в высшие учебные заведения всех исключенных. О возвращении в университет Волошина особенно усердно хлопотал Л. Кобылинский. «Он, мне Саша говорил, все бунтовал и выставлял одно требование — „возвращение Макса“. Я никак не ожидал такой любви ко мне», — писал Волошин Я. Глотову 22 марта 1899 г.

³ Гауфлер Всеволод Львович (1875—1943?) — пианист, основатель музыкальной школы в Феодосии, соученик Волошина по феодосийской гимназии, с которым он не терял связи и в дальнейшем.

⁴ Мишель — М. П. Свободин.

⁵ Теш Павел Павлович (1842—1908) — врач, близкий друг Е. О. Волошиной, имел в Коктебеле дачу.

⁶ Коктебель — поселок на берегу Черного моря в Крыму, в 20 км от Феодосии (ныне поселок Пламерское). Е. О. Волошина поселилась в Коктебеле в 1893 г.

⁷ Озеров Иван Христофорович (1869—1941) — экономист, профессор Московского университета. Многие годы опекал Волошина, не раз писал ему, когда тот находился за границей. Вместе с Я. А. Готовым Волошин вел записи лекций Озерова по политической экономии, которые предполагалось издать гектографически. Возможно, с этого началось и их личное знакомство.

⁸ Глазеры Григорий Оттобальдович (1842—1900) и Николай Оттобальдович (1853—1925) — братья Е. О. Волошиной (рожд. Глазер). Поступив в Московский университет, Макс жил у бабушки — Надежды Григорьевны Глазер, платя «за постой». В дальнейшем бабушка поселилась у дочери в Коктебеле. Григорий Оттобальдович был психически болен.

26 апреля 1900 г.

«Москва».

Дорогая мама!

Сегодня утром я получил ваше письмо, а потом отправился держать государственное право, что вполне благополучно и исполнил (4). Но, выйдя с экзамена, почувствовал такое неприятное ощущение, что немедленно отправился в баню и пролежал там минут десять на полке, что со мной еще никогда не бывало. Результаты вышли великолепные: все государственное право сразу испарилось из головы, начиная с важнейшего учения о самодержавной власти и кончая последней запятой. Теперь я чувствую себя как вст<р>епанный и снова могу влить в свой мозг какую угодно дозу самой отвратительной микстуры, изготовленной по рецепту любого из благонамереннейших московских профессоров. Но это, к счастью, больше и не понадобится, т<а>к к<а>к остается всего два экзамена по предметам интересным и потому считающимся второстепенными: философия права и политичес<кая> экономия со статистикой.

У меня экзамены кончатся поздно — 20 мая, т<а>к к<а>к я держу в качестве экстерна и поэтому в последней группе. Так что я в конце мая так и выеду прямо на Вену, Мюнхен. В Крым я думаю вернуться в конце августа или в самом начале сентября и с отъездом оттуда, вероятно, особенно торопиться не буду.¹ Хорошо было бы условиться нам тогда встретиться в Севастополе и предпринять прогулку с Вяземскими.² Но, положим, об этом еще рано загадывать. Я рассчитываю, что все это можно сделать на 150 р., считая на переезды 80 р. (я высчитал по путеводителям), а остальные деньги распределив на 3 месяца, остается по 2 франка в день на остановки и питание; останавливаясь на постоял<ых> дворах и в ночлежных домах и житаюсь преимущественно хлебом, молоком и др<угой> примитивной пищей — этого хватить может свободно. Какая в точности у меня окажется на руках сумма, я еще не знаю. Статья моя о Бальмонте уже набирается в «Рус<ской> Мысли» и идет в мае.³ А «Горная Сказка»,⁴ как я и думал, не принята там, «как несогласная с направлением „Рус<ской> Мысли“». Дело в том, что у меня там в числе прочих лиц «Потоп<увшего> колокола» действует и школьный учитель, как олицетворение педантической науки и пошлости толпы; так мне Гольцев⁵ сказал, что ему вся эта вещь очень нравится, но только о школьном учителе так отзываться в «Рус<ской> Мысли» нельзя. «Я, конечно, понимаю вашу мысль, но, видите ли, наш русский школьный учитель представляет совершенно иной тип и в публике может произойти недоразумение». Напрасно я доказывал, что «Рус<ская> Мысль» издается для людей понимающих, а не для идиотов, но он был другого мнения и предлагал мне сделать соответствующее изменение, на что я не согласился. В «Жизнь»⁶ я ее не послал, потому что там слишком долго ответа ждать придется, да и гонорар не скоро вышлют, а мне это теперь самое важное; поэтому я снес в «Курьер»,⁷ имея в виду в случае ее успеха предложить корреспонденции и путевые очерки из Италии. А вы мне, мама, все-таки в июле, когда получите мои деньги, рублей пятьдесят вышлите мне в Неаполь — это будет нам в виде запасного капитала, на всякий случай, а спутникам⁸ я своим ничего не буду до времени говорить о возможности новой полочки, чтобы они экономнее были (касса у нас будет общая — каждый по 150 р. вносит).

Около недели тому назад мы все были в высшей степени смущены загадочными явлениями: по Москве стала ходить тень Пав. Павловича. Первая ее видела Леля, как-то в сумерках на пустынной улице, но решила, что ошиблась. Но на другой день Миша видел тень, проезжавшую на извозчике, и тень сказала ему «здравствуй»; мы долго толковали об этом и уже решили, что это, наверное, предзнаменование войны или чего-ни-

12 мая 1901.
Mme Bertholet 11bis

Дорогая мама!

Вчера в письме Ваше письмо
миссис из Одесса, адресован-
ное, на Mme Bertholet. Поздравил
бабушку с днем рождения вод-
кодержки в Францию.

Потому что я был на митинге
французских и каталонских де-
мократов. Протест русских
безобразий. Как Арафон Франца
и не было, но было франко-не-
рсно. Трансакцию при сезим-

будь в этом роде, но тогда бабушка объяснила мне, что Пав. Пав. приезжал в Москву за Вашей юбкой, и угостила меня шампанским.

Макс Волошин.

Все Вас целуют.

¹ Волошин, сдав экзамены за второй курс, получил заграничный паспорт и уехал в конце мая через Австро-Венгрию в Германию, Швейцарию, Италию, Грецию. Вернулся он в Крым 28 июля.

² Вяземские Орест Полиенович (ум. 1910), инженер путей сообщения, и Елена Дмитриевна (ум. 1929) — знакомые Е. О. Волошиной по Москве. Она жила у них на квартире с маленьким сыном. Волошин был дружен с их детьми. У Вяземских под Севастополем была дача «Еленкой», где Волошина гостила в июне. Предполагаемая прогулка не состоялась, так как вскоре по возвращении в Крым Волошин был арестован. Вместе с сыном Вяземских Валерианом он уехал в Среднюю Азию в августе 1900 г., где пробыл до февраля 1901 г.

³ Статья Волошина «В защиту Гауптмана. По поводу переводов г. Бальмонта» опубликована в журнале «Русская мысль» (1900, № 5, отд. II, с. 193—200).

⁴ Рукопись «Горной сказки» не сохранилась в архиве Волошина. 7 апреля 1900 г. он писал А. М. Петровой: «... ужасно хочется рассказать Вам, как я читал мою „Горную Сказку“ (о «Потопнувшем» Колоколе) в одном литературном кружке, собирающемся у московской богачки Морозовой. Меня там просили прочесть реферат, я и прочел „Сказку“. По содержанию это собственно критическая статья, а по форме это сам черт не разберет, что такое: наполовину она написана в стихах, наполовину в прозе, действие в ней происходит то в Швейцарии, то в Косьюдемьяновском монастыре под Алуштой, то в Художественном театре в Москве; действуют в ней и я сам, и Витихи, и Раутенделейн, и Снегурочка, и Лассаль, и Озеров и еще много в том же роде. Но в общем она производит впечатление цельное и сильное, сколько я мог заметить по своим слушателям». О Морозовой Варваре Алексеевне см. заметку С. Т. Кара-Мурзы «Литературные салоны. (Страничка из жизни Москвы)» в «Московской газете» (1913, № 235, 3 февраля, с. 5).

⁵ Гольцев Виктор Александрович (1850—1906) — критик, редактор журнала «Русская мысль». Волошин познакомился с ним в 1898 г. в связи с намечавшимся изданием студенческого сборника.

⁶ «Жизнь» (СПб., 1897—1901) — литературный, научный и политический журнал, тяготеющий к марксизму. С 1898 г. редактировался В. А. Поссе.

⁷ «Курьер» (М., 1897—1904) — газета, уделявшая значительное внимание литературе и искусству. Цензура считала ее неблагонадежной. В обзоре московской печати за 1901 г. Московский цензурный комитет обращал внимание «на связь газеты со студенческим демократическим движением» (Литературное наследство, т. 72. М., 1965, с. 169).

⁸ Волошин путешествовал с Леонидом Кандауровым, Василием Ишеевым и Алексеем Смирновым, который вскоре отстал от друзей. Л. Кандауров учился на естественном факультете Московского университета; в 1899 г. он сопровождал В. Д. Поленова в путешествии в Египет, Сирию и Грецию.

4

14 февраля 1901 г.

Ташкент.

Вот уже два дня как в Ташкенте жара. Да! буквально жара. Солнце печет как летом, прохожие обливаются потом, на улицах пыль. Еще неделька, и все будет зеленеть. И это в половине февраля. А фиалки еще в январе были.

Я вчера получил ваше письмо от первого февраля. Но я теперь так занят разными сборами к отъезду, что бегаю по целым дням. Сегодня исполнил все формальности для получения заграничного пашпорта и послезавтра его получу. Я решил пашпорт взять здесь, чтобы меня в Москве не задержали с разными формальностями. Деньги я думаю устроить так: триста рублей я переведу отсюда прямо в Париж в Credit Lyonnè,¹ а остальные 130 возьму с собой на всю дорогу и пребывание в Москве. Я выеду, верно, 18-го в воскресенье, так как иначе может оказаться, что я даже и до Красноводска билета не получу. Словом, когда вы это письмо получите, то я буду уже в пути и, верно, на Каспийском море. Но не считайте, что я буду ехать всего 9 дней, так как Ювачев² хочет остановиться в Самарканде, и я тоже не прочь от этого, так как

тех нескольких часов, что я провел там, слишком мало, чтобы осмотреть все. Ведь это по своим развалинам настоящий среднеазиатский Рим. А потом нас задержит еще Военно-Грузинская дорога, тем более что мы поедем не в дилижансе, а на почтовых, чтобы иметь возможность останавливаться в интересных местах. Так что на все это уйдет еще, верно, неделя, так что я очутюсь в Москве только около 6 марта. Во всяком случае при отъезде я вам еще напишу.

А хорошо было бы, если бы Екатерина Владимировна³ действительно отпустила Яшу за границу. Я [сомневаю] не думаю, чтобы в Париже нельзя было бы устроиться на 40 р. А вдвоем, если он со мной поедет, тем более.

В Женеве (потому что если он хочет ехать во Французскую Швейцарию, то поедет, разумеется, только в Женеву) он, пожалуй, пропадет один с тоски. С другой стороны, если бы он поехал в Париж, то верно бы собралась туда и Леля, и это опять-таки было бы очень хорошо для нее.

Ну да это я уж сам буду с ним толковать, когда приеду в Москву.^а Я очень хорошо понимаю его угнетенное состояние. И я сам, становясь в это положение, решительно не знаю, что тут делать. Польза участия в движении слишком ничтожна, а кара слишком велика, т. е. велика не в смысле самой солдатчины, а в смысле неизбежного отказа от солдатчины и следующего после сего возмездия. Я глубоко радуюсь, что я теперь уж не студент. Хотя это в сущности только формальная уловка, и будь я в Москве, я не знаю, что бы я делал. Теперь принимать участие в беспорядках возможно только в том случае, если заранее решишься на все последствия отказа от военной службы. Меня совсем поразило то, что вы пишете, что у московских студентов настроения нет и они его ждут откуда-то. Это-то после отдачи 170 человек в солдаты нет настроения?⁴ Неужели это им для настоящего настроения мало? Откуда же еще большего-то ждать?

Ну до свиданья. Целую бабушку,

Макс.

¹ «Credit lyonnais», «Лионский кредит» — акционерное кредитное общество. Отделение Лионского банка было в Париже.

² Ювачев Иван Павлович (1850—1936) — отец поэта Д. Хармса, народоволец, ссыльный, с которым Волошин познакомился в Ташкенте. О Ювачеве Волошин писал А. Пешковскому 24 января 1901 г.: «Недавно я познакомился еще с одним интересным человеком, сидевшим 4 года в Шлиссельбурге и 12 лет проведенным на Сахалине, на каторге. Свои воспоминания он печатал в „Историческом вестнике“ под псевдонимом Миролюбова. Он был морским офицером и был приговорен за политические организации в войсках сперва к повешению, а потом помилован. Только два года он вышел с Сахалина. Это удивительный человек по какой-то примиренности, с какой он глядит на все. Достоевский, верно, таким был».

³ Глотова Екатерина Владимировна — мать Я. А. Глотова, содержательница меблированных комнат в Москве. А. Пешковский жил у нее некоторое время.

⁴ В конце 1900 г. в связи с выступлениями киевских студентов правительство применило к ним «временные правила» от 29 июля 1899 г.: 183 студента были приговорены судом к отдаче в солдаты. Это послужило поводом ко второй всероссийской студенческой забастовке, начавшейся в январе 1901 г. В феврале она приняла большой размах, выступления студентов стали носить политический характер. Сведения Е. О. Волошиной о настроениях московского студенчества были ошибочными, оно принимало активное участие в общественном движении. Выступления московских студентов в конце февраля были поддержаны рабочими.

5

12 мая 1901.

<Paris>, Rue Bertholet, 11bis.

Дорогая мама!

Вчера я получил ваше первое письмо из Феодосии, адресованное на Rue Bertholet. Поздравляю бабушку с благополучным водворением в Крыму.

^а Далее несколько слов зачеркнуто.

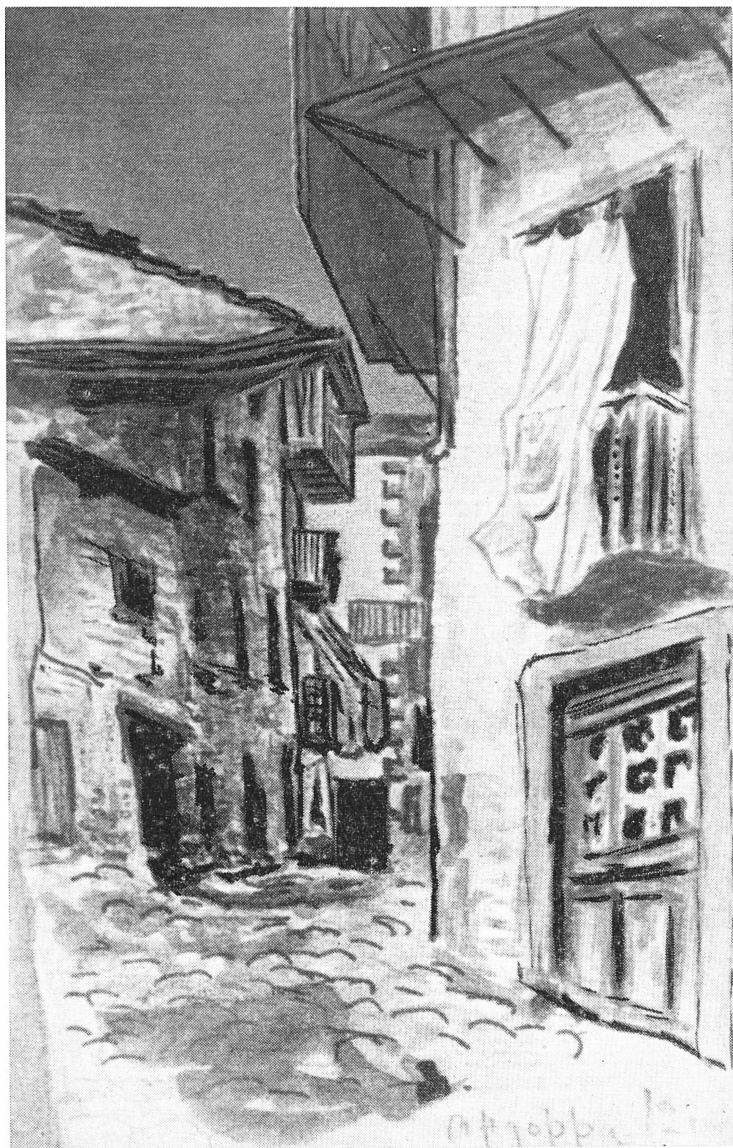

Рисунок М. А. Волошина «Андорра».

Третьего дня я был на митинге французских писателей для выражения протеста против русских безобразий.¹ Хотя Анатоля Франса и не было, но было страшно интересно. Прекрасную речь сказал поэт-анархист Тальяд,² тот самый, который когда-то был ранен бомбой, брошенной в одном из блестящих парижских ресторанов, и, придя в чувство, произнес знаменитую фразу, наделавшую столько шума: «Да! Но жест был красив!».

Затем вся толпа с пением Карманьолы и криками «Vive Tolstoi!!»^а пошла устраивать демонстрацию к русскому посольству. Но на половине дороги явилась масса городских, которые удивительно быстро и ловко разделили толпу и рассеяли. Но часть, очевидно, все-таки дошла до посольства, так как уже через час мы, сидя на Сен-Жермене в кафе с Гамбаровым и Де-Роберти, видели, как пронеслась на велосипедах целая стая городских по направлению к Rue de Gretuelle.

Посылаю вам вырезки из «L'Aurore» и «Petite Republique» за последние два дня. Уже по этому количеству Вы можете судить, как много пишут теперь о России.

«Мы провозглашаем не союз двух правительств, а союз двух революций!», — повторяли на разные лады ораторы.

Сведущие люди, как Дорошевич,³ который теперь в Париже, предсказывают скорое падение франко-русского союза;⁴ но, с другой стороны, теперешнее сочувствие французских intellectuelles показывает, что существует действительно духовный союз, о котором едва ли можно было предполагать. Испанские волнения далеко не пользуются в Париже такой популярностью, как русские.⁵

Вырезки перешлите после Леле.

Целую бабушку. Поклон Петровым.

Макс.

¹ Речь, видимо, идет о выступлениях французской общественности против преследования царским правительством студентов, возмущенных произволом, против жестокой расправы с демонстрантами у Казанского собора в Петербурге 4 (17) марта 1901 г., а также расправы с другими демонстрациями, против подавления печати (в апреле был запрещен журнал «Жизнь» за публикацию ряда статей и «Песни о Буревестнике» М. Горького), ареста революционных деятелей (в том числе Горького) и других репрессивных мер. Волошин писал А. Пешковскому 18 мая: «Это стоило посмотреть, так как были все знаменитости и говорили лучшие ораторы. В „L'Aurore“ печатается целый ряд писем всех французских писателей с протестами против русского правительства. Было даже письмо Метерлинка, и очень хорошее».

² Тайад Лоран (1854—1919) — французский поэт-символист.

³ Дорошевич Влас Михайлович (1864—1922) — журналист, фельетонист.

⁴ Франко-русский союз — военно-политический союз, возникший в 1891 г.

⁵ В это время в Каталонии, и прежде всего в Барселоне, происходили большие волнения среди рабочих.

6

Paris. Rue Bertholet, 11 bis.
23/10 mai 1901.

Дорогая мама!

Получил ваше письмо от 1-го мая вчера. Получили ли вы два мои письма с вырезками из французских газет? Если я успею сегодня купить, то вложу в это письмо ответ Толстого Синоду и письмо к царю.¹

В Париже жарко, пыльно, воняет асфальтом и другими летними запахами больших городов, так что уже собираюсь в Пиренеи недели через две. Лекции все равно уже в июне заканчиваются, и не будет большой беды, если я, начав с середины, не дослушаю до самого конца.² Пишите мне теперь так: «Республика Андорра в Пиренеях. Republique Andorra. Andorra-Viela. Poste restante. A Max Volochine».

^а Да здравствует Толстой! (франц.).

Прежде всего я поеду в эту республику. Она представляет из себя самостоятельное государство на границе между Испанией и Францией. Туда нет никакой дороги, и она замечательна тем, что об ней никто никогда ничего не писал. Во всем государстве 6000 человек населения. Затем я спущусь пешком к Барселоне и оттуда проеду на Балеарские острова, так что пишете после Андорры в Барселону.³ Там теперь кстати интересно: революционное движение.⁴

Я еду с несколькими художниками: именно с Киселевым — академиком,⁵ знакомым Полеповых,⁶ с Кругликовой,⁷ знакомой Вяземских и Ювачева, и ее сожительницей Давиденко.⁸

Вы спрашиваете, кто у меня еще есть из интересных русских знакомых.

Очень интересна семья русских эмигрантов Гольдштейн,⁹ с которой я познакомился [в] через Поленовых. Это бывшие друзья Бакунина.¹⁰ Интересен очень профессор Аничков,¹¹ который после отдачи студентов в солдаты принципиально подал в отставку и уехал из России, и его жена, которая пишет под псевдонимом Iwane Strannik¹² во французских журналах и перевела Горького по-французски, причем Горький имеет теперь громадный успех в Париже и на всех французских митингах протеста его имя всегда упоминается рядом с именем Толстого. А его арестом здесь возмущаются, право, кажется, больше, чем в России.¹³ А потом у меня еще очень много знакомых среди художников и почти все русские профессора, находящиеся в Париже: Гамбаров,¹⁴ Де-Роберти,¹⁵ Котляревский¹⁶ и т. д. Ковалевского¹⁷ здесь еще нет, поэтому я с ним еще не познакомился.

Познакомился с Дорошевичем. Познакомился с польским историком Валишевским,¹⁸ который написал историю Петра Великого. Помните, был разбор в «Вестнике Европы», и вы так восхищались его языком и сравнениями и мне читали. Познакомился и со Скальковским¹⁹ — автором вопросительного знака (передайте Пав. Пав.). Вот замечательный экземпляр. Он как-то каждым своим выражением, каждым словом, всей своей фигурой представляет одно сплошное неприличие и похабство. Вся его речь состоит из самых выразительных русских неприличий. Познакомился с очень интересным ученым иезуитом о. Пирлингом,²⁰ автором громадных исследований о самозванстве. Познакомился с художником Кузнецовым²¹ из Москвы (может, из дяди-Колипых Кузнецовых?). Наконец, даже с некоторыми французскими литераторами и художниками; известным художником Редоном,²² публицистом и поэтом Леклерком,²³ художественной семьей Моллар и т. д., потому что перечислять надоело, да я все равно всех не вспомню. Да, еще познакомился с русским священником Смирновым, с которым Вяземские были хорошо знакомы в Дрездене.

Я никак не могу себе представить бабушку и дядю Сашу²⁴ в Коктебеле. Ваше житье там страшно мне интересно. Какое все это впечатление производит на бабушку и рада ли она, что выбралась из Москвы. Что вы купили землю на берегу моря, а не у Пав. П., я очень рад, и я думаю, что вы сами будете рады. Где теперь m-me Юнге?²⁵ Извинитесь перед Алек. Мих., что я ей все не пишу — я все никак собраться не могу.

Кстати: возьмите у Петровых журнал «Мир искусства» за 1900 год (у них есть) и прочтите там статью Мережковского «Толстой и Достоевский».²⁶ Я недавно прочел и пришел в страшный восторг: это самое глубокое, что было написано о Толстом и Достоевском. Да, вам верно и Алек. Мих. об этом говорила, она мне первая об этой статье писала. А также прочтите там зараз статью Сизерана «Темницы искусства» — очень смелая и страшно верная вещь.²⁷

Ничего вы не знаете об Яше? Где он? Я писал Леле, но ответа не получил еще.

Где теперь Евгения Павл.²⁸ и где она думает быть?

До свиданья. Целую бабушку. Поклон Павл. Павловичу.

Макс.

23 мая. Paris.

¹ Речь идет о статьях Л. Н. Толстого «Царю и его помощникам» и «Ответ на определение Синода от 20—22 февраля и на получение мною по этому случаю письма», которые не могли быть изданы в России. «Ответ на определение Синода» вызван отлучением Л. Н. Толстого от церкви.

² Волошин посещал интересные его лекции в нескольких высших учебных заведениях Парижа: «College de France», «Ecole de Louvre», «Ecole des Beaux-Arts», Сорбонне («Ecole des Hautes Etudes Pratiques» — курс по индусской философии), «Высшей школе общественных наук», в которой в январе 1902 г. он сам прочитал лекцию «Опыт переоценки художественного значения поэзии Некрасова и Алексея Толстого с точки зрения субъективной эстетики нео-идеализма».

³ Волошин посетил Барселону в июне 1901 г., а затем выехал на Майорку (Балеарские острова).

⁴ Несмотря на заверения Волошина в ряде писем, что он не интересуется уже общественными вопросами, интерес его к ним не ослабевал. Об этом, в частности, свидетельствует и его интерес к республике Андорра. Примечателен и выбор им своих знакомых в Париже: он ищет их в среде русских эмигрантов. Андорра (Andorra) — государство в восточных Пиренеях, находящееся под протекторатом Франции и Испании. 18 мая 1901 г. Волошин писал А. Пешковскому: «В конце июня я собираюсь в Пиренеи, в республику Андорру, которая меня окончательно покорила тем, что об ней решительно нигде и ничего не написано. Я туда собираюсь с несколькими художниками, и мы предполагаем составить целое литературно-художественное описание этой неизвестной еще в Европе страны». После посещения Андорры Волошин стал писать статью о ней, которую собирался опубликовать в «Вестнике всемирной истории» или в журнале «Русская мысль». Статья «Андорра» не была закончена, черновая рукопись ее хранится в архиве Волошина. В связи со статьей Волошина особенно интересно выступление нашей печати об этой необычной республике (см. статьи: Семенов Ю. Синие снега Андорры. — «Неделя», 1973, № 11, с. 14—15; Бэльби Э. Самый крупный карлик в Европе. — «За рубежом», 1973, № 25, с. 27). Судя по этим статьям, за столь большой промежуток времени в Андорре произошло мало изменений.

⁵ Киселев Александр Алексеевич (1855—1911) — живописец на исторические темы, детский портретист, академик.

⁶ Поленовы — семья художника Василия Дмитриевича Поленова.

⁷ Кругликова Елизавета Сергеевна (1865—1971) — художница, большой друг Волошина. Ей он посвятил стихотворения «Кастаньеты» и «Парижу». Неоднократно она предоставляла ему свое парижское ателье. О посещении Андорры вместе с Волошиным Кругликова оставила воспоминания (см. сборник: Елизавета Сергеевна Кругликова. Жизнь и творчество. М., 1969, с. 46—48).

⁸ Давиденко Елизавета Николаевна — художница, друг Е. С. Кругликовой. Волошин называл их вместе шутливо «Кругливиденко».

⁹ Гольштейн — Владимир Августович (1849—1917) и его жена Александра Васильевна (ок. 1849—1937). Нашлись в дальнем родстве с Поленовыми. В. А. Гольштейн является двоюродным братом сестер Якунчиковых. В 1871 г. он был обвинен по нечаевскому делу и эмигрировал.

¹⁰ Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — известный революционер, публицист.

¹¹ Аничков Евгений Васильевич (1866—1937) — историк литературы, профессор Киевского университета. В связи с отдачей киевских студентов в солдаты ушел из университета и уехал в Париж.

¹² Аничкова Анна Митрофановна (рожд. Авинова, псевдоним — Иван Странник) — переводчица, пропагандистка русской литературы за рубежом, сотрудница русских и французских периодических изданий.

¹³ Горький был арестован в ночь с 16 на 17 апреля 1901 г. Он был обвинен в организации «недозволенных сборищ» и изготовлении на гектографе (в сообществе с другими) сборника тенденциозных произведений («Летопись жизни и творчества А. М. Горького», вып. 1 (1868—1907). М., Изд. АН СССР, 1958, с. 315).

¹⁴ Гамбаров Юрий Степанович (1850—1926) — юрист, профессор Московского университета, принимал деятельное участие в «Высшей школе общественных наук» в Париже.

¹⁵ Де-Роберти Евгений Валентинович (1843—1915) — публицист, профессор социологии в Брюсселе и Петербурге.

¹⁶ Котляревский Нестор Александрович (1863—1925) — историк литературы, позже академик.

¹⁷ Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — историк и социолог, профессор, организатор «Высшей школы общественных наук» в Париже.

¹⁸ Валишевский Казимир (1849—1935) — польский историк, специалист по истории XVII—XVIII вв. Речь идет о его книге «Pierre le Grand. L'education—l'homme—Гоеург», изданной в Париже в 1897 г. Рецензия на книгу была опубликована в «Вестнике Европы» (1897, № 12, с. 710—753).

¹⁹ Скальковский Константин Аполлонович (1843—1906) — публицист, сотрудник газеты «Новое время». «?» — один из его многочисленных псевдонимов.

²⁰ Пирлинг Павел (1832—1922) — историк, автор работ о смутном времени — «Rome et Démétrius» (Paris, 1878), «Из смутного времени. Статьи и заметки» (СПб., 1902).

²¹ Кузнецов Павел Варфоломеевич (1878—1968) — художник.

²² Рэдон Одилон (1840—1916) — французский живописец и график. С Волошиным его познакомил А. В. Гольштейн. В письме к А. М. Петровой 22 августа 1901 г. Волошин рассказывает о том, как состоялось это знакомство: «... мы встретились в „Салоне независимых“. К ней подходили разные лица, и нам не удалось поговорить. Подошел француз старик с седой, коротко стриженной головой, усам с проседью. Живой, элегантный, с очень умными глазами. Небольшого роста. „Позвольте Вас познакомить ... Одилон Рэдон... (по-русски мне) наша слава и знаменитость“. Имя мне было совершенно незнакомо. Мы пожали руки, и я, конечно, не решился сказать ни одного слова на своем ужасном французском языке». Творчеству художника Волошин посвятил статью «Одилон Рэдон», которая была напечатана в журнале «Весы» (1904, № 4), и стихотворение «Я шел сквозь ночь...», которое впервые было опубликовано в альманахе «Северные цветы» под заголовком «Одилон Рэдон», а позднее вошло в цикл стихотворений «Звезда Полюнь».

²³ Возможно, имеется в виду поэт Леклерк Марк Поль Огюст (1874—1946), который много путешествовал.

²⁴ Глазр Александр Оттобальдович (1860—1917) — брат Е. О. Волошиной.

²⁵ Юнге (рожд. Толстая) Екатерина Федоровна (1843—1913) — художница и мемуаристка, переводчица. Многие годы была дружна с Волошиным (см. написанный им некролог «Екатерина Федоровна Юнге»: «Утро России», 1913, № 22, 25 января, с. 5). Ее муж, Эдуард Андреевич Юнге (1833—1898), был владельцем земель в Коктебельской долине. Е. О. Волошина в 1901 г. купила у него участок земли.

²⁶ Речь идет о статье Д. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» («Мир искусства», 1900, т. 3—4, отд. II), позднее вошедшей в состав его одноименной книги.

²⁷ Статья Р. де-ла Сизерана «Темницы искусства» («Мир искусства», 1900, т. 3—4, отд. I) посвящена вопросу защиты памятников старины от бессмысленных разрушений.

²⁸ Евгения Павловна (в замуж. Воейкова) (1873—1962) — дочь П. П. Теша.

7

29 (16) мая <1901>.

Paris.

Я говорил недавно с одним профессором,¹ подавшим в отставку и уехавшим из России после историй этого года, об «русской революции». «Да, это безусловно революция, — говорил он, — ведь не каждая революция имеет успех, с одной стороны. Потом чрезвычайно трудно определить, что такое революционное движение. Это видно только отступая на несколько десятков лет. Ну, а если сравнить с германским движением 48 года, то все те же элементы окажутся налицо. Безусловно, это начало революции. Именно — только первое начало, а не продолжение 70-х годов, т<ак> к<ак>, вероятно, это движение пойдет совсем иным путем. И посмотрите, какое громадное значение имеет то, что теперь во главе всего революционного движения, оказывается, фактически стоит исполинская фигура Толстого, которого даже русское правительство не смеет тронуть».

Я с этим глубоко согласен. Мне представляется, как какой-нибудь будущий историк уже совершившейся и прошедшей в то время вдаль русской революции будет отыскивать ее причины, симптомы и веянья и в Толстом, и в Горьком, и в пьесах Чехова, как историки французской революции видят их в Руссо и Вольтере, и Бомарше.

Теперь Чехова семидесятники² упрекают за бесцельность и пессимизм, а историк будущего именно в этих качествах будет видеть именно его революционное значение.³ Это все вполне возможно.

Конечно, живя в России, трудно себе это представить, видя, как жизнь идет своим порядком, но ведь и за несколько часов до великой революции никто, даже самые проникательные политики, не чувствовали, что революция уже началась. В Париже в эпоху террора, которая нам кажется такой ужасной, жизнь текла тем же спокойным порядком и туда, так же как всегда, собирались массами иностранцы веселиться и хорошо пожить. Может быть, действительно отсюда из-за границы виднее и понятнее, потому что дальше. Номер «Накануне»⁴ проникнут этим же духом. Обратите внимание на протест матерей.

Страшно даже как-то верить в то, что это «начало», до такой степени это кажется неожиданным счастьем.

Через неделю я уеду из Парижа. Лекции заканчиваются в конце июня, но мне, начавшему слушать в середине, не много горя недослушать нескольких.

До конца мая (стар<ого> ст<иля>) пишите мне в Андорру, а после в Барселону.

Целую вас и бабушку.

Макс.

¹ Среди профессоров, подавших в отставку в связи с репрессивными мерами против студентов, был Е. А. Аничков. Видимо, речь идет о нем.

² Здесь и выше под семидесятниками подразумеваются народники.

³ Современные критики упрекали Чехова в аполитизме и пессимизме. Волошин в данном случае стоит ближе к суждениям исследователей наших дней, которые видят в отказе Чехова присоединиться к «полиявшему» пародничеству конца 1880—1890-х годов или либерализму тех лет свидетельство самостоятельной позиции писателя.

⁴ «Накануне» («On the eve») — ежемесячное социально-революционное обозрение, выходившее под редакцией Н. Серебрякова (Лондон, 1899—1902). Речь идет о № 29 журнала за 1901 г., где была опубликована гневная статья русских женщин «Протест матерей», поддержавших требование своих сыновей: гарантий неприкосновенности человеческой личности, открытого суда над виновниками избиения студентов, свободы печати.

А. Т. АВЕРЧЕНКО

АВТОБИОГРАФИЯ

Публикация А. Д. Алексеева

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся две автобиографии Аркадия Тимофеевича Аверченко, написанные им одновременно в конце 1909 или начале января 1910 г. Об этом свидетельствует упоминание в обеих автобиографиях о предстоящем выходе из печати в феврале первой книги юмористических рассказов Аверченко «Веселые устрицы» (СПб., 1910; выдержала к 1916 г. 24 издания).

Одна автобиография адресована С. А. Венгеру (ф. 377, 2-е собр.), многие годы рассылавшему писателям и ученым биографические анкеты и письма с просьбой в развернутом виде изложить свою автобиографию. Аркадий Аверченко выполнил его просьбу, ответив на вопросы, указанные в анкете.

С аналогичной просьбой обратился к Аверченко и библиограф П. В. Быков, так же как и Венгер, собиравший автобиографии писателей-современников. Краткая автобиография, адресованная П. В. Быкову (ф. 273, оп. 1, № 770), по содержанию мало чем отличается от автобиографии, предназначавшейся С. А. Венгеру.

Автобиографии Аверченко в печати не появлялись, если не считать известного юмористического рассказа «Автобиография», открывавшего первый, уже упоминавшийся сборник рассказов. Рассказ этот содержит данные, нашедшие отражение в автобиографиях, посланных С. А. Венгеру и П. В. Быкову.

Публикуем автобиографию, хранящуюся в архиве С. А. Венгерова.

Милостивый государь Семен Афанасьевич!

Очень извиняюсь, если задержал просимые Вами сведения — одно время был нездоров, а потом исправлял образовавшуюся брешь в делах.

Теперь спешу исполнить то, о чем Вы просите.

С совершенным уважением

Аркадий Аверченко.

Имя мое — Аркадий Тимофеевич Аверченко. Родился в Севастополе 1881 года, 15 марта. Вероисповедания — православного. Отец был купцом, мать из мещан. Историю моего рода за недостаточностью данных проследить трудно. Известно только, что дед мой (по матери) был атаманом шайки разбойников, держал под Полтавой постоянный двор и без всякого зазрения совести грабил проезжих по большой дороге. Мать моя — добрая, кроткая женщина — вспоминает об этом с ужасом, хотя во время дедовских операций была мала и помнит все смутно. Мой отец был очень хорошим человеком, но крайне плохим купцом. Сочетание этих двух свойств привело к тому, что он совершенно разорился к тому времени, когда мне исполнилось 10 лет... Поэтому учиться пришлось дома, с помощью старших сестер — довольно скудно. Все время я пропадал за книгами, вызывая суровое осуждение окружающих своим болезненно-лихорадочным видом и блуждающими от усиленного чтения глазами. Будучи пятнадцатилетним застенчивым мальчишкой, попал на Брянский каменноугольный рудник (около Луганска) писцом и служил в ужасной, кошмарной обстановке безвыходной ямы — три года. Потом переехал в Харьков на службу к той же акционерной компании. Самым значительным событием моей жизни считаю появление в печати моего первого литературного опыта — рассказа «Праведник» («Журнал для всех», апрель 1904 г., № 4). Но писал я тогда мало и напечатал всего несколько

жалких юмористических рассказов в «Харьковских» губернских ведомостях». В 1906 году, поддавшись общей волне, основал в Харькове сатирический журнал «Штык»,¹ имевший в Харькове и даже за пределами его крупный, солидный успех. Я наполнял весь номер, рисуя, пиша, редактируя и корректируя. Но на 9-м номере меня оштрафовали на 500 руб. (я их не заплатил), и журнал закрылся. В 1907 г. начал другой журнал — «Меч», но подъем уже кончился и моему журналу пришлось плохо.² В декабре 1907 г. ко мне явился один малоизвестный мне господин и предложил ехать с ним в Петербург, обещая мне комнату на один месяц и содержание, и уверял, что скоро я выбьюсь. 24 декабря я приехал с ним в Петербург. В первый месяц заработал всего 2 р. 40 к., а во второй — 200. Начал работать в «Стрекозе» и «Свободных» мыслях.³ Сошелся с издателем «Стрекозы», уговорил его прекратить этот не имевший успеха журнал и начать «Сатирикон».⁴ На 9-м № журнала «Сатирикон» я уже был его редактором, которым пребываю и до сих пор. Журнал имеет исключительный успех, которого сначала никто и не ожидал. В конце февраля выходит моя первая книга «Юмористические рассказы», в марте — вторая книга и в июне — третья (в издании «Шиповник»). В настоящее время работаю, кроме «Сатирикона», в «Одесских новостях», где пишу, кроме юмористических рассказов, и политические фельетоны. Зарабатываю в год около 10 тысяч. Произведения мои появлялись в переводах на сербский, болгарский и немецкий языки, но где — указать трудно. Псевдонимы: «Аве», «Медуза-Горгона», «Волк», «Фома Опискин», «Фальстаф». Вот и все.

¹ «Штык. Журнал сатирической литературы и юмора с рисунками в красках» (Харьков, 1906—1907). Вышло 9 номеров.

² «Меч. Сатирический журнал» (Харьков, 1907). Вышло 3 номера.

³ Газета «Свободные мысли» выходила в Петербурге в 1907—1908 и 1911 гг. В мае 1908 г. издание ее было приостановлено в административном порядке.

⁴ Журнал сатиры и юмора «Стрекоза» (СПб., 1875—1908) в 1908 г. издавался М. Г. Корнфельдом. Аверченко редактировал «Стрекозу» с № 23 до ее прекращения в конце 1908 г. В июне 1908 г. «Стрекоза» была преобразована в «Сатирикон» (СПб., 1908—1914). В конце 1908 г. №№ 23—27 «Стрекозы» и №№ 9—13 «Сатирикона» имели один и тот же текст и иллюстрации. Основными сотрудниками редактируемого Аверченко «Сатирикона» были: Саша Черный (псевдоним А. М. Гликеберга), Н. А. Тэффи (псевдоним Лохвицкой), П. П. Потемкин, В. В. Князев, А. С. Бухов, И. Я. Гуревич, Евгений Венский (псевдоним Е. О. Пяткина), В. В. Войнов, Красный (псевдоним К. М. Антипова), Г. А. Ландау, И. К. Прутков (псевдоним Б. В. Жирковича). А. Т. Аверченко редактировал журнал до № 20 1913 г., а затем стал редактором журнала «Новый Сатирикон».

С.-Р.-Н. ДЕ ШАМФОР

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОГРАФ

Публикация П. Р. Заборова

Среди хранящихся в Пушкинском Доме неизданных материалов по истории французской литературы XVIII в. находится автограф младшего современника Вольтера и Руссо, «литератора с отменным талантом» и человека «столь же умного, как и честного» (по определению Пушкина) — Себастьяна-Рок-Никола де Шамфора (Chamfort, 1740—1794).

Выступавший в разных литературных жанрах, Шамфор особенно прославился как писатель-моралист, автор «Максим и мыслей, характеров и анекдотов». Сочинение это, над которым он трудился много лет, было издано посмертно его ближайшим другом, публицистом и критиком аббатом П.-Л. Женгене, в распоряжении которого оказался архив Шамфора и который лучше других представлял себе замысел произведения и его предполагавшийся состав.¹

Ряд материалов, впрочем, остался недоступным и Женгене, а тот, которым он располагал, был им напечатан далеко не полностью. Отсюда дополнения к его редакции, трижды публиковавшиеся во Франции (в 1808, 1857 и 1879 гг.) и восходившие к различным рукописным источникам. Существенный вклад в уточнение и усовершенствование текста «Максим и мыслей, характеров и анекдотов», а также «Маленьких философских диалогов» внес советский исследователь М. В. Толмачев, с исключительной тщательностью изучивший выявленную им в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина рукопись Шамфора — 372 заметки на 356 листках, из которых 46 в печати никогда не появлялись.²

Автограф Пушкинского Дома (ф. 80, № 33) представляет собой всего лишь одну такую заметку на листке излюбленного Шамфором небольшого формата, но и она имеет, на наш взгляд, определенную историко-литературную ценность, поскольку о ней не знали ни Женгене, ни прочие издатели Шамфора, в том числе и советские.³

Текст заметки следующий:

Il faut vieillir son âme et rajeunir son corps.

т. е.

Душою надобно быть старее, а телом моложе.

По своему характеру она относится к числу «максим», и, если придерживаться традиционной классификации, установленной еще Женгене, ее следовало бы включить в первый раздел книги — «Общие рассуждения» (главы I и II).

На том же листке — помета, проливающая свет на судьбу автографа: «Manuscrit autographe de Chamfort conservé par mon père. H. E. Say» («Собственноручная рукопись Шамфора, сохраненная моим отцом. О.-Э. Сэй»). Перед нами, следовательно, фрагмент, попавший к Ж.-Б. Сэю (будущему автору «Трактата о поли-

¹ Oeuvres de Chamfort recueillies et publiées par un de ses amis. V. 1—4. Paris. 1795.

² Толмачев М. В. Рукопись Шамфора в России. — Ученые записки Московского педагогического института им. В. И. Ленина, 1968, № 304, Вопросы зарубежной литературы, с. 132—170.

³ Единственное советское издание вышло в серии «Литературные памятники»: Шамфор. Максимум и мысли. Характеры и анекдоты. М.—Л., «Наука», 1966 (издание подготовили П. Р. Заборов, Ю. Б. Корнеев и Э. Л. Линецкая).

тической экономии»), с которым Шамфор постоянно общался в последние месяцы жизни в связи с изданием журнала «La Décade philosophique, littéraire et politique».⁴ Автограф был или подарен Сэю самим Шамфором, или же взят им на память после трагической смерти писателя. Затем его унаследовал сын Ж.-Б. Сэя — экономист и политический деятель Орас-Эмиль Сэй, которому и принадлежит приведенная выше помета. От него автограф, по-видимому, перешел к княгине М. А. Голицыной, как известно, большую часть жизни проведшей за границей,⁵ а позднее вместе с другими материалами ее коллекции — к видному военному историку кн. Н. С. Голицыну. В составе собрания последнего он и поступил в 1920 г. в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

⁴ Об этом см.: Kitchin J. Un journal «philosophique»: La Décade (1794—1807). Paris, 1965, part. 1.

⁵ О ней см.: Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, с. 152—166. Не исключено, что автограф был получен М. А. Голицыной при содействии А. И. Тургенева, знакомого с Ж.-Б. Сэем и его семьей. См.: Архив бр. Тургеневых, вып. 6. Пг., 1924, с. 357.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН, ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ¹

- Абельдяев Д. А. 121, 122.
 Абрамов Я. В. 22.
 Авенариус Р. 16.
 Аверченко А. Т. 155, 156.
 Адрианов А. В. 19.
 Айзман Д. Я. 12.
 Айхенвальд Ю. И. 22.
 Аксаков А. Т. 79, 81.
 Аксаков Г. С. 77, 78, 83, 84.
 Аксаков К. С. 74—89, 91—93.
 Аксаков М. С. 77.
 Аксаков Н. Т. 78, 81.
 Аксаков С. Т. 74, 76, 78, 83.
 Аксакова В. С. 74—76, 82, 83.
 Александров А. А. 27.
 Александровский А. Н. 22.
 Алексеев А. Д. 155.
 Алексеев А. С. 140, 141.
 Алексеев М. П. 2.
 Алехин А. В. 27.
 Андреев Л. Н. 39, 44.
 Андреевич, см. Соловьев Е. А.
 Андреевский С. А. 27, 29.
 Аничков Е. В. 151, 152, 154.
 Аничкова А. М., псевд. Странник Иван 152.
 Анненкова Е. И. 74.
 Анненский Н. Ф. 7, 9, 12, 17, 24.
 Антипов К. Н., см. Красный.
 Антоний, митрополит 38.
 Аристофан 55.
 Арсеньев К. К. 23.
 Арсеньева Е. И. 27.
 «Астраханский вестник» 5.
 Ахумян Т. С. 129.
 Ашукин Н. С. 130.
 Байтов Г. Б. 22.
 Бакст Л. С. 27, 116.
 Бакунин М. А. 90—103, 151, 152.
 Бакунина А. А. 90, 97, 99, 100, 103.
 Бакунина В. А., рожд. Муравьева В. А. 97, 99.
 Бакунина Л. А. 99, 102.
 Бакунина Т. А. 97, 99, 100.
 Балтрушайтис Ю. 105, 112, 128.
 Бальмонт К. Д. 27, 28, 42, 104—106, 122, 126, 127, 132, 145.
 Баратынский Е. А. 29, 102.
 Баскаков В. Н. 2.
 Батюшков Ф. Д. 22.
 Бахман Г. 109.
 Безродная Ю. И. 12.
 Бекетова Е. Г., рожд. Карелина Е. Г. 22.
 Беккер И. Ф. 16.
 Белинский В. Г. 55, 74, 90—103, 129, 130.
 Беллини В. 77, 78.
 Белый Андрей, псевд. Бугаева Б. Н. 37, 48, 104, 108, 110—115, 121, 122, 127.
 Бельский С. Ф. 27.
 Бенедиктов В. Г. 87—89.
 Бенуа А. Н. 27, 39, 46.
 Бердяев Н. А. 48, 49.
 Березина В. Г. 90, 93, 95—97.
 Березовская Ж. И. 7.
 Бернард Г. 92.
 Бернштам В. В. 23.
 Бестужев-Марлинский А. А. 130.
 Бетховен Л., ван 77, 92, 99, 100.
 Бинасик М. 12.
 Бирюков П. И. 27, 29.
 Бланк С. 12.
 Блок А. А. 37, 111—113.
 Бобович 140.
 Боборыкин П. Д. 127—130.
 Бобринцев-Пушкин А. М. 23.
 Богданович А. И. 6, 23, 33.
 Богучарский В. Я., см. Яковлев В. Я. 22.
 Бомарше П.-О.-К., де 153.
 Боткин В. П. 90—103.
 Боткин М. П. 100.
 Бровман Г. В. 13.
 Брусянин В. В. 22.
 Брюсов В. Я. 26, 28, 38, 40, 41, 45—47, 104—134.
 Брюсова И. М. 126, 127.
 Бугаев Б. Н., см. Белый Андрей.
 Булгаков С. Н. 48, 49.
 Бунин И. А. 12, 20, 21, 36, 44, 105, 106, 133.
 Бутурлин П. Д., гр. 31.
 Бухов А. С. 156.
 Быков П. В. 7, 155.
 Валишевский К. 151, 153.
 Васнецов В. М. 34.
 Великопольский И. Е., псевд. Ивельев 87, 89.
 Величко В. Л. 26.
 Венгеров С. А. 22, 155.
 Венгеров З. А. 128.
 Венский Евгений, псевд. Пяткина Е. О. 156.
 Вербицкая А. А., рожд. Зяблова А. А. 22.
 Вересаев В. В., псевд. Смидовича В. В. 13, 14, 44.
 Верецинский В. Г. 19.
 Вержбицкий М. С. 10.
 Верлен П. 114.
 Верстовский А. Н. 77, 78.
 Верхарн Э. 126.
 Веселовский Алексей Н. 136.
 «Вестник Европы» 53, 54.
 «Весь» 104, 105, 107—116, 127, 133, 134.
 Вилькина Л. Н., псевд. Виленкиной Л. Н. 126—134.

¹ Составили Г. Г. Полякова и Е. В. Свиясов.

- Виноградов В. К. 136.
 Вишпер С. Р. 136.
 Воейкова Е. П., см. Теш Е. П.
 Воинов В. В. 156.
 Войнич Э. Л. 14, 15.
 «Волжский вестник» 5, 6, 12, 25, 26, 28.
 Вологодский П. В. 19.
 Волошин М. А. 28, 136—154.
 Волошина Е. О., рожд. Глазер Е. О. 136—140, 142—148, 150, 153.
 Вольнов И. Е., псевд. Вольный И. 20, 21.
 Вольный И., см. Вольнов И. Е.
 Вольтер 153, 157.
 Вольнский А., см. Флексер А. Л. 28, 30, 32—34.
 Вольф М. О. 45.
 «Вопросы жизни» 49, 109.
 «Вопросы философии и психологии» 27.
 «Восточное обозрение» 5.
 «Вперед» 3.
 Вревский Б. А., бар. 27.
 «Всемирный вестник» 109.
 Вяземская Е. Д. 145, 147, 151.
 Вяземский В. О. 140, 147.
 Вяземский О. П. 145, 147, 151.

 Гайдебуров В. П. 27, 28.
 Гайдебуров П. А. 27, 28.
 Галабутский Ю. А. 139.
 Гамбаров Ю. С. 150, 151.
 Гамсун К. 127, 129, 130, 132.
 Гарди Т., см. Харди Т.
 Гарин-Михайловский Н. Г. 6—9, 11—13.
 Гаршин В. М. 14.
 Гаршин Е. М. 7, 52.
 Гауптман Г. 128, 136.
 Гауфлер В. Л. 144.
 Гегель В.-Ф. 91, 92.
 Гейне Г. 136.
 Гейро Л. С. 51.
 Геккер Н. Л. 21.
 Гердер И.-Г. 74.
 Герольд Л.-Ж. Ф. 77, 78.
 Герцен А. И. 27, 29, 93.
 Гессен И. В. 22.
 Гете И.-В. 77, 78, 92.
 Гизетти А. А. 22.
 Гильченко В. А. 21.
 Гинцбург И. Я. 22.
 Гишпиус З. Н. 22, 26, 27, 32, 34, 36, 38—44, 46—48, 104, 105, 109, 112, 126, 127, 130, 132.
 Глазер А. О. 151, 153.
 Глазер Г. О. 144.
 Глазер Е. О., см. Волошина Е. О.
 Глазер Н. Г. 144.
 Глазер Н. О. 144.
 Гликберг А. М., см. Черный Саша.
 Глинский Б. Б. 23.
 Глотов Я. А. 138, 139, 141—144, 148, 151.
 Глотова Е. В. 148.
 Гоголь Н. В. 38, 41, 50, 114, 117, 130.
 Голенищев-Кутузов Д. И. 22.
 Голицын Н. С., кн. 158.
 Голицына М. А., кн. 158.
 Голлербах Э. Ф. 28.
 Головачев П. М. 18.
 «Голос Москвы» 50, 112—114.
 Голошубин В. И. 20.
 Гольдштейн А. В. 151—153.
 Гольдштейн В. А. 151—153.
 Гольцев В. А. 22, 137, 139, 145.

 Гомер 88.
 Гончаров И. А. 51—73.
 Горьфельд А. Г. 7, 12, 18, 24.
 Горчаков А. М., кн. 88, 89.
 Горький М. 7, 13, 17, 20, 37, 39, 40, 44—47, 105, 106, 116, 124, 127—131, 136, 150, 151, 153.
 Гофман В. В. 111.
 Гофман Э.-Т. 74, 88, 117.
 Гофмансталь Г., фон 114.
 «Гражданин», журнал 39.
 Грановский Т. Н. 93.
 Гребенщиков Г. Д. 19.
 Грефф 77, 78.
 Гречешкин С. С. 104, 126, 142.
 Гречнев В. Я. 6.
 Григорьев А. А. 106.
 Григорьев В. Н. 9.
 «Гриф» 111.
 Грифцов Б. А. 28.
 Гроссман Л. П. 76.
 Груздев А. И. 53.
 Грузенберг О. О. 22.
 Гуковский А. И. 22.
 Гуммель И.-Н. 77, 78, 92.
 Гуревич И. Я. 156.
 Гуревич Л. Я. 32.
 Гусятников П. С. 137.

 Давиденко Е. Н. 151, 152.
 Давыдов И. И. 53.
 Давыдова А. А. 22, 33.
 Даль В. И. 53.
 Д'Аннунцио Г. 129, 130.
 Дарвин Ч. 16.
 Дедлов В. Л., см. Кигн В. Л.
 Де-Роберти Е. В. 150, 151.
 Дионео, псевд. Шкловского И. В. 15.
 Дмитриев В. И. 12.
 Дмитриев М. М. 27.
 Добролюбов Н. А. 55, 129, 130.
 Добротворский П. И. 23.
 Долгополов Л. К. 30.
 «Домашняя библиотека» 33.
 Дорошевич В. М. 150, 151.
 Достоевский Ф. М. 34—41, 50, 130, 148, 151.
 Дрейфус А. 15, 137.
 Дружинин Н. П. 12.
 Дубовиков А. Н. 142.
 Дюма А., сын 136.
 Дягилев С. П. 33, 41, 43, 44, 46.

 Евгеньев-Максимов В. Е. 7, 8, 32, 38, 130.
 Егоров Б. Ф. 90, 91.
 Егоров В. М. 20.
 Егоров Е. А. 27, 46—48.
 «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1972 г.» 115.
 Елагин А. А. 10.
 Елпатьевский С. Я. 12.
 Емельянов Н. А. 20.
 Емельяненко И. 19.
 Ермолова М. Н. 129.

 Женгене П.-Л. 157.
 «Жизнь», журнал 13, 14, 33, 145.
 Жиркович Б. В., см. Прутков И. К.
 Жирмунский В. М. 28.
 Жуковский В. А. 81, 84, 85, 103.

Журавлевы 81, 82.
«Журнал для всех» 20.

Заборов П. Р. 157.
«Заветы» 20, 21, 22.
Загоскин М. Н. 45.
Загоскин Н. П. 6.
Замятин Е. И. 20, 21.
Заславский Д. И. 8.
Засодимский П. В. 22.
Захарянец П. 12.
Зверев Н. А. 140, 141.
Зелинский Ф. Ф. 123.
«Земля и воля» 5.
Златовратский Н. Н. 14, 23.
Злобин В. 48.
«Знание», издательство 11.
«Золотое руно» 105, 107, 110—112, 116, 127.
Золя Э. 16, 137.
Зорге Ф.-А. 16.
Зяблова А. А., см. Вербицкая А. А.

Ибсен Г. 128.
Иванов В. И. 104, 111, 112, 116, 133, 134.
Иванов-Разумник Р. В. 20, 21, 22, 24.
Иванцов Н. А. 136.
Иванчин-Писарев А. И. 3—25, 27, 28.
Иванчина-Писарева С. А. 20, 24.
Ивашковский С. М. 53.
Ивельев, см. Великопольский И. Е.
Игельстром А. В. 22.
Измайлов Н. В. 2.
Искусль-фон-Гилленбауд В. И., бар.,
рожд. Лутковская В. И. 22, 24.
Ильинский А. 129.
Ионов В. М. 22.
Ишеев В. 147.

«Казанские вести» 25.
«Казанский биржевой листок» 25, 30.
Калмыкова А. М., рожд. Чернова А. М. 22.
Кандауров Л. 147.
Кант Э. 39, 71.
Кара-Мурза С. Т. 147.
Карелина Е. Г., см. Бекетова Е. Г.
Карташевская М. Г. 74—89.
Карташевская Н. Т. 74.
Карташевский А. Г. 83, 85, 87.
Карташевский Г. И. 74.
Карышев Н. А. 7, 22.
Катков М. Н. 92, 93.
Кауфман А. Е. 22.
Кашинцев И. Н. 22.
Келтуяла В. А. 22.
Кетчер Н. Х. 91—93.
Кигн В. Л., псевд. Дедлов В. Л. 27.
Кипен А. М. 22.
Киришко-Волошкин М. Я. 142.
Кирмалов В. М. 51.
Киселев А. А. 151, 152.
Киселев Н. Н. 114.
Клеменц Д. А. 5, 6, 20.
Клеменц Е. Н. 24.
Ключевский В. О. 140, 142.
Клюшников И. П. 99, 101, 102.
Клюшников П. П. 97, 99, 101—103.
«Книжки Недели» 28.
Книппер-Чехова О. Л. 44.
Князев В. В. 156.
Кобылинский Л. Л., см. Эллис.

Ковалевский М. М. 151, 152.
Козиенко М. П., см. Свободин М. П.
Кольшко И. И. 27.
Кольцов А. В. 31, 92.
Комиссаржевская В. Ф. 130.
Кондратьев А. А. 43.
Коневский И., псевд. Ореуса И. И. 105.
Кони А. Ф. 52.
Коноплянцев А. М. 27.
Коринфский А. А. 26.
Корнеев Ю. Б. 157.
Корнялов А. А. 91—93, 97.
Корнфельд М. Г. 156.
Королев М. И. 24.
Королева Л. Ф., см. Маклакова Л. Ф.
Короленко В. Г. 5—14, 18, 27, 39.
Косоротов А. И. 27.
Кострова Л. В. 12.
Котляревский Н. А. 22, 151, 152.
Краснопольская А. Д., см. Мысов-
ская А. Д.
Красный, псевд. Антипова К. М. 156.
Кречетов С., см. Соколов С. А.
Кривенко С. Н. 7, 9, 12.
Криницкий М., псевд. Самыгина М. В.
105.
Кронштадтский И. (Сергиев И. И.) 43.
Кругликова Е. С. 151, 152.
Крутовский В. М. 19.
Крюков Ф. Д. 12.
Кудрин Н., см. Русанов Н. С.
Кузмин М. А. 112.
Кузнецов П. В. 151, 153.
Кульос С. 39.
Куприн А. И. 8, 12, 22, 44.
Курсинский А. А. 104, 110, 111.
«Курьер», газета 145.
Кучак Н. 124.

Лавров А. В. 25, 126, 142.
Лавров В. М. 142.
Лавров М. В. 141, 142.
Лаврский К. В. 27—29.
Лажечников И. И. 45.
Ламартин А., де 87, 89.
Ланг А. А., см. Миропольский А.
Лангер Л. Ф. 91—94, 100, 102, 103.
Лангер Ф. Ф. 92.
Ландау Г. А. 156.
Лассаль Ф. 16.
Лебедев Н. В. 12.
Лев XIII 131.
Левашевы 91, 101.
Леклерк М.-П.-О. 151, 153.
Ленин В. И. 8, 20.
Ленский Д. Т. 77.
Леонардо да Винчи 31—34.
Лермонтов М. Ю. 29, 50.
Лесевич В. В. 23.
Леткова Е. П., см. Султанова Е. П.
Летов Б. Д. 7.
Лидин В. Г. 50.
Ликкиардопуло М. Ф. 110—112.
Линева Е. Н. 23.
Линецкая Э. Л. 157.
Литвин Э. С. 129.
«Литературное наследство» 97.
«Литературно-художественный альманах
издательства „Шиповник“» 119.
Лохвицкая М. А. 105.
Лохвицкая Н. А., см. Тэффи.
Луговой А., псевд. Тихонова А. А. 22.

- Лундберг Е. Г. 43.
 Лутковская В. И., см. Иксуль-фон-Гил-
 ленбанд В. И., бар.
 Лямин М. С. 141, 143.
 Лямина Е. С. 141, 143.
 Лямина Л. С., в замуж. Волопина Л. С.
 142.
 Ляцкий Е. А. 22, 51, 72.
- Мадзини Д.** 54.
 Майков А. Н. 25, 27, 29, 30.
 Майкова Е. П. 23, 56, 58, 72.
 Макаров А. С. 142.
 Макаров В. А. 140, 142.
 Макцициан П. Н. 124.
 Макова Л. Ф., рожд. Королева Л. Ф.
 22.
 Маковский С. К. 133, 134.
 Максимов Д. Е. 25, 32, 38, 40, 41, 49, 50,
 126, 130.
 Малахиева-Мирович В. Г. 118.
 Малышев В. И. 2.
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 7, 8, 12, 14.
 Мамонтов С. И. 33.
 Мануйлов А. А. 22.
 Марбах С.-Г. 91, 92.
 Маркс К. 10, 16—18.
 Мартынов С. В. 22.
 Мейерхольд В. Э. 109.
 Мельник И. Б. 27.
 Мельников-Печерский П. И. 45.
 Мендельсон-Бартольди Ф. 99, 100.
 Менцель В. 92.
 Меньшиков М. О. 27, 29.
 Меньшов А., см. Соловьева П. С.
 Мережковский Д. С. 14, 25—27, 30—49,
 104—106, 110—113, 116, 118, 120, 121,
 126, 127, 130, 131, 151.
 Метерлинк М. 113, 114, 126—130, 134, 150.
 Метнер Э. К. 111, 112.
 «Меч», журнал 156.
 Минский Н. М. 27, 28, 36, 38, 46, 49, 104—
 106, 126—128.
 «Мир божий» 13, 14, 22, 33, 45.
 «Мир искусства» 27, 33—36, 39, 41—45,
 49.
 Миролюбов В. С. 20, 21, 38.
 Миролюбов И. П., см. Ювачев И. П.
 Миронов Г. М. 6.
 Миропольский А., псевд. Ланга А. А. 104.
 «Миссионерское обозрение» 43.
 Митянцева А. М. 12.
 Михайлова О. Н., см. Чюмина О. Н.
 Михайловская Н. В. 7.
 Михайловский М. Н. 22.
 Михайловский Н. К. 6—14, 16—18, 25—
 27, 47, 129, 130.
 «Молва», журнал 74, 93.
 Молотов, см. Реутов И. А.
 Морозов Н. А. 21, 22.
 Морозов П. О. 24.
 Морозова В. А. 147.
 «Московский наблюдатель» 74, 92, 93.
 Мстиславский С. Д. 20.
 Муравьева В. А., см. Бакунина В. А.
 Муратов П. П. 27.
 Муратова К. Д. 2, 13, 20, 105, 129, 130.
 Муханов А. А. 106.
 Мысовская А. Д., рожд. Краснополь-
 ская А. Д. 22.
 Мякотин В. А. 15.
- Надеждин Н. И. 80, 81, 90.
 Надсон С. Я. 14, 26, 30.
 Накрохин П. Е. 27.
 «Народная воля» 3.
 Натансон М. А. 20, 22.
 «Начало», журнал 14, 33.
 «Неделя» 10, 28, 29.
 Некрасов Н. А. 130, 152.
 Некрасова Е. С. 23.
 Немировский А. О. 22.
 Нестеров М. В. 27, 34, 50.
 Никитенко А. В. 72.
 Никитенко Е. А. 71.
 Никитенко С. А. 51, 52, 58, 59, 71, 72.
 Николай II 43.
 Никольский Б. В. 7, 27.
 Ницше Ф. 39, 140.
 Новгородцев П. И. 140, 141.
 Новодворский А. О., псевд. Осипович А.
 14.
 «Новое время» 10, 27, 36, 37, 50.
 Новоолоцкий С. 20.
 Новорусский М. В. 22.
 Новоселов М. А. 27, 49.
 «Новый путь» 27, 30, 38—49, 126, 130,
 133.
 «Новый сатирик» 156.
 Нувель В. Ф. 46.
- Обер Д.-Ф. 88, 89.
 Оболенский Л. Е. 6, 7.
 О'Брайен В. 15.
 Обренович А. 131.
 Общество любителей российской словес-
 ности 177.
 Общество попечительства о бедных 137.
 Общество свободной эстетики 117, 119,
 121.
 Огарев Н. П. 102.
 «Одесские ведомости» 156.
 Озеров И. Х. 136, 138, 139, 144.
 Олигер Н. Ф. 22.
 Ореус И. И., см. Коневский И.
 Орлов В. Н. 104.
 Осипович А., см. Новодворский А. О.
 Островский А. Н. 35.
 Острогорский В. П. 52.
 «Отечественные записки» 14, 21.
- Павленков Ф. Ф. 29.
 Павлов-Сильванский Н. Н. 22.
 Павлова К. К. 105.
 Пазухин А. М. 22.
 Панов А. А. 22.
 Панов А. В. 22, 27—29.
 Пантелеев Л. Ф. 24.
 Пейкер И. У. 76.
 Пейкер К. И. 76, 80, 81, 87, 89.
 Пейкер П. И. 87, 89.
 Пекарский Э. К. 19.
 «Перевал», журнал 111.
 Перцов В. В. 26.
 Перцов П. П. 5, 25—50, 105, 107, 130, 133.
 Петербургское нефилологическое обще-
 ство 122.
 Петр I 35, 36.
 Петров С. Г., см. Скиталец.
 Петрова А. М. 136, 137, 140—143, 147,
 150, 153.
 Петровская Н. И. 127.
 Петровы 141, 143, 151.

- «Печать и революция» 41.
 Пешехонов А. В. 7, 17.
 Пешковская А. Н. 141, 142.
 Пешковский А. М. 139, 141—144, 148, 150, 152.
 Пирлинг П. 151, 153.
 Писарев Д. И. 72.
 Писарев М. И. 24.
 Писемский А. Ф. 45.
 Письменная В. В. 24.
 Плаха В. 92.
 Плева В. К. 40.
 Плещеев А. Н. 24.
 По Э. 117.
 Победоносцев К. П. 38, 43.
 Погодин М. П. 80, 81.
 Погожев А. В. 6, 24.
 Погожев Е. Н., псевд. Поселянин Е. 28.
 Подъячев С. П. 10—12.
 Покровский П. П. 138.
 Поленов В. Д. 147, 152.
 Поленовы 151, 152.
 Поливанов Л. И. 142.
 Полюшко Д. А. 55.
 Полонский Я. П. 25, 28, 29.
 Полферов Я. Я. 19.
 Поль 92.
 Поляков С. А. 104, 105, 107, 111, 132.
 Попов М. И. 5.
 Попов С. И. 7, 12.
 Попова О. Н. 7.
 Порфиоров П. Ф. 36.
 Поселянин Е., см. Погожев Е. Н.
 «Посредник» 29.
 Поссе В. А. 13, 147.
 Постников С. П. 20, 21, 24.
 Потанин Г. Н. 19.
 Потапенко И. Н. 136.
 Потапов А. И. 24.
 Потемкин П. П. 156.
 «Правда живая», газета 113.
 «Правительственный вестник» 10, 40.
 Пришвин М. М. 20, 24.
 Протопопов М. А. 12, 24, 54.
 Протопопов С. Д. 24.
 Прутков И. К., псевд. Жирковича Б. В. 156.
 Пушкин А. С. 31, 34, 35, 81, 86, 89, 106, 108, 130.
 Пшибышевский С. 107, 132.
 Пыпин А. Н. 90.
 Пяткин Е. О., см. Венский Евгений.
- «Работник» 3.
 Ракишников Н. И. 21.
 Раппопорт С. А. 24.
 Ратгауз Д. М. 28, 30.
 Рафалович С. Л. 108, 129, 130.
 Редько А. М. 24.
 Рейнгардт Н. В. 5.
 Рейснер М. А. 15.
 Репин И. Е. 24, 28.
 Рерих Н. К. 133, 134.
 Рётшер Г.-Т. 92.
 Реутов И. А., псевд. Молотов 28.
 Ржевский В. К. 93.
 Рождествен А. С. 28.
 Розанов В. В. 24, 32, 33, 38, 46, 50, 126, 134, 135.
 Розенберг В. А. 24.
 Розенблюм Н. Г. 96.
- Ролан де Ла Платьер М.-Ж. 21.
 Романов И. Ф., псевд. Рцы 28, 49.
 Руманов А. В. 24.
 Русакова А. А. 27.
 Русанов Н. С., псевд. Кудрин Н. 15—18.
 «Русская жизнь» 10.
 «Русская мысль» 104, 118—124, 144.
 «Русские ведомости» 10, 11.
 «Русские записки» 9.
 «Русское богатство» 6—20, 22, 25, 26.
 Руссо Ж.-Ж. 153, 157.
 «Русь», газета 11.
 Рцы, см. Романов И. Ф.
 Рыбаков М. А. 19.
 Рысс С. Я. 24.
 Рэдон О. 151, 153.
 Рябушинский В. П. 113.
 Рябушинский Н. П. 105, 110—112.
- Сабашников М. В. 28.
 Саблин В. М. 128.
 Савинков Б. В. 20.
 Садиков П. А. 9.
 Сажин М. П. 24.
 Сазонов Н. И. 76.
 Сализов К. (Павлов) 20.
 Салтыков-Щедрин М. Е. 14, 21, 53, 56, 140.
 «Самарская газета» 6.
 Самыгин М. В., см. Криницкий М.
 Санин А. А., псевд. Шенберга А. А. 114.
 «Сатирикон» 156.
 Сафонов С. А. 36.
 Сафразбекян И. Р. 105.
 Свободин М. П. 138—142, 144.
 Свободин П. М. 142.
 «Свободные мысли» 156.
 Северин 101, 102.
 «Северные цветы» 104, 106, 107, 132.
 «Северные цветы Ассирийские» 132, 133.
 «Северный вестник» 30, 34, 104.
 «Северный курьер» 139.
 Селивановский Н. С. 90.
 Семевский В. И. 24.
 Семенов Л. Д. 43.
 Семенов М. Н. 106, 107.
 Сергеев-Ценский С. Н. 116.
 Серебряков Н. 154.
 Серов В. А. 45.
 Серошевский В., псевд. Сирко Вацлав 14.
 «Сибирская газета» 3, 5.
 «Сибирские вопросы» 18, 19.
 Сивков П. М. 28, 29.
 Сизеран Р., де-ла 153.
 Синегуб С. С. 24.
 Сипягин Д. С. 40.
 Сирко Вацлав, см. Серошевский В.
 Скабичевский А. М. 73.
 Скалозубов Н. Л. 20, 24.
 Скальковский К. А. 151, 153.
 Скиталец, псевд. Петрова С. Г. 44.
 «Скорпион» 45, 104, 106—108, 111, 127, 132.
 Слепцова М. Н. 24.
 «Слово» 50.
 Случевский К. К. 28, 40, 42, 106.
 Смидович В. В., см. Вересаев В. В.
 Смирнова А. 147.
 Снегирев И. М. 53.
 «Современник» 31, 51.

- «Современность» 9.
«Современные записки» 9.
Соколов С. А., псевд. Кречетов С. 110, 111, 126.
Соллертинский С. А. 39.
Соловьев Вл. С. 26, 27, 37, 41, 49, 105, 140.
Соловьев Е. А., псевд. Андреевич 13, 14.
Соловьев С. М. 127, 133, 134.
Соловьева П. С., псевд. Меньшов А. 47, 133, 134.
Сологуб Ф., псевд. Тетерникова Ф. К. 28, 36, 104—125.
Софокл 31, 123.
Станкевич А. В. 91, 93.
Станкевич Н. В. 74—76, 85, 90, 92, 99, 102.
Станюкович К. М. 5, 7, 8, 13.
Стасюлевич Л. И. 56.
Стасюлевич М. М. 56, 58, 71, 72.
Стахович А. А. 28.
Стеклов Ю. М. 91, 92.
Стефанович Я. 19.
«Столичное утро» 111, 112.
Странник Иван, см. Аничкова А. М.
Страусин А. Э., бар. 28.
«Стрекоза» 156.
Строганов (Строгонов) С. Г., гр. 92, 93.
Струве П. Б. 28, 121, 122, 124.
Струкова О. М. 141, 142, 144.
Суворин А. С. 27, 28, 141, 143.
Сукачев В. П. 18, 19.
Султанова Е. П., рожд. Леткова Е. П. 24.
Суханов А. С. 24.
Сухова-Кобылин А. В. 75, 76, 80, 88.
Сухова-Кобылина Е. В., псевд. Тур Е. 88, 89.
«Сын отечества» 11.
Сэй Ж.-Б. 157.
Сэй О.-Э. 157, 158.
Сюнненберг К. А., псевд. Эрберг К. 104.
- Тайад Л. 150.
Таловский А. П. 19.
Тан-Богораз В. Г. 21.
Тарасов Е. М. 114.
Тарасов И. С. 20.
«Телескоп» 74, 76, 90, 91, 94.
Телешов Н. Д. 44.
Тенишева М. К., кн. 33.
Теплова Н. С. 76, 81, 82.
Териан В. 124.
Тернавцев В. А. 38, 41.
Тетерников Ф. К., см. Сологуб Ф.
Теш Е. П., в замуж. Воейкова Е. П. 152, 153.
Теш П. П. 144, 145, 151.
Тимирязев К. А. 137.
Тимковский Н. И. 13.
Тимохина Н. В. 7.
Тихонов А. А., см. Луговой А.
Толмачев М. В. 157.
Толочина А. М., псевд. Шабельская А. 24.
Толстая Е. Ф., см. Юнге Е. Ф.
Толстой А. К. 152.
Толстой Я. Н. 3, 4, 6, 29, 34, 36—40, 50, 123, 127, 136, 137, 150—153.
Толстой Ф. М. 77.
Тренев К. А. 20.
Тур Е., см. Сухова-Кобылина Е. В.
Тургенев А. И. 158.
- Тургенев И. С. 12, 26, 50, 100, 132.
Тэффи, псевд. Лохвицкой Н. А. 156.
Тютчев Ф. И. 25.
- Уитмен У. 42.
Успенский Г. И. 4, 10, 14, 17, 21.
«Утро России» 117.
Уэллс Г. 14, 15.
- Федоров А. М. 24.
Фейербах Л. 55.
Фет А. А. 25, 26, 28, 29, 50, 105, 106, 123.
Фигнер В. Н. 21, 22.
Филиппов А. Ф. 28.
Философов Д. В. 22, 28, 33, 38, 40, 42, 44, 46—49.
Философова А. П. 24.
Фихте И.-Г. 90.
Флексер А. Л., см. Волинский А.
Фор Ф. 137.
Фортунатов С. Ф. 136.
Фофанов К. М. 28, 36, 105.
Франк С. Л. 48.
Франс А. 16, 150.
Фудель И. И. 28.
- Харди (Гарди) Т. 15.
Хармс Д. И. 148.
Хохряков А. Е. 19.
Храбровицкий А. В. 9.
Хрулева Р. П. 136.
- Цейтлин Л. Г. 53, 72.
- Чаадаев П. Я. 102.
«Час», газета 112.
Чеботаревская А. Н. 109, 118—123.
Чемена О. М. 56, 58, 72.
Червинский Ф. А. 36.
Чернов В. М. 20, 21.
Чернова А. М., см. Калмыкова А. М.
Черногубов Н. Н. 105, 106.
Черный Сапа, псевд. Гликберга А. М. 156.
Чернышевский Н. Г. 16, 55, 72.
Чертков Л. Н. 25.
Чехов А. П. 12, 14, 17, 25, 37, 39, 40, 44—46, 129, 130, 132, 136, 141, 142, 153, 154.
Чириков Е. Н. 5, 6, 105, 106.
Чудновский С. Л. 24.
Чуковский К. И. 127.
Чулков Г. И. 47—49, 112, 114.
Чупров А. И. 136, 140, 141.
Чюмина О. Н., псевд. Михайлова О. Н. 114.
- Шабельская А., см. Толочина А. С.
Шамфор С.-Р.-Н. 157, 158.
Шварцман Л. И., см. Шестов Л. И.
Шаховской Н. В., кн. 40.
Шекспир В. 93, 136.
Шеллер-Михайлов А. К. 33.
Шенберг А. А., см. Санин А. А.
Шенрок В. И. 12.
Шестаков Д. П. 28, 30.
Шестеркина А. А. 126.
Шестов Л. И., псевд. Шварцмана Л. И. 37, 132.

- Шиллер Ф. 74, 79, 81, 84, 85, 87, 88.
«Шиповник» 118, 119, 156.
Шишков В. Я. 24.
Шишковы 88.
Шкловский И. В., см. Дионео.
Шкулев М. 20.
Шмелев В. 141, 142.
Шмелева А. П. 141, 142.
Шмелева К. 141, 142.
Шмелева М. 141, 142.
Шмелева О. 141, 142, 150.
Шмит Г. 91—93.
Шперк Ф. Э. 28.
Штраус Д.-Ф. 71.
Штукен Э. 123.
«Штык», журнал 156.
Шуберт Ф. 92.
- Щеголев П. Е. 157.
Щепкина-Куперник Т. Л. 13, 134, 135.
- Эврипид 123.
Эллис, псевд. Кобылинского Л. Л. 140—
142, 144.
Энгельгардт Н. А. 36.
- Энгельс Ф. 16, 18.
Эрберг К., см. Сюнненберг К. А.
Эредиа Ж.-М. 133, 134.
Эртель А. И. 3—5.
Эсхил 123.
- Ювачев И. П., псевд. Миролубов И. П.
147, 148, 151.
Юдина И. М. 3, 6.
Южаков С. Н. 7, 12, 17.
Юнге Е. Ф., рожд. Толстая Е. Ф. 136,
151, 153.
Юнге Э. А. 153.
- Яковлев В. Я., см. Богучарский В. Я.
Якубович П. Ф. 7, 12—15, 24.
Якунчиковы 152.
Ямпольский И. Г. 104.
Янжул И. И. 24.
- «The Athenaeum» 131.
Kitchin J. 158.
«Moderni revue» 108.
Sliwowska W. 76.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

	Стр.
Письмо В. Н. Фигнер к А. И. Иванчину-Писареву. 19 декабря 1904 г.	23
Роман И. А. Гончарова «Обрыв». Черновая рукопись . .	57
Письмо В. П. Боткина к М. А. Бакунину. 20 июня 1837 г.	98
Письмо М. А. Волошина к матери — Е. О. Волошиной (Кириенко). 12 мая 1901 г.	146
Рисунок М. А. Волошина «Андорра»	149

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. Обзоры и сообщения

<i>И. М. Юдина.</i> Архив А. И. Иванчина-Писарева	3
<i>А. В. Лавров.</i> Архив П. П. Перцова	25
<i>Л. С. Гейро.</i> Из истории создания романа И. А. Гончарова «Обрыв». (К эволюции образов Веры и Марка Волохова)	51

II. Публикации

<i>К. С. Аксаков.</i> Письма к М. Г. Карташевской. Публикация Е. И. Анненковой	74
<i>В. П. Боткин.</i> Письма к М. А. Бакунину. Публикация Б. Ф. Егорова	90
<i>В. Я. Брюсов.</i> Письма к Ф. Сологубу. Публикация В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского	104
<i>В. Я. Брюсов.</i> Письма к Л. Н. Вилькиной. Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова	126
Из студенческих лет М. А. Волошина. Публикация Р. П. Хрулевой	136
<i>А. Т. Аверченко.</i> Автобиография. Публикация А. Д. Алексеева	155
<i>С.-Р.-Н. де Шамфор.</i> Неизвестный автограф. Публикация П. Р. Заборова	157
Указатель имен, периодических изданий и учреждений	159
Список иллюстраций	166

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
на 1973 год

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР*

Редактор издательства *Н. А. Храмцова*
Технический редактор *А. П. Чистякова*
Корректоры *Л. Б. Жукоборская, Н. В. Лихарева*
и *Т. Г. Эдельман*

Сдано в набор 20/VI 1975 г. Подписано к печати
3/III 1976 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 2.
Печ. л. 10¹/₂=14.70 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 16.32.
Изд. № 5845. Тип. зак. № 406. М-38231. Тираж 5500.
Цена 98 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12